ДЖОН

МАКДОНАЛЬД

БАЛ В НЕБЕСАХ

МИР
приключений

Бал в небесах

Джон Д. Макдональд

Аннотация
БАЛ В НЕБЕСАХ. ДЖОН МАКДОНАЛЬД
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17

Аннотация

Роман "Бал в небесах" известного американского автора Джона Макдональда – это детективное произведение с фантастическим уклоном, которое будет интересно как любителям фантастики, так и приключенческого жанра.

БАЛ В НЕБЕСАХ
ДЖОН МАКДОНАЛЬД

Глава 1

Наш мир, думал Брэнсон, ужасно похож на цирковое представление из тех окрашенных в розовые тона и таких далеких воспоминаний детства, когда купол цирка уходил под самое небо, а по арене вышагивали огромные кони. Брэнсон отлично помнил клоуна в каких-то бесформенных лохмотьях, который, вцепившись обеими руками в свою уродливую шляпу, неловко раскачивался на натянутой под куполом проволоке. Кажется, вот сейчас клоун рухнет с этой головокружительной высоты, и сердце замирает от ужаса, а ему вдруг каким-то чудом, в последний момент, удается сохранить равновесие — правда, лишь затем, чтобы начать свой безумный танец снова.

И почему-то веришь этому клоуну. Он выглядит будто оглушенный и, похоже, невыносимо боится высоты, но все же изо всех сил пытается доставить удовольствие публике. Попытки его кажутся какими-то жалкими и робкими, особенно когда он достает из своих мешковатых одежд белые тарелки и, постоянно теряя равновесие, отчаянно стараясь не поддаваться страху, не

очень-то ловко жонглирует ими. О, как сверкают его тарелки в огнях прожекторов!

И представляешь себе, как он сделает какое-нибудь совсем уж неловкое движение и его тело ударится о твердую землю… Хочется закрыть глаза, чтоб не видеть, как это произойдет, но не смотреть нет сил. И вдруг его движения становятся уверенными и точными, он сбрасывает бесформенные лохмотья, и взору предстает подтянутый и стройный юноша в плотно облегающем тело трико, который изящно раскланивается под аплодисменты зрителей.

И ты радостно смеешься, глядя в глаза отцу, но чего стоило не расплакаться, знаешь только ты.

А сейчас, казалось, за неумелыми движениями клоуна на высоко натянутой проволоке следили все люди в мире. А клоун жонглировал атомным оружием и еще сотней разнообразных — быстрых и не очень — способов отделения души от тела. Он барахтался там, наверху, в свете прожекторов, а мир напряженно следил за ним, зная, что когда он упадет, все исчезнет навсегда: и цирк, и музыка, и девушка со слонами. И нервы людские натянуты до предела: ведь и так уж слишком долго он под самым куполом вытворяет свои шутки.

Вспоминая цирк детства все ждешь, когда же он

расстанется со своими мешковатыми одеждами и радостно примет аплодисменты всей планеты. Но кажется, ожидание бессмысленно: он застрял там навсегда, он навечно прикован к сияющим прожекторам.

Как-то раз, еще ребенком, Брэнсон видел в Музее Современного Искусства восстановленный фильм Гарольда Ллойда. Уже в то время этому фильму было лет пятьдесят. Человек в очках, поверх которых надета повязка, ходил по стальным стропилам небоскреба — в те давние времена, когда здания тянулись вверх к солнцу, а не опускались в теплую и безопасную глубь земли.

Комедиант даже и не подозревал, что находится на головокружительной высоте. Он куда-то бесцельно брел, выставив вперед руки. А если он делал шаг в пустоту, то откуда-то снизу появлялась новая балка, как раз вовремя, чтоб удержать его от падения. Фильм демонстрировался во время одной из субботних программ, и Брэнсон не мог забыть, как вскрикивали дети, не выдерживая напряжения старого немого фильма.

Может быть, правильнее было бы сравнить нынешний мир с этим комедиантом — ведь клоун знал об опасностях, которые поджидали его, комедиант же в абсурдном неведении просто

куда-то шел.

Музея Современного Искусства больше не существует, а остаточная радиация в районе уже настолько невелика, что в свинцовой обшивке автобусов нет никакой необходимости. Ее, вероятно, оставили, чтобы было что показывать туристам.

В начале семидесятых всем казалось, что вот сейчас клоун упадет, что спасительная балка не успеет вовремя появиться и люди стали с новой жестокостью уродовать чужие города, швыряя друг в друга то, что еще осталось от богатства планеты. Победили явно демократические режимы. В третий и последний раз пропахали армии всю Европу. И сбылись многочисленные предсказания о том, что Европа превратится в самую настоящую пустыню: несколько подчиненных государств, почти не имеющих своих ресурсов, физически и духовно неспособных подняться с колен, ибо главная их цель — выжить. И совершенно непонятно, как так случилось, что мир опять спас себя, находясь уже у самого края пропасти.

Из всех сохранившихся промышленных держав только вновь объединившаяся Пак-Индия оказалась в состоянии организовать новое на-

ступление. Но ей это было ни к чему. Времена безжалостной обязательной стерилизации оказали такое поразительное воздействие на уровень жизни в стране, сделали ее настолько жизнеспособной, что она смогла присоединить к своим владениям Бирму, Таиланд, Цейлон, Малайский перешеек и жирный кусок Китая. Освоение джунглей и пустынь дало Индии запасы полезных ископаемых, сравнимых разве что только с Бразилией, правительство которой совсем недавно переехало в Буэнос-Айрес.

Такого развития событий, подумал Брэнсон, тогда, в предвоенные годы, не мог предвидеть никто. Коммунизм, как политическая теория, да и как религия тоже, потерпел полное поражение, лишь только столкнулся с самым заурядным желанием каждого человека жить так, как ему хочется, и сказочные воздушные замки рассыпались. И снова, как и всякий раз, когда мир балансировал на проволоке, ему каким-то невероятным и замечательным способом удалось сохранить равновесие. Теперь главной демократической силой в мире стала Пак-Индия, и Соединенные Штаты все пытались убедить себя, что занимают равное с Индией положение, хотя каждому разумному человеку было совершенно

очевидно, что они — лишь младшие партнеры могущественной державы. Под каблуком Индии оказались все страны Европы, кроме разве Испании, все народы — даже те, которые образовались в результате распада России. Общей судьбы не избежали также и Канада с Австралией.

Однако время снова словно повернуло вспять, и на международной арене появился враг — фашизм. Образовалась сильная тройственная коалиция. В нее вошли Бразилия, захватившая три четверти южно-американского континента и маршировавшая теперь с воинственными песнями под серебристыми знаменами Гарвы; весь Северный Китай, с теми же песнями, правда, слегка на восточный манер, шагающий за человеком по имени Стивен Чу; и наконец, Ирания, в состав которой входили Аравия, Египет и большая часть Северной Африки, грохочущая стальными подковами под руководством ренегата англо-египетского происхождения Джорджа Фахди.

Когда безумные послевоенные годы остались позади, были проведены новые жесткие пограничные линии: попробуйте только подойти к моим границам — будете иметь дело с моими армиями, бомбардировщиками и ракетными установками, так что не советую соваться в мои

владения!

Мальтус[1] заявил бы, что данная война была бесполезной: она уничтожила всего лишь семь миллионов человек. Зато новых душ и ртов в мире каждый день появлялось восемьдесят тысяч. Это Брэнсону было хорошо известно.

***

Целых восемьдесят тысяч, а в год — около тридцати миллионов. И проблема огромного муравейника встает снова. Эти восемьдесят тысяч в день и есть соломинка, которую надо суметь осторожно положить на очень ненадежное строение. Постарайся, чтобы не дрожали руки, Господи, ты же все делаешь не так. Я же объяснил тебе, как надо сделать, чтобы все получилось. Так и делай, иначе…

Четвертая мировая война уже надвигалась, поднимаясь из глубин, набирая скорость по укатанным дорогам, готовая взорвавшись уничтожить то немногое, что еще осталось от мира.

---

[1] Примечания: 1

Мальтус Томас Роберт (1766 — 1834), английский экономист, основоположник мальтузианства, считал что соответствие между численностью населения и количеством средств существования может регулироваться эпидемиями, голодом, войнами и непосильным трудом.

Но уж она-то должна стать последней. Впрочем, как и предыдущие — только почему-то этого все не происходило.

Мир клоунов старался сохранить равновесие. Комедиант сделал шаг в пустоту…

Брэнсон встал из-за стола и подошел к окну. Снять контору с настоящим окном стало недорого, если вы, конечно, не из пугливых. В дорогом же офисе вместо окна вы непременно увидите хитро сделанную диараму. Появившись на свет, подземная архитектура немедленно испытала необходимость в психологах. Ведь если человеку приходится жить и работать под землей, у него хотя бы должна быть иллюзия того, что он находится на поверхности, поскольку он все-таки не крот, а человек.

В ярких шумных сумерках Площади Новых Времен, на глубине десяти этажей под землей, медленно двигались толпы людей. Американские машины пыхтели, пробираясь по улицам города, с треском и грохотом их моторы работали на низкокачественном бензине. Время от времени перед глазами Брэнсона проплывали "Таджи" и "Брахмы", машины, стоимость и содержание которых были так высоки, что простому смертному даже и мечтать о них не стоило. Самые лучшие

автомобили в мире производились в Индии.

Автомобильная фирма "Тама" конструировала роскошные и мощные машины, в то время как фирма в Детройте, или точнее, то, что от нее осталось, вынуждена была производить автомобили из искусственных материалов, с учетом экономии топлива. Да и модели детройтская фирма выпускала одни и те же из года в год. Брэнсон знал, что в некоторых иностранных машинах сидят туристы из Пак-Индии. Порой было нелегко смириться с их высокомерием и уверенностью, что в Индии все в тысячу раз лучше, чем в Штатах. При этом, если вы не говорили ни на хинди, ни на тамильском, им почему-то казалось, что вы их тем лучше поймете, чем громче они станут с вами разговаривать. Со стороны это выглядело весьма странно. Как-то так получилось, что они стали нахальной новой нацией, вроде юного великана, родившегося из пепла и быстро набиравшего силу.

Но Брэнсон знал, что обращаться с ними надо деликатно. Страна, к сожалению, нуждалась в их туристских рупиях.

Их президент Гондол Лол отличался таким же точно высокомерием, что и все его сограждане. Казалось, из всего, что производила Америка, Ин-

дия признавала полностью и без оговорок только красоту длинноногих американок. Брэнсон забыл на время об усталости, накопленной им за последний год, когда подумал, что теперь, благодаря его усилия, приближающаяся война может быть остановлена, а барабаны и горны снова замолчат. Эту секретную миссию ему доверил мудрый и дальновидный президент Соединенных Штатов, Роберт Энфилд. С практической точки зрения все свелось к самой обычной сделке. Энфилд и некоторые другие лидеры понимали, что экономика не выдержит еще одной войны. Индия не добьется ничего, просто выдвигая свои требования, а просить что-либо они отказывались. Тройственная коалиция не желает ничего обсуждать непосредственно с Индией. И Соединенные Штаты стали как бы связующим звеном между ними.

То, что Дарвин Брэнсон видел в Буэнос-Айресе, Александрии, Шанхае и Бомбее еще раз убедило его в давно известном: человек по природе своей скорее добр, чем злобен, но еще не понял, что весь мир охвачен страхом. И вот теперь, наконец, кажется, наступает время благородных людей.

Он вынужден был проделать все необходимое тайно. Встречи устраивались в укромных

уголках, в дешевых конторах, вроде этой. Еще две встречи, и можно будет заключить сделку: Новое соглашение о взаимопомощи, распространяющееся на весь мир. Наконец-то происходит нечто осмысленное, наконец-то люди смогут избавиться от страха и спокойно посмотреть, что же творится вокруг. Он взглянул на часы. Еще двадцать минут раздумий в одиночестве, и они прибудут: Дейк Лорин, его молодой помощник, его правая рука в течение всего этого года осторожных переговоров, и этот странный англичанин Смит, которому Джордж Фахди доверил заключение сделки. Когда все предложения будут согласованы, можно связываться с президентом Индии Гондолом Ламом: пусть увидит на какие уступки готовы идти все остальные. Результатом будет улучшение условий жизни в странах, заключавших сделку, — а это приведет к снижению напряженности. По его сведениям, Гондол Лам не откажется выслушать их доводы, да и Смит готов к переговорам.

Он стоял у окна, маленький измученный седой человек с добрыми глазами и лицом, изборожденным морщинами. Повитуха мира — так называл его президент Роберт Энфилд. Еще пятнадцать минут. Он услышал шаги в пустом коридоре.

Решив, что они прибыли раньше установленного часа, Брэнсон подошел к двери и открыл ее. Молодые люди, стоявшие на пороге, показались ему самыми обыкновенными: симпатичные юноша и девушка, очень уверенные в себе.

— Боюсь, что вам надо не сюда, — вежливо сказал Дарвин Брэнсон.

— Боюсь, что как раз сюда нам и надо, — ответил молодой человек с сожалением.

Всегда существовала возможность погибнуть от руки фанатиков. Но у этих молодых людей не было того особенного взгляда, который достаточно увидеть один раз, чтоб запомнить на всю жизнь.

Дарвин Брэнсон все еще размышлял на эту тему, когда молодой человек убил его. Жизнь Брэнсона с такой поразительной скоростью перешла в смерть, что ему даже не дано было понять, как все уходит и наступает вечная ночь. Девушка подхватила убитого и легко отнесла его в кабинет. Она стояла, придерживая тело, и лицо ее при этом ничего не выражало. А в это время ее напарник что-то очень быстро делал: от его ручного инструмента шло слабое электронное жужжание. Девушка опустила тело на экран, который он развернул, затем вышла из кабинета

и стала ждать, прислушиваясь к звуку капающей из крана воды. Через некоторое время жужжание прекратилось, а затем затих и звук льющейся воды. Ее товарищ вышел и, сворачивая экран, сделал ей знак. Она подошла к двери кабинета и открыла ее — на пороге с неподвижным лицом стоял Дарвин Брэнсон. Она поманила его, он вошел деревянной походкой и сел за стол. Молодой человек наклонился и шепнул что-то Брэнсону на ухо. Затем кивнул девушке, и они вышли из офиса, прикрыв за собой дверь.

— Тридцать секунд, — сказала девушка.

Молодой человек постучал в дверь.

— Боюсь, что вам надо не сюда, — вежливо сказал Дарвин Брэнсон.

— Простите, сэр. Похоже, вы правы. Извините за беспокойство.

— Ничего страшного, — ответил Брэнсон.

Молодые люди пошли к лестнице. Спустившись на несколько ступенек, они стали ждать. Через некоторое время они услышали как остановился поднимавшийся лифт, с грохотом открылась дверь и двое мужчин направились к конторе Брэнсона.

Молодой человек снова кивнул девушке, и она ответила ему мимолетной застенчивой улыбкой.

Стояла глубокая ночь. Молодой человек открыл лестничное окно, и они легко ступили на подоконник, нависший высоко над улицей. Захлопнув за собой окно, оба в ту же секунду оказались стоящими на высоком карнизе здания на другой стороне площади. Они заглянули в ярко освещенные окна конторы Брэнсона, где что-то серьезно обсуждали трое мужчин. Потом они стали играть, переносясь, как вспышки темного пламени, с одного каменного выступа на другой. Это был какой-то безумный вариант пятнашек: молодой человек, наконец, угадал намерение девушки, появился одновременно с ней на обломках стоявшей в гавани Статуи Свободы и коснулся плеча своей подруги. Они тихо рассмеялись. Со стороны это можно было принять за бесшабашную детскую игру после трудного урока. Молодые люди взялись за руки и исчезли. В это время Дарвин Брэнсон беседовал со Смитом, который чем-то ему не нравился. Брэнсон интуитивно чувствовал, что Смиту нельзя доверять: он весь какой-то масляно-скользкий. Наверное, не стоит рисковать и рассказывать ему всего: уж очень он похож на человека, который может повернуть дело так, как будет выгодно лично ему. А вот Дейку Лорину, казалось, Смит нравился. Дарвин Брэн-

сон испытывал легкое презрение к Дейку Лорину. Этот молодой человек уж слишком… благороден. Он так наивен и доверчив. Дейк хочет, чтоб все верили, что Земля может снова стать Райским Садом. Дейк сидел рядом с ними, неуклюжий из-за своего огромного роста, с шапкой непослушных черных волос и нависшими бровями над глубоко посаженными глазами, так похожий на огромную грустную обезьяну, тоскливо пытающуюся исправить ошибки, сделанные человечеством. Таким, как Дейк, всегда нравились типы вроде этого масляного Смита.

Участвуя в разговоре, Дарвин Брэнсон раздумывал, что же могло заставить его потратить целый год на эту бессмысленную затею. Ясно, что несколько компромиссов не принесут никакого результата. Мир идет к войне, и пора уже Роберту Энфилду перестать обманывать самого себя, пора ему перестать думать, что Соединенные Штаты смогут, выступив с разумными предложениями, предотвратить катастрофу. На самом деле, главное сейчас понять, какая сторона победит — пока еще не поздно.

Брэнсон знал, что Смит чувствует его презрительное отношение, и это его развлекало.

Глава 2

Смит въехал в страну по фальшивому паспорту, который удалось получить не без помощи заместителя государственного секретаря. Дейк Лорин встретил Смита в Бостоне, чтобы отвести его на встречу с Дарвином Брэнсоном.

У Смита было лунообразное лицо, глаза, похожие на шляпки гвоздей, и пухлые детские ручки. Видно было, что его мучают неуверенность и сомнения. Дейк изо всех сил старался произвести на Смита благоприятное впечатление. Это было совсем не просто. В сознании Дейка Смит по-прежнему оставался чем-то вроде сложной механической куклы. Сделаешь неверное движение — и на тебя обрушится лавина пропагандистской чепухи: Ирания могущественна, армия Ирании не знает страха, Джордж Фахди, наш лидер, смотрит далеко вперед. И вот сейчас предстояло заставить Смита отказаться от псевдопатриотических штампов и попытаться общаться с ним на другом уровне.

Дейк Лорин спокойно вел свой скромненький автомобиль со скоростью шестьдесят пять миль

в час, притормаживая на разбитых участках дороги. Машина, как почти все творения рук человеческих, была маловата для Дейка: казалось, его колени и локти заполняют все ее внутреннее пространство.

— Если я правильно понял, мистер Брэнсон произвел сильное впечатление на вашего лидера.

Смит пожал плечами.

— Он сказал мне, что мистер Брэнсон уникален. Замечательный человек. Таких людей очень мало.

— Я работаю с мистером Брэнсоном около года.

Смит бросил на Дейка короткий взгляд.

— Скажите… вы по профессии государственный служащий?

— По профессии — нет. Я журналист. Несколько лет назад я работал в Вашингтонском пресс-бюро, и мне довелось взять интервью у Брэнсона. Он… произвел на меня впечатление.

— Вы меня интригуете, — произнес Смит без всякого выражения.

Дейк принял решение. Чтобы обезоружить Смита, ему придется приоткрыть некоторые тайники своей души.

— Я всегда был волком-одиночкой, мистер Смит. Да к тому же немного фантазером. Этому

всегда бывает причина. Когда я был двенадцатилетним мальчишкой и смотрел на мир широко открытыми глазами, моего отца арестовали. Он был мелким политиком — и вором. Он так и прожил бы спокойно и безнаказанно всю жизнь, если бы не смена администрации. Его принесли в жертву. Была заключена сделка, и отцу грозило всего восемнадцать месяцев. Но с судьей договориться не удалось, отец получил десять лет. А когда он узнал, что его старый приятель-губернатор ничего не хочет для него сделать, отец повесился. Мать спокойно перенесла удар, и мы стали жить вдвоем. После самоубийства отца мне часто приходилось драться на школьном дворе. Наверное, все это наложило на меня определенный отпечаток. Я рос страшным забиякой, и меня переполняло желание изменить мир так, чтобы в нем не было места несправедливости.

— Ну и мечта!

— Да, пожалуй, странная. Но так или иначе, у меня появилась цель. А когда я на собственной шкуре убедился, что не смогу изменить мир, размахивая кулаками, я решил наставить его на путь истинный. Я стал пророком, вещающим с газетных страниц. Но оказалось, что легче пробить головой каменную стену. То, о чем говоришь во

вторник, забывают к среде. И вот однажды мне посчастливилось взять интервью у Дарвина Брэнсона. Но очень скоро оказалось, что это он берет у меня интервью. Впервые в жизни я встретил человека, с которым мог по-настоящему общаться. Он, в точности как и я, верил, что в человечество природой заложены все самые лучшие качества. Мы не могли наговориться и встретились еще раз, уже неожиданно. Когда я узнал, что он собирается уйти на покой, я почувствовал отчаяние: сдается единственный разумный человек среди всех политиков. Но тут он приехал ко мне и все рассказал. Я сразу бросил журналистику, и вот уже более года мы работаем с ним вместе.

— И вы сохранили мечту о мире, где нет места несправедливости?

— Об этом вам расскажет мистер Брэнсон.

— Весь мой опыт подсказывает мне, мистер Лорин, что мечтателям нет места в большой политике.

— А вы попробуйте взглянуть на ситуацию пристальней: ведь со времен Хиросимы мы живем в постоянном страхе. Каждый из нас. Страх оказывает влияние на все наши действия, от женитьбы до заключения международных соглашений. Страх делает агрессивной политику каждой стра-

ны, каждого военного блока. И агрессивность еще больше увеличивает страх. В результате каждый блок выдвигает такие требования, которые совершенно неприемлемы для других.

— Пак-Индия должна прекратить провокации на своих северо-восточных границах.

— Совершенно точно. Но если приглядеться внимательней, складывается впечатление, что все узловые требования хорошо сбалансированы. И если нам удастся удовлетворить их одним всеобщим соглашением, мы получим время для передышки, которая всем так необходима. В будущем это может войти в привычку, и когда возникнут новые проблемы, будет и почва для новых соглашений. То, что мы предлагаем — реально, мистер Смит.

— Мы не пойдем на уступки, — твердо сказал Смит.

— Перестаньте повторять слова своего Вождя, мистер Смит. Простите мне мою резкость, но давайте говорить как люди, как мыслящие существа. Находясь на столь высоком посту, вы не можете не ощущать всю непрочность, ненадежность вашей позиции. Думаю, вы многое отдали бы, чтобы заглянуть в будущее лет на десять вперед и увидеть себя на прежнем месте, да к тому

же в безопасности. Не так ли?

— В жизни слишком много непредсказуемых факторов. — Однако, мы стремимся свести их к минимуму. Мы хотим уверенности, что сможем жить, любить и быть счастливыми, а на уровне государств действуем так, что наши шансы на такую жизнь постоянно уменьшаются. Словно все мы действуем по принуждению, как лемминги, бегущие к морю, чтобы утонуть. Мистер Брэнсон не верит, что договорится невозможно, что мы обречены жить в страхе. Он считает, что, проявив добрую волю, мы сможем сделать мир таким, каким он был в первые четырнадцать лет нашего века — вполне подходящим местом для нормальной жизни. Ваш Вождь такой же человек, как вы, как я. Ему совсем не нужна агрессия для укрепления своих позиций. Ему необходимо, чтобы уровень жизни в его стране непрерывно повышался. Разумные договоры, разумное использование природных ресурсов сделает это вполне возможным.

— Вы говорите, как свободный торговец из хрестоматии по истории.

— Возможно, вы правы. Речи мистера Брэнсона куда убедительнее.

— Войны, мистер Лорин, явление циклическое.

— Да, так обычно оправдывают их возникновение. Кто может остановить цикл? На солнце есть пятна — что с этим можно поделать? Мистер Брэнсон называет такие объяснения статическими.

— Похоже, ваш мистер Брэнсон умеет убеждать.

— Поверьте, это действительно так.

Дейк поставил автомобиль в гараж, рядом с площадью Новых Времен, и они направились сквозь слабые серые сумерки к снятому специально для этого случая офису. Дейк с отвращение почувствовал, что если Смиту захочется сказать что-нибудь о загнивающей профашистской демократии, то площадь Новых Времен будет для этого самым подходящим местом. Такому человеку, как Смит было бессмысленно доказывать, что перед его глазами лишь одна сторона медали, это сборище зловонных безумцев совсем не типично для сердца страны, где упрямые и твердые люди в лабораториях, на полях и в шахтах напряженно работали, чтобы их страна вновь стала процветающей. Главная проблема Земли, как не раз говорил Брэнсон, лежит в области биономики. Человек постепенно превратил окружающий его мир в место, полное самых разнообразных опасностей. Перед человечеством стояла зада-

ча, решение которой не терпит отлагательства: снова сделать Землю пригодной для жизни. Человеческую натуру, стойко продолжал утверждать Брэнсон, вовсе не нужно переделывать. В основе ее всегда лежала природная тяга человека к добру. Акты насилия были лишь продуктами страха, неуверенности в завтрашнем дне. Войны семидесятых годов привели лишь к дальнейшему разрушению морали.

Люди искали выхода в оргиях, иссушающих душу наркотиках, странном и извращенном садизме. 165-я улица была центром подобных развлечений. У поворота в темную аллею три женщины, явно находящиеся под полным воздействием проно, безжалостно избивали японского матроса. Хихикающие парочки одна за другой заходили в мрачноватые фойе маленьких кинотеатриков, чтобы арендовать дешевые номера, где три сверкающие изогнутые стены были трехмерными экранами, на которых непрерывно шло бесконечное и бессмысленное непристойное Голливудское шоу. Цензура ограничивала подобные шоу только гетеросексуальными темами, но в дальних кварталах можно было посмотреть в приватных залах импортированные шоу самого чудовищного содержания.

В стране было множество сект, которые из-за отвращения к нравам, царящим вокруг, основали новую религию, запрещающую производить себе подобных. Скандирующие толпы фанатиков-сектантов пикетировали входы в "притоны разврата". Никто не обращал на них ни малейшего внимания. В канаве лежал труп ребенка. Важный индиец стоял рядом со своим сверкающим автомобилем и скучающим голосом отвечал на вопросы подобострастного полицейского.

— Сюда, мистер Смит, — сказал Дейк, довольный тем, что он может увести своего спутника с улицы.

Они поднялись наверх в кряхтевшем лифте и пройдя через холл, вошли в офис. Дарвин Брэнсон быстро вышел из-за стола. Дейк почувствовал прилив уверенности, всем его сомнениям пришел конец.

Совещание началось. Дейк слушал мягкий убеждающий голос Брэнсона в пол-уха, настолько привык к нему. Но вдруг Дарвин Брэнсон холодно произнес:

— Разумеется, если все мной сказанное удовлетворит вашего Лидера, то президент Энфилд просит его… э… относится к нам дружелюбно.

Дейк весь напрягся:

— Дарвин! Неужели Вы имеете в виду, что мы…

— Пожалуйста! — прервал Брэнсон твердо.

Дейк неохотно замолчал. Он решил, что у Брэнсона есть веские причины на то, чтобы вести эти переговоры совсем не так, как все предыдущие. Смит улыбнулся.

— Поговорив с вашим юным другом, я опасался, мистер Брэнсон, что мне придется иметь дело со святым. Я рад видеть… реализм ваших подходов. — Наша страна, мистер Смит, не может не заручиться поддержкой такой могущественной державы, как ваша.

— Могу ли я сделать вывод, что наши будущие соглашения будут скорее… э… для видимости?

Никогда прежде Дейк не видел улыбки, подобной той, что появилась теперь на лице Дарвина Брэнсона.

— Разумеется, мистер Смит. Но мы ведь с вами джентльмены, и в нашей искренности и серьезности не должно возникнуть сомнений. Вообразите, как будет возмущен президент Гондол Лам, если у него появятся подозрения, что при полной ответственности соглашений с ним, наши с вами будут сделаны только для видимости.

Смит кивнул.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. Конечно, мы должны выглядеть совершенно искренними. Теперь меня интересует… носили ли аналогичный характер ваши договоренности с Гавра и Чу? Думаю, я могу задать этот вопрос?

— Конечно, мистер Смит. Я скажу об этом. Они все боятся, что… это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Я думаю, — сказал Смит, — что я могу сделать альтернативное предложение. Мы можем отдать Испании Гибралтар.

— Дымовая завеса, — с жаром сказал Дейк. — Это ничего не значит. Вы направите на них свои ракетные установки, и от соглашения не останется и следа.

Смит вопросительно посмотрел на Брэнсона. Брэнсон произнес:

— Не нужно недооценивать это предложение, Дейк.

— Но все же совершенно очевидно. Вы же сами сотни раз говорили, Брэнсон, что каждый договор должен быть настоящим и честным, иначе у нас ничего не выйдет. Когда все увидят, что Ирания просто делает чисто символическое предложение вместо настоящего договора, они откажутся от своих обещаний, и вся наша работа окажется

бессмысленной.

— Вашего юного друга переполняет детская вера, мистер Брэнсон.

— Это присуще всем молодым. Я передам ваше предложение президенту, мистер Смит.

— И целый год нашей работы будет уничтожен, — глухо сказал Дейк. — Я просто… не понимаю.

Брэнсон встал.

— Чем еще могу служить, мистер Смит?

— Благодарю вас. Билеты уже зарезервированы. Утром я уже буду в Александрии. Заверяю вас, что мы не забудем о вашей… искренности. Смит поклонился Брэнсону, а потом немного насмешливо Лорину.

Как только дверь за Смитом закрылась, Дейк сказал:

— Вы все испортили, Дарвин. Все!

Брэнсон откинулся в кресле. Он выглядел усталым, но довольным.

— Другого пути у меня не было, Дейк. Мне стало совершенно очевидно, что у нас нет ни малейшего шанса собрать их всех вместе.

— Но вчера вы сказали…

— Многое произошло со вчерашнего вечера. Я не могу говорить об этом сейчас. Мы должны

были изменить нашу позицию. Этот Смит, конечно, скользкий тип. Но он представляет Иранию — а это нефтяные запасы, Дейк. И колоссальные людские резервы. Влияние Ирании постепенно распространяется вглубь Африки — а там огромные ресурсы. Дейк, с ними полезно поддерживать дружеские отношения.

— Постойте. Ведь мы уже давно выяснили, что подобный образ мысли достоин презрения, что это слепой оппортунизм — идти за тем, у кого мускулов побольше… Проклятие, я не могу принять такую позицию, Дарвин!

— Дейк, когда видишь, что основной план невыполним, нужно выбирать из оставшихся. Именно так должны мыслить настоящие политики.

— Но ведь это полная чепуха! Вы выбрали кратчайший путь к самоубийству — и это вы, человек, для которого такое еще вчера было невозможно! Вы превратились в…

— Осторожнее на поворотах, Дейк!

— И не подумаю. Я отдал этому год жизни, а теперь вижу, что наша деятельность была лишь дымовой завесой, что наши разговоры о братстве всех людей были сплошным лицемерием с вашей стороны, что все это время вы готовили очередную закулисную сделку.

— Подобные сделки — максимум, на что наша страна может надеяться. Мы вынуждены разделять позицию тех, на чьей стороне реальная сила. Я думаю… у нас это получилось.

— У вас, но не у меня. Я в этом не участвую. Отныне я покончил с политикой, Дарвин. О, вы затратили немало сил, чтобы вовлечь меня в ваши политические игры. Вам удалось настолько убедить меня, что мы практически стали партнерами. Боже мой, для меня ведь это было больше, чем просто мечта!

— Вспомните, Дейк, почему Великобритания так долго продержалась после того, как потеряла реальную силу? Они умели так расчетливо балансировать…

— А чем все это кончилось, Дарвин? Когда Индия вышвырнула их с островов Фиджи, сколько людей они потеряли? Да вы меня просто не слышите! Ведь сейчас мы все делали не для себя. Мы делали это для всего мира, Дарвин.

— Иногда разумно удовлетвориться малым.

Дейк Лорин почувствовал, как его захлестывает волна черного безумного гнева, который был его самым страшным проклятием. Все его мышцы напряглись, навалилась слепота, он потерял контроль над своими движениями, перестал

чувствовать течение времени… Очнувшись, он увидел, что держит Брэнсона за лацканы пиджака и отчаянно трясет его.

— Дейк! — кричал Брэнсон. — Дейк!

Гнев постепенно уходил. Дейк почувствовал, что весь вспотел. После таких вспышек его всегда охватывала слабость. Он бросил Брэнсона в кресло и устало промолвил:

— Сожалею.

— Лорин, вы сумасшедший!

— А вы-то, оказывается, самая обычная дешевка, Брэнсон. У меня есть предчувствие, что очень многие поймут, как вы предали интересы всей человеческой расы, заключив этот договор. Я расскажу о вас, расскажу обо всем. И пусть весь мир вас судит, Брэнсон.

— Один момент, Лорин. Тут возникает вопрос о безопасности. Я ведь могу представить вас как политически неблагонадежного, и тогда в трудовом лагере вы сможете охладить свой пыл. Вам же известно все это, не так ли?

— Вы думаете, что так вам удастся меня остановить?

— Вы участвовали в секретных переговорах. Любое нарушение секретности будет свидетельствовать против вас.

Дейк тихо сказал:

— Это говорит человек, который утверждал, что его возмущает появление трудовых лагерей, что он считает этот закон варварством. Вы изменились, Брэнсон. Вы стали другим человеком… Я буду делать то, что считаю нужным, а вы — идите к дьяволу!

— Только прежде, Дейк, проанализируйте и собственные мотивы. Если вы всю жизнь хотели стать мучеником, то теперь у вас появилась прекрасная возможность.

— Это удар ниже пояса.

— Я, в общем-то, не виню вас, Дейк. Вы расстроены, а разочарование всегда тяжело переносить. Но вы мой друг. Я не хочу, чтобы вам было плохо. Дейк несколько секунд пристально смотрел на Брэнсона. Говорить больше было не о чем. Повернувшись на каблуках, Дейк вышел из офиса, с силой захлопнув за собой дверь.

Глава 3

На следующее утро в величественной церковной тишине строгих офисов газеты "Таймс" Дейк Лорин, медленно и испытывая неловкость, поднимался по служебной лестнице, переходя из кабинета управляющего редактора в кабинет заместителя издателя, и, вызывая интерес у множества юных девушек с лошадиными зубами и внешне безобидных молодых людей. Этот газетный мир был незнаком Дейку. Война и вызванная ей нехватка древесины привели к слиянию двух сохранившихся конкурирующих ежедневных газет и в самые тяжелые времена газета состояла из четырех маленьких листков размером в половину обычного листа, но зато в каждом номере неизменно печатались истории из индийской жизни.

Теперь газета вернулась к своим прежним внушительным размерам, да и печатали ее на коричневой зернистой бумаге, сделанной из водорослей и трав. Вы не услышите тут грохота печатных прессов и громких выкриков: "Эй, мальчик!" Здесь царит величественная тишина.

— Он вас примет, мистер Лорин, — объявила плоская, как доска, особа женского пола.

Дейк вошел в кабинет. Диорамы в оконных проемах изображали покрытые лесом холмы и голубые горные озера. Издатель оказался маленьким круглым человечком с женскими плечами и подбородком с ямочкой.

— Садитесь, мистер Лорин, — сказал он, держа визитную карточку Дейка двумя пальцами так, будто это было нечто невыносимо омерзительное. — Я вас вспомнил, мистер Лорин. Я получил ваше личное дело. Ваше имя, конечно же, сразу показалось мне знакомым. Ну, что, давайте почитаем, что здесь про вас написано. Военный корреспондент. Был ранен. В семьдесят третьем году, находясь в отпуске, женился. Жена погибла во время бомбардировки Буффало, когда было отражено нападение летчиков-самоубийц. По возвращении с фронта работал репортером в филадельфийской газете "Бюллетень". Показал себя прекрасным журналистом, печатая на страницах газеты отчеты о заключении Конвенции семьдесят пятого года, и вскоре стал политическим обозревателем. Во время расцвета своей карьеры сотрудничал одновременно с шестидесятью двумя газетами. Имел немалое влияние на

читателей. Часто подвергался критике за излишнюю мечтательность. Выпустил два сборника статей, имевших определенный успех. Выступал в поддержку второй Организации Объединенных Наций, пока Индия не вышла из организации, чем положила конец ее существованию. Год назад неожиданно уволился из газеты. Предположительно, неофициально занимает какой-то пост в Государственном Департаменте.

— Тридцать два года, двадцать девять зубов, полукруглый шрам на левой ягодице. Довольнотаки унизительное ранение, не так ли? — сказал Лорин. — Что?

— Да, так, ничего. Вам сказали о причине моего визита?

— Мистер Лорин, мне ужасно жаль, боюсь что… э-э-э… ваши философские взгляды не совсем совпадают с нашими…

— Мне не нужна работа. У меня есть исключительный материал для одной статьи, который я готов предоставить вашей газете. Я хочу написать эту статью, и еще я хочу, чтобы вы поместили ее на самом видном месте в газете. Я пришел сюда потому, что вашу газету читают во всем мире.

— Исключительный материал? Мы настаиваем на том, чтоб наши люди внимательнейшим

образом следили за всем, что происходит в мире, мистер Лорин. Честно говоря, я очень сильно сомневаюсь, существует что-либо нам неизвестное в той области, в которой лежат э-э… ваши интересы…

Дейк перебил его, резким движением пододвинув стул, и вдруг заговорил шепотом:

— А как насчет вот такой информации, мистер Хэггинс? Дарвин Брэнсон не ушел в отставку. Ему была доверена президентом Энфилдом очень деликатная миссия. Я работал вместе с ним целый год. Он являлся посредником между странами в заключении некоей сделки, результатом которой стала бы разрядка напряженности во всем мире. Все стороны, кроме Ирании, согласились пойти на определенные уступки. Если бы Брэнсон вел переговоры с Иранией честно и твердо, у нас появилась бы возможность хотя бы следующие пять лет пожить в мире. Но я видел собственными глазами, как он провалил задуманное, попытавшись заключить совсем не ту сделку с представителями Ирании. Ирания в ответ, конечно же, пойдет на уступки, которые равным счетом не будут иметь никакого значения. Тогда другие страны тоже захотят внести изменения в свои обязательства, а это в конце концов при-

ведет к еще большей напряженности в стране. Сомневаюсь, мистер Хэггинс, что вашим людям удалось докопаться до этих секретных сведений. Я хочу, чтобы ваша газета подняла шум по этому поводу, и люди во всем мире узнали бы, как близки они были, пусть к временному, но все же благоденствию. Успех миссии Брэнсона мог бы принести огромную пользу, стать чем-то вроде чудесного свежего ветра, гуляющего по пыльным коридорам парламентов. Ваша газета оказывает сильное влияние на читателей. Я считаю, что вы должны внести свой вклад в решение проблем человечества.

Слушая Лорина, Хэггинс разволновался настолько, что встал и подошел к ближайшей диораме с таким видом, будто бы он хотел выглянуть в окно. У него была забавная манера ходить, приподнимаясь на цыпочки. Подойдя к диораме, он сцепил руки за спиной.

— Вы… э-э-э… предлагаете нам настоящую сенсацию, мистер Лорин.

— Но ведь любая хорошая история — всегда сенсация, разве не так?

— Вам должно быть хорошо известно, что наша газета бесстрашно сражается с коррупцией и продажностью.

— Да, мне рассказывали… — сказал Дейк сухо.

— Тем не менее, есть одно обстоятельство, которое мы должны изучить… э-э… как следует.

— Интересно знать, что же это такое?

— Ведь может так выйти, что наши намерения, мистер Лорин, будут неправильно поняты. Вы утверждаете, что переговоры были… секретными. А как насчет Закона о Нанесении Вреда Обществу, который был принят в семьдесят пятом году? Совет Учредителей посчитает публикацию ваших материалов нарушением этого самого Закона, и тогда ни один суд не возьмет наше дело к слушанию. Мы будем даже лишены возможности оправдаться. А что последует за таким решением вам должно быть хорошо известно. Конфискационный штраф.

— Мне кажется, что все-таки стоит рискнуть.

Хэггинс повернулся к Дейку.

— Риск прямо пропорционален тому, что вы можете потерять, не так ли?

— Сам по себе этот Закон — результат страха. Если бы в мире было меньше страха, мистер Хэггинс, этот Закон можно было бы и пересмотреть. Хэггинс вернулся к своему столу: он принял решение, и было видно, что ему теперь стало легче. Он сказал:

— А вы — мечтатель, мистер Лорин. — И улыбнувшись, продолжил:

— Мы делаем все, что в наших силах, мистер Лорин. Мы знаем, что благодаря пусть скромным, но не бесполезным усилиям нашей газеты окружающий нас мир становится лучше. А вы хотите, чтоб мы взяли ваш материал, который, по моему мнению, может подвергнуть нашу газету очень серьезному риску. Что мы можем выиграть в случае вашей победы? Зато убытки наши могут оказаться весьма чувствительными. Потерпев поражение, мы лишимся возможности делать добро так, как мы это понимаем.

— Проще говоря, вам просто не хватает храбрости, мистер Хэггинс?

Хэггинс, покраснев встал, и протянул руку Дейку.

— Удачи вам, сэр. Я верю, что вы сумеете найти издателя, который окажется намного… ну, скажем, менее осторожным. — Он откашлялся. — Естественно, я не стану никому рассказывать того, что я от вас услышал.

Мне совсем не хочется, чтоб меня обвинили в Личном Нанесении Вреда Обществу. Я немного староват для работы по добычи нефти.

Дейк смотрел на розовую ухоженную руку. Че-

рез несколько мгновений Хэггинс убрал ее и стал нервно что-то стряхивать со своих брюк. Дейк сухо кивнул ему, вышел из конторы и поднялся на лифте на поверхность земли. Страх стал реальной силой в нашей жизни, подумал он. Боятся все: члены правительства и бизнесмены, и даже самые обычные люди. Надо прожить свою жизнь тихонько и надеяться на лучшее. Рискуют только дураки. Люди боятся выходить ночью на улицу без оружия. Дейка надежно защищали его размеры, да еще взгляд полный еле сдерживаемой ярости. Оружия он не носил.

Дейк съел соевый бифштекс в отвратительном ресторанчике и продолжил свои поиски.

Во "Взгляде на жизнь" и в "Новостях за неделю" он также получил хоть и менее деликатный, но зато вполне определенный отказ.

Уже вечером в ветхом здании, расположенном в Джерси Сити, ему удалось встретиться с огромным, рыжим ирландцем, от которого несло виски и дешевой парикмахерской.

Ирландец перебил его.

— К черту теории, Лорин. Все эти твои глупости меня не касаются. Ты хочешь обратиться к читателям. А у меня есть газета. Ну, так ближе к делу: как насчет денежек — динар, рупий, старых

добрых долларов?

— Это как?

— Я привык драться, черт возьми, моя газета знаменита самыми неприличными комиксами в северном полушарии. Мою газету все время пытаются прикрыть. Тираж у меня полмиллиона. И вот какую штуку я придумал: я печатаю огромный заголовок "Платная реклама". Учти, это вовсе не мнение издателя то, что здесь печатается не имеет ко мне ни малейшего отношения. Ты получаешь одну из внутренних страниц газеты, помещаешь там свой материал и ставишь под ним свое имя. Это будет стоить тебе тридцать тысяч рупий или шестьдесят тысяч долларов. Так что плати деньги и можешь использовать страницу в моей газете как твоей душеньке будет угодно: ты даже можешь вызвать Гондола Лала на кулачный бой. Тебя отправят в трудовой лагерь, если дружкам Энфилда не понравится, а старина Кэлли будет как ни в чем ни бывало и дальше обделывать свои делишки!

— Сколько вперед?

— Все вперед. Они конфискуют твое имущество прежде, чем отправят тебя на нефтеразработки. Я не могу рисковать.

— Но это же целая куча денег, Кэлли.

— А ты похож на парня с деньгами.

— Мне надо… поговорить с друзьями. Я подумаю и приду с ответом завтра утром.

— Можешь не приходить, если решишь, что тебе это не подходит. Я назвал цену, и не надейся, что я передумаю, парень. А какие у тебя планы на вечер? У меня тут есть парочка симпатяшек с Цейлона. Туристочки. Я хочу хорошенько развлечься. Давай вместе.

— Нет, спасибо. До завтра.

— Только не появляйся слишком рано. Я не люблю работать с похмелья.

Дейк вернулся в город и купил билет до Филадельфии на один из внутренних рейсов, осуществляемых Калькуттской Международной Авиакомпанией. КМА нанимала только свой персонал на главных линиях, а для незначительных внутренних рейсов использовали американцев, доверяя им лишь скрипучие устаревшие самолеты. Когда-то американские лайнеры летали во все уголки света. Но в послевоенные кризисные годы, когда регламентация и локализация труда резко уменьшили количество путешествий, авиакомпании, лишенные грузовых перевозок и пассажиров, неминуемо обанкротились, несмотря на субсидии обнищавшего федерально-

го правительства. Поэтому, когда руководители КМА захотели на достаточно выгодных условиях приобрести американские авиакомпании со всеми потрохами, их предложение было с радостью принято, а держатели акций получили акции Калькуттской Компании взамен тех, что у них были. КМА обслуживали пассажиров быстро, четко и без лишних эмоций. Кроме Дейка в самолете, рассчитанном на шестьдесят пассажиров, было еще два человека. Дейк знал, что КМА терпит постоянные убытки на линии Нью-Йорк-Филадельфия, но несмотря ни на что продолжает сохранять этот рейс для удобства индийских граждан, имевших деловые интересы в обоих городах.

Он поудобнее устроился в кресле, приготовившись к недолгому полету.

Разбросанные огни города промелькнули под крылом самолета. Двое других пассажиров оказались бизнесменами из Мадраса. Они разговаривали на хинди, и Дейк понимал лишь отдельные слова; впрочем, он понял, что разговор шел о филадельфийском отделении Банка Индии.

Он все еще не мог привыкнуть к тому, что таких, как он, пак-индийцы считали людьми

второго сорта. Тойнби[2] подошел к этой проблеме с позиции ученого и назвал сложившуюся ситуацию «экологией цивилизаций»: огромное колесо, дескать, медленно повернулось, и Восток снова стал источником жизни. Дискриминация была неявной, но совершенно неумолимой. В крупных городах появились индийские клубы. Американцы могли попасть туда лишь в качестве гостей, в члены такого клуба их не принимали. Среди американок стало модно носить сари и рисовать кастовые знаки на лбу. Посол Пак-Индии встретился с президентом США — сари исчезли из магазинов, а в модных журналах появились намеки на то, что носить знаки — дурной тон. Было время, когда еще можно было эмигрировать в Индию — страну новых возможностей. Но желающих оказалось так много, что Индии пришлось вводить жесткие ограничения и, хотя теоретически возможность попасть туда оставалась, существовали огромные сложности, поскольку, кроме всего прочего, для этого требовались наличные деньги. Несмотря на то, что

[2] Примечания: 2

Тойнби Арнолд Джозеф (1889 — 1975), английский историк и социолог. В противовес позитивистскому эволюционизму выдвинул теорию круговорота сменяющих друг друга локальных цивилизаций, каждая из которых проходит аналогичные стадии возникновения, роста, надлома и разложения.

войны семидесятых заметно снизили расовую напряженность в Штатах, там еще сохранились небольшие, но влиятельные негритянские группировки, которые с ликованием приветствовали усиление влияния темнокожей расы на события, происходящие в мире. К своему негодованию, они очень скоро обнаружили, что пак-индийцы очень гордились своим арийским происхождением и внесли в свои отношения с неграми лишь ненависть, оставшуюся со времен напряженности на Фиджи и приведшую к межрасовым войнам. Из жителей Пак-Индии только цейлонцы имели некоторую примесь негритянской крови, явившуюся следствием древних африканских вторжений. Но Пак-Индия относилась к Цейлону совсем как Америка к Пуэрто-Рико во времена, предшествовавшие аннексии Пуэрто-Рико Бразилией. Индийцы будут вести себя с американцами вежливо, даже приветливо, но в любом разговоре с ними можно уловить убежденность, пронизывающую все, о чем бы ни шла речь, что говорят они с представителем умирающей нации. Нации, которая уже пережила период своего расцвета и время, когда она влияла на решение судеб мира. Нации, которая должна неминуемого скатиться к положению нищего просителя, чья свобода

— лишь ничего не значащая формальность.

У нас все было, подумал Дейк, а мы пустили по ветру наше богатство: мы выдирали уголь, железо и нефть из недр теплой земли, растратили всю нашу медь, леса и плодородные земли и швырнули их в лицо нашим врагам. Нам удалось одержать над ними победу, и мы остались на пустой разоренной земле. Можно ли было избежать такого конца? Чего мы не сделали и что сделать было необходимо? Должны ли мы были использовать те знаменательные события 1945 года и завоевать всю планету? Или нам следовало побросать оружие, экономить ресурсы и смиренно умереть в тяжелые шестидесятые? Как так получилось, что какие бы шаги мы не предпринимали, они оказывались неверными, что пути, лежащие перед нами, так или иначе вели к катастрофе? Ведь Англия тоже когда-то умирала и ей, как и нам, оставалось несколько жалких лет, намеченных неумолимой судьбой, так почему же мы не в состоянии извлечь уроков из ее поражений, почему не можем проложить новых дорог?

Ему пришло в голову, что ситуация, в которой оказалась страна, похожа на парадокс, не имеющий объяснения. Более того, все попытки

решить эту загадку приводили к неминуемой гибели. Словно существовала некая холодная и враждебная сила, разбивающая сердца людей.

А может быть, мы стали жертвами собственной глупости? И еще слепоты.

И неспособности увидеть и сделать вывод из очевидных вещей. А не похожи ли мы на Дарвина Брэнсона: может, мы, как и он способны некоторое время, иногда долго, делать добро, но неспособны сделать последний решительный шаг? Ведь Брэнсон ослеп в самый критический момент.

Дейк вдруг подумал, что скажет на все это Патриция. Он страшился встречи с ней. Казалось, она любила его во всех его проявлениях, зато совершенно не в состоянии была понять того главного, что направляло его поступки.

В Филадельфии, совершенно не пострадавшей во время войны, популярна была такая шутка: поскольку большинство исполнительных органов правительство вынуждено было эвакуировать в этот город и поскольку город совершенно не подвергался бомбардировке, филадельфийцы объявили, что их враг необычно проницателен и понимает, что уничтожив весь бюрократический аппарат, он не только не причинит правитель-

ству США никакого вреда, а, наоборот, окажет ему неоценимую услугу.

И даже теперь, когда людей терзал постоянный страх, казалось, что в этом городе царит атмосфера какой-то необыкновенной защищенности. Даже подземное строительство велось здесь с меньшим размахом, чем где бы то ни было. Город напоминал строгую пожилую даму, шагающую через грязь, чуть приподняв юбки, чтоб не запачкаться, но все время помнящую о приличиях, — шагающую с таким мудрым и всепонимающим видом, как будто во времена своей почти забытой юности эта старая леди выделывала бог знает какие штуки. Резкое снижение скорости толкнуло Дейка вперед, но натянувшиеся ремни удержали его от падения. А десятью минутами позже он уже направлялся в старом дребезжащем такси к дому Патриции, который оказался неожиданно скромным.

Отец Патриции умер в семьдесят первом году за неделю и два дня до принятия закона о стопроцентном налоге на наследство. Его состояние родилось в те далекие времена, когда первый Гундар Тогельсон занимался нефтяным разбоем. С тех пор каждый Тогельсон увеличивал это состояние до тех пор, пока в конце шестидесятых не

был принят новый закон о взимании семидесятипроцентного налога со всех доходов. Не считая ценных подарков, которые Патриция регулярно получала от своего отца и той суммы, которую ей пришлось уплатить в качестве налогов на наследство, она унаследовала около пяти с половиной миллионов. В настоящее время это было практически единственное оставшееся в целости и сохранности состояние в стране. Чтобы избежать конфискационных налогов, многие сумели перевести свои капиталы в более благоприятные в экономическом отношении страны. Вот, например, из социалистической Англии не один частный капитал вынужден был перебраться на Бермуды и в другие страны.

Патриция Тогельсон, высокая хорошо сложенная девушка, чьи предки наверняка были викингами, прочно вошла в жизнь Дейка. Но он знал, что когда дело касалось денег, она становилась похожей на ртуть и кремень одновременно. Особенно если надо было произвести какие-либо расчеты. И еще она умела отыскать малейшие лазейки и проскользнуть сквозь них, если этого требовали ее интересы. Они познакомились после того, как он между прочим лягнул ее в своей статье, объявив, что она приняла участие в по-

купке Индией земли, зная, что Вашингтон идет на уступки в своей налоговой политике там, где дело касается вложений индийского капитала.

Патриция ворвалась в редакцию газеты на следующее утро, при этом глаза ее напоминали две льдинки, губы были плотно сжаты, а волосы цвета спелой ржи разметались по плечам.

Опершись обеими руками о его стол и с трудом сдерживая ярость, так, что только неровное дыхание выдавало ее состояние, она заявила:

— Ты, приятель, суешь свой нос куда не следует.

— А вы, леди, анахронизм. Вы — самая настоящая пиратка.

— Из-за вас я потеряла вчера больше денег, чем вы сможете заработать за всю жизнь.

— Ну, в таком случае, я приглашаю вас на ленч, чтобы компенсировать урон.

Они свирепо посмотрели друг на друга, потом неожиданно улыбнулись, затем громко рассмеялись и ушли из редакции вместе. Сначала они были просто хорошими друзьями, несмотря на то, что их взгляды на жизнь оказались прямо противоположными. Теплота их отношений поражала обоих, поскольку оба были людьми весьма сдержанными. Они вдруг обнаружили,

что гораздо больше смеются, если они вместе. Однажды ноябрьским вечером перед камином в ее маленьком домике, он, как бы между прочим, поцеловал ее и был поражен тем, с какой силой его потянуло к ней.

Они были друзьями и, став любовниками, сумели сохранить свою дружбу. Ростом она была почти шесть футов, но при этом прекрасно сложена. Они часто шутили, что живут в мире, который для них слишком мал. И им совсем не нужно было говорить о любви или женитьбе, чтоб сохранить верность друг другу. В век, насмехавшийся над благоразумием, они старались вести себя благоразумно. В какой-то момент их влечение друг к другу стало похожим на помешательство. Но когда они поняли, каким опасностям они подвергаются и что их поведение — лишь проявление слабости, они сумели освободиться от наваждения и превратить свои отношения в нечто, похожее на отношения двух алкоголиков, которые лишь иногда позволяют себе расслабиться. Они интуитивно чувствовали, какие темы им не следует затрагивать в разговорах друг с другом. А еще они знали, что оба являются гордыми, сильными людьми, которые стремятся доминировать во всем и что, кроме всего прочего,

у них еще совершенно разные убеждения. Они могли бы уничтожить друг друга, стоило им только этого захотеть. Но ему нравилось смотреть на ее волосы, освещенные утренним солнцем, ему нравился ее смех, в котором звучала ее привязанность к нему, ему нравилось обнимать ее в минуты близости. Неминуемый взрыв произошел, когда он сказал ей, что заставило его уйти из газеты. Сцена, последовавшая за его сообщением, была весьма неприятной. Сражаясь за свои идеи, не отступая ни на шаг, каждый из них понимал, что впереди их ждет одиночество и, наполненные болью воспоминаний, ночи.

Водитель такси посмотрел на чаевые, пробормотал нечто вполне могущее сойти за "спасибо" и дребезжащая машина с грохотом скрылась из вида. Дейк шел по дорожке к дому, зная, что ни одна крепость в мире не защищена так надежно, как этот маленький аккуратный домик, зная, что попав в инфракрасные лучи, он сам превратился в мишень. Он остановился на крыльце и стал ждать. Неожиданно дверь распахнулась и Дейк увидел на пороге миловидную горничную-японку, которая улыбнулась ему золотозубой улыбкой и сказала так, будто бы он тут был только вчера:

— Добрый вечер, мистер Лорин.

— Добрый вечер. А…

— Она знает, что вы здесь, сэр. Она сейчас спустится. Хотите что-нибудь выпить, сэр? Коньяк? Я принесу в кабинет.

Дейк удивился. Кабинет предназначался для деловых встреч и сделок. Друзей принимали в гостиной на веранде. Неужели Патриция догадалась? Возможно, все гораздо проще: она хорошо его знала, знала, что он непреклонен в своих убеждениях. А посему, вполне могла догадаться, что его визит носит скорее деловой, нежели личный характер. Он уселся в одно из огромных кожаных кресел. Горничная принесла бренди на черном подносе — старинную бутылку, и две крошечных рюмки, похожих на колокольчики. Она поставила поднос на маленький столик, стоявший около кресла, в котором сидел Дейк и, не говоря ни слова, вышла.

Как только Дейк услышал шаги Патриции, он быстро встал и улыбнулся ей, когда она вошла в кабинет. Ее ответная улыбка была гораздо сердечнее, чем он ожидал. Как всегда, в жизни она показалась ему крупнее, чем в воспоминаниях и гораздо более живой и энергичной. На ней были красные брюки и такого же цвета ремень.

— Ты замечательно загорела, Патриция, — ска-

зал он.

— Я только вчера вернулась из Акапулько.

— Развлекалась? — спросил он язвительно, держа ее теплые руки в своих.

Она скорчила гримасу.

— Выгодная покупка. Отель.

— С твоими индийскими дружками?

— На этот раз с бразильскими.

— Один черт, Патриция.

— Да, конечно. Ну, а как же еще можно прожить девушке?

Она разглядывала его, склонив набок голову.

— Ты ужасно исхудал, милый, синяки под глазами. Ребра, наверняка, торчат. Так бывает с каждым, кто попытается делать добро.

— Не кажется ли тебе, что мы что-то уж слишком отвратительно вежливо друг с другом разговариваем.

— Налей мне, пожалуйста, вот столько бренди, — приложив палец к рюмке, показала она. — Я не покажусь тебе слишком уж суровой, если сяду за стол?

— Вовсе нет, если там же будет лежать и твоя чековая книжка.

Она закусила губу.

— Наш разговор может оказаться интересным,

не так ли?

Патриция уселась за стол, а Дейк, подав ей бренди, вернулся в свое кресло. Она потягивала коньяк, глядя на него поверх рюмки. Потом, поставив рюмку на стол, она проговорила:

— У меня есть предчувствие, что у нас могут возникнуть премерзкие разногласия, и прежде чем испортить друг другу настроение, я хочу тебе кое-что сказать. У меня был целый год на то, чтоб сформулировать как следует, что я собиралась тебе сказать. Вот что, Дейк. Я скучала по тебе. Ужасно. Я хотела и попыталась просто купить тебя. Из этого ничего не вышло. Я очень много времени потратила, стараясь убедить себя, что если бы тебя можно было купить, ты мне стал бы совершенно не нужен. Но это не в моем характере. Мне жаль, что ты устроен так, а не иначе. Мне жаль, что тебе не хватило здравого смысла и ты не начал жить по моим правилам. Без тебя моя жизнь полна смысла, но когда мы жили вместе, его было почему-то больше. И мне очень этого не хватает. Я — эгоистичная, властная женщина с крепкими кулаками, и если есть способ завладеть тобой, хотя бы на время, я собираюсь им воспользоваться.

— Ладно, Патриция. Откровенность за откро-

венность. Я тоже скучал по тебе. Мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь из нас мог бы хоть чуть-чуть поступиться своими принципами и при этом не сломаться. Но я знаю, что стремиться к этому, все равно, что мечтать заполучить Луну с неба. Мы же прекрасно ладим, пока речь не зашла о таких важных вещах как человеческое достоинство и эгоизм.

— Мой мир, Дейк, это большой свинарник. Самая хитрая и жадная свинья получает самый жирный кусок.

— Зато в моем мире есть место надежде.

— А разве мы оба живем не в моем мире? Ну, а теперь расскажи мне из-за чего у тебя болит душа?

Он рассказал. Она умела слушать, не задавая лишних вопросов, старалась как следует вникнуть в возникшую проблему. Он рассказал ей все, включая Кэлли.

— И вот ты пришел ко мне.

— И прошу шестьдесят тысяч долларов. Может быть, ты сможешь списать их на счет благотворительности.

— Я не верю в то, что ты пытаешься сделать.

— А я и не рассчитываю на это, я просто прошу тебя о помощи.

— Ради старой дружбы. Какая банальная фраза, не так ли?

Она открыла ящик стола, выбрала чековую книжку, выписала чек и вырвала его из книжки. Она сидела, подперев подбородок кулаком и помахивая чеком.

— Я не делаю подарков, Дейк. Я заключая сделки.

— Я подозревал, что все будет не так просто.

— Ты получишь свой чек. Как только твой материал увидит свет, тебе покажется, что твой мир рушится. Мне придется заплатить еще тридцать тысяч долларов, чтобы убедить Совет в том, что ты должен оставаться на свободе. Затем я подожду еще месяц результатов твоей статьи. Если ничего не произойдет, а я уверена, что так оно и будет, тебе придется поступиться какими-то из своих идей. Тебе придется попробовать принять мир таким, каков он есть. И меня вместе с ним, Дейк.

— В конце концов, получается, что ты снова пытаешься меня купить?

— Дейк, ты же не оставляешь за мной права на собственное достоинство.

— А как же насчет меня и моего достоинства? — спросил он глухо. — Ладно. Признаюсь тебе, что

я одержим одной идеей. Если из того, что я хочу сделать, ничего не выйдет, я придумаю что-нибудь еще.

— Маленький мальчик с медной трубой, который хочет разбудить все силы добра в мире: "Смотрите люди! Одумайтесь люди! Проснитесь люди!"

— Я не знаю, как это получше сказать, но я делаю то, что должен делать.

— А если все это сильно смахивает на манию, которая берет свое начало в несчастье, случившемся в детстве? А может быть, лучше попытаться отыскать лекарство?

— Брэнсон сказал мне почти то же самое.

— Когда-то ты очень убежденно доказывал мне, что Брэнсон — почти что бог, спустившийся на землю. Похоже, что он перестал быть для тебя богом, как только усомнился в состоянии твоего… рассудка. И вот он уже превратился в чудовище. Лично мне очень понравилось, как он повел себя с Иранией. Индия слишком резко разогналась. Это немного нарушает равновесие. — И ведет еще к большей напряженности, наполняет наши души еще большим страхом.

— Это все человечество живет в страхе. Я же — личность. И горжусь тем, что сама в состоянии

позаботиться о себе.

— Анархия?

— А почему бы нет? Только, конечно же, в том случае, если ты быстрее и зубы у тебя острее, чем у твоего соседа.

— Мы совсем не можем разговаривать друг с другом и никогда не могли.

И, наверно, уже никогда не сможем.

Ее лицо смягчилось.

— О, Дейк. Мы же разговаривали с тобой о многом.

Он вздохнул.

— Я знаю. Иногда мне кажется, что мы зря растрачиваем друг друга.

Она положила чек на угол стола так, что он мог дотянуться до него.

— Чек выписан в рупиях в отделение Индийского Банка. Нужно подтверждение?

— Нет. Я получу деньги наличными. И никакой сделки? Никаких условий?

Она посмотрела на свои сцепленные пальцы. Мягкая прядь волос выбилась из прически и упала ей на лоб, отливая золотом в свете лампы.

— Никаких условий, Дейк. Пусть это будет… ради старых добрых времен.

Он убрал чек в бумажник.

— Спасибо, Патриция. Я думал, мне будет с тобой намного… труднее. Патриция подняла голову.

— А я и собиралась вести себя иначе.

— Как бы там ни было, я очень тебе признателен.

Она быстро встала, подошла к нему и села на ручку глубокого кожаного кресла, в котором он сидел. Затем, обняв его за плечи, она прижалась к нему. Ее улыбка была какой-то кривой, как будто ей было больно.

— Я похожа на твоего Дарвина Брэнсона? — прошептала она.

Дейк поднял на нее глаза.

— Это что значит?

Она отвернулась, неожиданно смутившись.

— Я практична. Я тоже готова согласиться на половину пирога.

Он взял ее за плечи, и потянув, усадил к себе на колени. Ее волосы пахли чистотой и чем-то неуловимым. А губы ее целый год отдыхали. Она поцеловала его с широко открытыми глазами, казавшимися ему невероятно голубыми и ужасно близкими в свете лампы.

Глава 4

Кэлли снова облизнул большой палец, подмигнул Дейку и продолжал считать.

— Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, тридцать. Тридцать тысяч веселых рупий. Материал у тебя с собой?

— Кэлли, я хочу занять у тебя кабинет и пишущую машинку. За сегодняшний день и завтрашнее утро я закончу.

— Тогда твой материал выйдет в среду.

— Мне необходимо проверить окончательный вариант статьи, который пойдет в набор.

— Кто платит — тот и заказывает музыку. Все будет, как ты скажешь. — Кэлли поскреб в затылке. — Послушай, приятель, у меня возникла одна мыслишка. Мы ведь с тобой не вчера родились. Как ты посмотришь на то, что я дам тебе расписку на пятнадцать тысяч? Это заметно улучшит мою налоговую декларацию.

— Тридцать тысяч.

— Ну хорошо, давай поделим разницу. Я верну тебе… ну скажем две тысячи и расписку на двадцать тысяч. Мы оба выигрываем в таком

случае.

— Черт с тобой, — устало ответил Дейк. — Покажи, где я могу поработать.

— Я не сомневался, что ты разумный человек и мы договоримся. Так, дай-ка мне подумать. К Картеру я пустить тебя не могу, там тебе будет не сосредоточиться. Пойдем. Я знаю, куда я тебя пристрою.

Кабинет был совсем маленьким. В нем уже давно не убирали, но пишущая машинка оказалась вполне приличной. Дейк для пробы отстучал несколько слов. Он использовал только четыре пальца, но печатал этими четырьмя пальцами — как из пулемета строчил. Кэлли вышел, насвистывая. Дейк снял куртку и бросил ее на диван. Сдвинув шляпу на затылок и положив рядом сигареты, Дейк начал обдумывать первые строки. Он попробовал несколько вариантов и остановился на следующем:

***

"На этот раз человечество опять проиграло решающий тай-брейк[3]. Этого нельзя простить. Длинная, длинная игра заканчивается. Смерть

---

[3] Примечания: 3
решающий гейм в большом теннисе

седлает скакуна. Президент Энфилд хорошо подготовился к игре. Он выставил Дарвина Брэнсона. У него были прекрасные шансы, он вел в счете почти до самого конца. Но тут его подача пошла в сетку. Бледный конь Смерти встает на дыбы, уже раздается его пронзительное, чудовищное ржание.

И теперь мы ждем последнего решения. Может быть, в последний момент, нам еще предоставят возможность сыграть еще один, самый последний сет. Мы стоим уже покрытые глубокой тенью в бесконечной пустоте корта в последней надежде: может быть, игра еще не закончена. Может быть окончательный мрак еще не спустился."

***

Дейк перечитал написанное. Ощущение необычайной важности происходящего охватило его. В каждом столетии наступает такой момент. И появляется человек, который может остановить разгорающийся пожар, удержать человечество от последнего шага в небытие. Машинка снова застучала в пыльном кабинете. Дейк печатал в бешеном темпе, чувствуя, что он даст надежду многим и многим людям повсюду. Год перерыва, казалось, только обострил его профессиональные

способности. Ему не нужно было подыскивать слова или метафоры. Они возникали сами, и Дейк не останавливался, все стучал и стучал по клавишам, чувствуя уверенность человека, находящегося на пике своих возможностей.

Дейк снял очередную страницу, заправил в машинку следующую. Нажав на клавишу, он… застыл перед пыльной деревенской дорогой. Вокруг был обычный сельский пейзаж, отчетливо доносилось блеянье овец… Однако, прямо перед собой, в то же самое время, он видел пишущую машинку. Казалось он существовал сразу в двух реальностях, вложенных одна в другую. В одной он стоял, а в другой сидел, окруженный странными видениями. Дейк с трудом встал и сделал несколько неверных шагов. Деревенский пейзаж стал расплываться и постепенно исчез.

Некоторое время Дейк неподвижно простоял около окна. Он чувствовал слабость и голова, к тому же, начала кружиться. Дейк с отвращением выругался. Неужели именно сейчас, в самый неподходящий момент, начинает сказываться переутомление, накопившееся за последний год, и он теряет способность работать. Игра приближается к развязке. Он должен записать всю последовательность событий. Даты, имена лю-

дей, всю хитрую механику политической игры. Показать всем людям доброй воли как близко они подошли к тому, чтоб на Земле, наконец, установился мир. Остается лишь бросить старый боевой клич: "Выбросьте ублюдков вон!" — и на этот раз в масштабах всей планеты. Молиться о том, чтобы копии его статьи пересекли все границы, так или иначе обошли все рогатки цензуры. Патриция с ее философией "себя для себя" никогда не сможет понять, что человек может поставить жизнь на карту, если он в эту карту верит. Такой человек, услышав зов судьбы, чувствует, что он способен в наступивший критический, поворотный момент бросить свой малый вес на чашу весов и — добиться победы. Надо кончать с этими дурацкими видениями. Сейчас не время сходить с ума.

Дейк вернулся к столу и снова уселся за машинку. Перечитав написанное, он остался им доволен. Дейк собрался было снова ударить по клавишам и застыл, крепко зажмурив глаза. Каждая буква на клавишах машинки превратилась в маленькую копию лица Патриции. Не открывая глаз, Дейк положил пальцы на клавиши и почувствовал под подушечками пальцев мягкость маленьких лиц. Он открыл глаза и, глядя на лист бумаги, вложенный в машинку, стал печатать.

И тут же остановился, охваченный ужасом. Его пальцы были в крови, маленькие личики разбиты, и он слышал слабые крики. Моментально вспотев, Дейк вскочил, опрокинув стул.

Он стоял спиной к машинке и все его мышцы были напряжены так, что начали болеть. Дейк осторожно посмотрел на кончики пальцев. Кровь исчезла. Значит, это была просто галлюцинация. Небольшое затмение. Он попытался найти разумное объяснение происшедшему. Инстинкт самосохранения, скорее всего. Пытается спасти его тело от уничтожения. Взбесились железы внутренней секреции. Дейк с опаской посмотрел через плечо. Машинка выглядела совершенно нормально.

Он сел и начал печатать. Его мысли лились непрерывно. Пальцы летали над клавиатурой. Дейк вынул второй лист из машинки и прочитал его.

"Так что игра продолжается и она никогда не кончится. Мягкий и нежный кусок мяса извивается и умирает. Все, кто входят, замораживают спасителя в окне..."

И в таком духе целая страница. Бред. Безумие. Поток сознания идиота, который помнит слова, но забыл их значение.

Он попытался еще раз, стараясь печатать помедленнее. Ничего не получалось. Порывшись в столе, Дейк нашел карандаш и попытался писать. Карандаш стал таким горячим, что его пришлось бросить. Дейк посмотрел на пузыри от ожогов на пальцах, которые тут же за несколько секунд исчезли. Запылал лист бумаги, и он с трудом погасил его. А через мгновение этот лист снова стал белым и гладким.

Дейк был уже не в силах справиться с охватившей его паникой. Он выскочил из кабинета и побежал по коридору, чувствуя как бешено стучит сердце.

Он немного успокоился только когда выбежал на улицу. И тут же почувствовал себя полным идиотом. Нужно немного передохнуть, а потом вернуться и закончить статью. Дейк зашел в маленький ресторанчик и, усевшись за стойкой, заказал кофе. Официантка была бледной и опухшей — наверное, перебрала проно. Дейк в пол-уха слушал бормотание радио. "...вчера, поздно ночью Дарвин Брэнсон, бывший сенатор, известный философ, был доставлен в Психиатрический Госпиталь в Бронксе..." Официантка выключила звук.

— Не могли бы вы включить новости, мисс?

— Нет, не могла бы. Да и все новости уже кончились.

Она стояла вся напряженная, готовая в любой момент взорваться, если он будет настаивать. С любителями проно спорить бесполезно. Дейк заплатил за кофе и, оставив чашку нетронутой, вышел из ресторана. Только через десять минут ему удалось найти таксиста, который согласился отвезти его в Бронкс.

Дейк приехал в госпиталь в полдень. Его приняли за репортера и попытались задержать. Пришлось показать официальный документ, врученный ему Дарвином. Дейка неохотно пропустили в кабинет к лечащему врачу.

Врач был молодым и казался начисто лишенным воображения. Брэнсоном он был явно заинтересован.

— Дейк Лорин вы сказали? Работали с ним? Думаю, вы можете на него взглянуть. Мы почти все утро с ним провозились. Идемте.

Брэнсон лежал в отдельной палате. Их встретила медицинская сестра.

— Дыхание в норме. Пульс сорок четыре. Температура тридцать шесть и шесть, — сообщила она.

— Впервые наблюдаю подобную картину, —

довольно сказал врач. — Его привезли поздней ночью полицейские. Они обнаружили Брэнсона сидящим посередине тротуара и сначала приняли за наркомана. Мы его полностью проверили. Он вроде бы был в сознании. Но не реагировал ни на что. Ни один рефлекс не работал.

Дейк смотрел на неподвижное восковое лицо на подушке.

Врач достал историю болезни.

— Вы посмотрите на эти графики. Пульс, дыхание, температура — они как будто вычерчены по линейке. Этот человек, как машина, у которой кончается горючее.

— Пульс сорок два, доктор, — тихо сказала сестра, выпуская вялое запястье Брэнсона.

— Пробовали все известные стимуляторы, мистер Лорин. Безрезультатно.

— Каков ваш прогноз?

— Трудно сказать, он просто ни на что не реагирует. Сначала я думал, что это рак мозга. Тесты, однако, показывают, что все в норме. Такое впечатление, что пульс будет все больше замедляться пока… пока не остановится. Но на спине у пациента нет ключа, чтобы завести его вновь. Боюсь, что я высказываюсь дьявольски непрофессионально, но ничего другого я сказать

не могу. Его осмотрели все наши врачи и мы перепробовали все, чем располагает современная медицина. Ничего не помогает.

— Вы не возражаете, если я немного посижу с ним?

— У него есть семья? Пока что нам не удалось никого найти.

— Искать некого.

— Вы можете остаться. Для вас принесут еще один стул. Судя по тому, как развиваются события, вам здесь сидеть долго не придется.

— Вы никогда не видели или не слышали о чем-нибудь подобном, доктор? Молодой врач нахмурился.

— Сам я ничего подобного не видел. Но слухи ходят. И, если подумать, они обычно связаны с весьма известными персонами. Кажется, что эти люди просто… устали.

Врач вышел. Дейку принесли стул, и он сел по другую сторону высокой кровати, напротив медсестры. Дейк оказался с левой стороны от Дарвина Брэнсона. Он посмотрел на руку Брэнсона, неподвижно лежащую на белой простыне. Пришло время забыть об их ссоре и вспомнить о других, лучших временах.

"Когда я еще был слишком доверчив, Дейк, ко-

гда я еще доверял статистике, я построил графики, отображающие качество решений, принимаемых крупными политиками. Конечно, нужно учитывать, что сам я тогда был еще зеленым юнцом, но… У меня получились поразительные результаты, которые обеспокоили меня. Люди с высоким политическим рейтингом, занимающие во всем мире главенствующие позиции, принимали разумные решения и, положение в мировом сообществе заметно улучшалось. А потом, совершенно неожиданно, качество принимаемых ими решений резко падало, и все человечество страдало из-за этих ошибок. Все эти мудрые политики, вдруг, как лемминги, толпой начинали вести свои народы к страху. С ужасом, я увидел, что эта зависимость носит циклический характер. Пятна на солнце оказывали влияние на людей? Какай-то странный вирус носился в воздухе? Или Бог следил за тем, чтобы его чада получили причитающуюся им долю страданий на земле?" "Вы нашли ответ?"

"Только в самом себе, там где, вероятно, каждый человек может найти ответы. Я решил так систематизировать свои взгляды и убеждения, что даже если бы у меня возникло искушение предать свою философию, мне будет достаточно

обратиться к выбранной ранее логической схеме и принять решение, которое я принял бы, не находясь под влиянием этих чудовищных циклов."

И все же, подумал Дейк, он предал вчера все свои принципы. Уничтожил плоды трудов целого года. Какая ужасная случайность. Твоя болезнь, Дарвин, запоздала ровно на один день.

Больше уже не будет нескончаемых разговоров, не будет удивительного чувства, что ты работаешь ради блага всего человечества.

"Дейк, наши мечты носят разрушительный характер. Главная из них — Космическая Мечта. Она формируется так: мы устроили такое безобразие на своей планете, что нет никакого смысла бороться здесь с наступающим хаосом. Направим все наши силы на освоение других миров. Завтра — Луна, на следующей неделе — планеты Солнечной системы, а в будущем году — Галактика. Мы завоюем всю вселенную, и наши потомки будут бронзоволицыми пионерами с глазами цвета стали, а наши прекрасные женщины создадут для нас великолепные зеленые сады в небесах. Эта мечта, Дейк, облегчает совесть тем, кто не делает всего, что в их силах. Эта мечта ослабляет наши усилия. Земля — вот мир человека. Мы должны жить здесь. Мы никогда не достигнем звезд. Я

хотел бы, что бы все люди поверили в это. И мы только выиграем оттого, что вырвемся в Космос лишь через тысячу лет. Тогда у нас будет что взять с собою на сверкающие корабли, помимо ненависти и раздоров."

И как же невероятно, нелепо было то, что Дарвин Брэнсон, в последний день своей жизни, совершил первый поступок, противоречащий его идеалам. Дейк смотрел на левую руку Брэнсона, и вдруг у него перехватило в горле. Он вспомнил эпизод, который произошел перед встречей со Смитом. Брэнсон, который был левшой, безуспешно пытался отстричь ноготь на среднем пальце левой руки. Дейк предложил свою помощь, которая была с благодарностью принята. Ноготь слегка треснул, и Дейк коротко подрезал его. Это было позавчера. Однако, сейчас этот ноготь ничем не отличался от всех остальных. Он не мог так быстро вырасти. Дейк был уверен в том, что он действительно отрезал ноготь на среднем пальце левой руки Брэнсона. Это была левая рука. Дейк взял расслабленную прохладную руку Брэнсона в свои руки.

— Пожалуйста, не трогайте больного, — резко сказала медсестра.

Дейк отпустил руку и наклонился над Брэнсо-

ном, чтобы рассмотреть палец более внимательно. Потом он посмотрел на неподвижное лицо умирающего.

— В чем дело? — потребовала ответа медсестра.

Дейк взглянул на нее. Он отчетливо понимал куда его приведет заявление, что больной, лежащий перед ними, вовсе не Дарвин Брэнсон, — вероятно не дальше соседней палаты. Дейк медленно выпрямился, надеясь что его лицо не выдает переполнявших его чувств. "Дейк, помнится один джентльмен, любивший играть на скрипке, говорил, что после того, как ты отбросишь все невозможное, то, что останется, и будет решением. Если же никакого объяснения не остается — значит была допущена ошибка при классификации возможного и невозможного. Ну, скажем, человек, у которого в кармане лежит зажигалка, пойман аборигенами. И мудрец-абориген утверждает, что молнию нельзя заключить в эту маленькую серебряную коробочку. Огонь может быть получен только двумя способами: трением двух сухих палочек друг о друга или в результате удара молнии. Поэтому, когда человек с зажигалкой показывает ему, что это не так, аборигены падают на колени и начинают бого-

творить того, кто совершил невозможное. Таким образом оказывается, что нужно провести новую классификацию и внести туда эту дополнительную возможность."

"Дарвин, а как насчет неправильной классификации, когда невозможное признается возможным?"

Многие пытались сделать трисекцию угла[4] потому, что это казалось возможным. Аналогичная ситуация и с телепортацией. Люди никогда всерьез не пытались атаковать эту невозможность. Кто знает, может быть это только кажется невозможным?

— Пульс тридцать восемь, — негромко сказала сестра.

Дейк смотрел на желтовато-серое лицо.

"Да поможет мне Бог разобраться во всем происходящим так, как это бы сделал ты, Дарвин", — подумал Дейк.

Он рассматривал вариант, что Брэнсон продался, как "возможный". Но хорошо зная Брэнсона, Дейк посчитал, что правильнее будет вообще исключить этот вариант из рассмотрения. Человек, с которым Дейк попрощался перед тем, как отпра-

---

[4] Примечания: 4

Трисекция угла — задача разделения с помощью циркуля и линейки угла на три равные части. Решения не имеет.

виться за Смитом, был Брэнсоном. Значит, когда Дейк вернулся со Смитом, подмена уже была совершена. Этот человек — не Брэнсон, а возможно даже и не человек. Кукла. Игрушка. Хитрое устройство, которое было приведено в действие в критический момент истории человечества с целью устранения Брэнсона — и установления хаоса в тот момент, когда впервые за долгие годы появилась надежда на установления мира и порядка. Следующий шаг: стоит ли какая-нибудь мировая держава за всем этим?

Нет. Причина: если это было бы так, то подобные устройства можно было бы использовать с гораздо большей выгодой и если бы это была первая попытка, то весьма маловероятно, что для подмены выбрали бы именно Брэнсона.

Если создание этой человекоподобной куклы превосходит возможности земной цивилизации, значит это продукт чуждого разума.

Но, сделав такое предложение, нужно вместе с тем признать, что для них зачем-то необходимо поддержание хаоса на Земле. Тут Дейк обнаружил ошибку в логике своих рассуждений. Он пытался найти мотив внеземной цивилизации, пользуясь земной человеческой логикой. Дейк чувствовал, как его мозг наполняется множеством новых

концепций.

Хорошо. Предположим, что вмешательство происходит не в форме космического корабля в милю высотой, приземлившегося на лужайке.

Предположим, что они действуют деликатно, косвенно. Незаметно. Какова, в таком случае, продолжительность их пребывания на Земле? Или они были здесь всегда?

На этот вопрос у него был ответ, основанный скорее на интуиции, чем на логике. Потому что этот ответ, коротко и ясно, решал другую вечную загадку: почему человек (существо, способное к любви!) не мог жить на земле в мире и согласии.

Дейк слышал тихий ровный голос: "Зло не присуще человеку, Дейк. Зло — реакция человека на внешние воздействия, голод, болезни, страх, зависть, боль, ненависть. Может быть, это ответ человека на неуверенность в завтрашнем дне. Посмотри на основные категории: они не несут в себе зла. Певчие птицы, материнство. Во все времена, все народы почитали все это. Похоже, мы просто заблудились. Но все-таки я не могу поверить, что мы повернулись спиной к Богу, Будде, Мохаммеду, Вишну. Скорее мы каким-то странным образом отстранились от них".

Ответ к этой вечной загадке был здесь — лежал

на больничной койке.

Если бы это удалось доказать. Докажи, и тогда ты сможешь крикнуть людям: "Вас обманывали! Вас мучили, ломали и натравливали друг на друга! Мы были, как бочка меда, в которую кто-то кинул дегтя. Одну капельку, но и этого оказалось достаточным, чтобы все испортить".

Что он мог сделать? Вскрытие? Дейк посмотрел на фактуру кожи, потрескавшиеся ногти, серую щетину на щеках. Все продумано. Врачи разрежут тело, но души им там никогда не найти. Ведь ее никогда и не находили, так что разницы им заметить не удастся.

И чем больше Дейк убеждался в правильности своих предположений, тем яснее ему становилось в сколь трудное и опасное положение он попал. Тот, кто способен произвести такую замену, наверняка найдет возможность быстро разобраться с любым человеком, пожелавшим поделиться с кем-нибудь своими подозрениями.

Где же теперь настоящий Дарвин Брэнсон?

— Пульс тридцать два, — сказала медсестра.

Молодой врач вернулся в палату, проверил показания приборов, негромко поговорил с медсестрой. Потом он подошел к Брэнсону, отогнул веко и проверил реакцию зрачка на свет. Вошла

другая сестра, на подносе у которой лежал шприц. Врач опустил простыню, протер спиртом тело в районе сердца и глубоко введя иглу шприца, сделал инъекцию прямо в сердце. Он нащупал пульс на руке у Брэнсона.

— Не участился даже на один удар в минуту, — его голос прозвучал слишком громко в тишине палаты.

Дейк почти не слышал его. Он сидел, тщательно обдумывая ситуацию.

Одну возможность в своих рассуждениях он опустил. Все происшедшее ним в кабинете, одолженном ему Кэлли, было иррациональным. Признаком его близости к психологическому срыву. Все его рассуждения о подмене Брэнсона, о неожиданно появившемся ногте, могли быть лишь еще одним признаком его надвигающегося сумасшествия. И все эти мысли — бред его больного воображения. Нет и не было подмены. И никакого внезапного вмешательства не было.

Прежде, чем пытаться доказывать нечто подобное всему миру, нужно сначала доказать это самому себе. Или его видения в кабинете Кэлли были свидетельством вмешательства иных сил, также как и подмена Брэнсона, или оба этих факта указывают на то, что он близок к безумию

— результату усталости, переутомления и напряженности последнего года.

Дейк помассировал затылок. Он чувствовал уже около недели какое-то странное напряжение здесь. Как будто кто-то наблюдал за ним. Это ощущение то появлялось, то пропадало. Казалось, чей-то огромный глаз сфокусирован на нем. А он — как букашка под линзами микроскопа.

В пять минут четвертого Брэнсон умер. Или человекоподобная машина, исчерпав свои функции, остановилась. Одно из двух. Дейк вышел из палаты. В холле его окружили репортеры, ожидавшие известия о смерти, но он молча и целенаправленно раздвигал толпу, не отвечая ни на какие вопросы. Вслед ему полетели ругательства. У Дейка пропало желание возвращаться в кабинет Кэлли. Значимость статьи, которую он хотел написать, перестала казаться ему столь огромной. Или ему нужно будет написать совсем другую статью, или такая статья вообще не нужна. Дейк подумал было зайти к Кэлли и забрать у него тридцать тысяч, но потом решил отложить это дело на завтра. Он прошел пешком несколько кварталов и сел в автобус, идущий на остров. Девушка с каштановыми волосами и удивительно бледными серыми глазами устроилась

рядом с ним.

Глава 5

Девушка с темными волосами и серыми, излучающими какой-то необыкновенный внутренний свет глазами, наблюдала за выделявшимся своим огромным ростом среди прохожих Дейком Лорином. Она стояла на углу, дожидаясь автобуса, который медленно тащился по улице. Девушка нашарила в кармане блузки пачку сигарет, вытащила из нее одну сигарету и, щелкнув дешевой зажигалкой, как-то уж очень вульгарно прикурила. Дым окутал ее загорелое лицо. Она стояла на углу в дешевом плотно облегающем фигуру желтом платье. Настоящая дешевка. Самая лучшая легенда, которую сумел изобрести для нее Мигель Ларнер. А уж Мигель делал все как следует, его методы были проверены временем. Только он так мог: как бы наблюдая за всем происходящим со стороны, суметь заставить ее снять все свои потайные защитные экраны, чтоб пройти через процедуру гипнофиксации, когда они вместе отрабатывали ее легенду.

Ты — Карен Восс и тебе 24 года.

Мигелю удалось получить нужную информа-

цию прямо из умирающего мозга настоящей Карен Восс. Умница — Мигель. Год назад один из его агентов нанялся ночным санитаром в большую больницу, незаметно пронес туда записывающее устройство и таким образом добыл настоящие истории жизней тех, кто находился на пороге смерти. Мигель утверждал, что это отличный способ получить первоклассную легенду — ничего не надо выдумывать. И он был совершенно прав: факты и события чужой жизни попадали агенту прямо в мозг и там как бы приживались. Даже не надо было учиться правильно ходить и стоять, разговаривать и размахивать руками — агент вдруг становился чем-то вроде двойника того человека, чье имя носил. А Мигель собрал целую коллекцию историй жизни, которые можно было использовать в случае необходимости. Он делал свою работу так хорошо, что остальные просто тихо ему завидовали, подумала Карен с горечью.

Вдруг она наморщила нос и холодно посмотрела вслед какому-то прохожему, от которого невообразимо несло проно.

Стоп. Сначала наблюдение. Она медленно оглядела улицу и обнаружила только три возможных кандидата. Скорее всего они послали на задание агента Второй Ступени. А если врачи не станут

откладывать вскрытие, то этот агент будет очень занят, убеждая медиков, что они видят несуществующие мозговые извилины. Некоторое время всем будет не до Лорина.

Первым делом наблюдение. А затем, спрятавшись за защитные экраны, можно будет как следует проверить всех, кто мог бы оказаться агентом. Первой была старушка, которая со скучающим видом разглядывала витрины магазинов. Мысленный зонд Карен проник глубоко в мозг старушки, не натолкнувшись ни на что, хоть отдаленно напоминавшее защитный экран. Старушка поморщилась и стала тереть висок рукой. У шофера такси, возившегося с мотором, мозг был уж совсем по-детски податливым. Она даже не сумела правильно рассчитать силу своего мысленного удара. Таксист выронил гаечный ключ, который со стуком упал на землю, колени у него неожиданно подогнулись. Затем он медленно выпрямился и стал тереть глаза. Тогда она сконцентрировалась на мужчине, стоявшем на дальнем углу улицы и листавшем журнал. Отличный мозг. И здесь она не получила никакой ответной реакции. Значит и экрана нет. Ее вмешательство заставило его нахмуриться, вот он снял очки, проверил стекла на свет и снова надел

очки. Необходимость сделать следующий шаг не вызывала у Карен Восс никакого энтузиазма. Именно в такие минуты становишься наиболее уязвимым и твои враги могут сбить тебя с ног и заставить биться в эпилептическом припадке прямо на мостовой, наказывая жестокой болезнью за легкомыслие. Карен приподняла внешний экран. Она была похожа на ребенка, осторожно заглядывающего в щелочку цирка шапито. Если убрать только этот экран, способность к восприятию почти не изменится. Необходимо снять все защитные экраны один за другим, оставив свой мозг как бы обнаженным и беззащитным для врагов. Раз… два… три… четыре. Все. Ее мозг остался без защиты, средь бела дня, мозг, который настороженно опасается чужого вмешательства. Она медленно настраивалась на преодоление преград. И вот уже принимает информацию на среднем уровне. Как она и подозревала, агент Второй Ступени. Далеко. Около сотни ярдов. Один. Она сконцентрировала на нем свое внимание, сама оставаясь для него вне пределов досягаемости. Впрочем, в этой предосторожности не было никакой необходимости. Ему было не до нее. Он занимался тем, что внушал иллюзии трем или четырем землянам. Как бы он не попросил помо-

щи, которая наверняка прибудет в лице агента Третьей Ступени. А раз так, пора мне сматываться, подумала Карен.

Четыре… три… два… один. Все экраны на месте. Защита в готовности номер один. Теперь автобус. В трех кварталах, четырех. Карен бросила сигарету, наступила на нее и пошла, покачивая бедрами и заносчиво поглядывая по сторонам. Внутри ее широкого твердого пояса находился Блок Б. Там для него самое подходящее место. Карен могла небрежно зацепить большой палец за пояс и управлять тремя крошечными шершавыми колесиками. В основу положен Сенарианский принцип пространственных кубиков и бесконечной исходной сети, ограниченный только скоростью мысли. Но даже Сенариана могла дать только идею, образец реализации которой — громадный мозг, вращающийся вокруг их древней планеты, в котором они могли починить даже мельчайший элемент и который был главной святыней всей их цивилизации. Этот мозг, построенный очень далекими предками сенариан, и создал исходную сеть. От него много, много тысячелетий назад сенариане получили и Блок Б. Карен назубок помнила текст руководства, который выдавался всем курсантам при первом

знакомстве с Блоком Б. "Блок Б. — устройство, предназначенное для концентрации и фокусировки силы мысли. Необходимы длительные тренировки для правильного использования Блока Б. Курсант должен тщательно изучить каждую деталь на выбранном секторе игрового поля. Затем курсанту следует отойти на тысячу шагов от этого сектора. Курсант должен представить себя стоящим в выбранном секторе, и силой своего воображения попытаться воссоздать детали данного сектора. Первое колесико, отмеченное знаком (1) на рисунке, делает массу курсанта близкой к нулю. Второе колесико, отмеченное значком (2), предназначено для выбора желаемого расстояния перемещения. Итак максимально сосредоточьтесь. Поверните первое колесико на полоборота по часовой стрелке. Поверните третье колесико, обозначенное на рисунке значком (3), до щелчка. Если выбранный вами сектор вы представили достаточно точно, то третье колесико-селектор, восстановит вас в исковом секторе. После тренировок это удается практически мгновенно. Эффективная дальность — девять тысяч ярдов Тот же принцип активирует исходную сеть в пространстве, но энергия источника в этом случае столь велика, что дальность действия не

ограничена.

Единственное ограничение — скорость мысли. Любое дальнейшее ускорение приведет к изменению направления движения времени".

Но, конечно, здесь, на Земле, среди ее обитателей, нельзя просто появляться и исчезать. Их это очень удивило бы. Мигель бывал ужасно недоволен, если кто-то не соблюдал строжайшие предосторожности. Когда собираешься совершить прыжок, необходимо скрыться от посторонних глаз. Переместившись, ты еще две секунды остаешься невидимым. За это время нужно убедиться в том, что тебя никто не заметит — иначе ты должен выбрать другую точку и перенестись уже в нее.

Карен зашла за угол дома, оглянулась, поняла, что на нее никто не смотрит и вообразила себя, стоящей на другом углу квартала перед приближавшимся автобусом. Она сосредоточилась, представляя себе автобус в мельчайших подробностях.

Раз, два, три. Короткий щелчок — и она уже видит автобус. Карен быстро осмотрелась: рядом стоял только один человек, для которого она будет лишь серебристым мерцанием. Она скрылась за выступом дома, чувствуя, как ее тело налива-

ется возвращающимся весом, потом поправила свои каштановые волосы, и, сделав несколько шагов навстречу прохожему, одарила его печальным взглядом. Мигель определенно был бы ею недоволен. Мужчина удивленно посмотрел на нее, слегка испуганный ее неожиданным появлением. Карен вошла в остановившийся автобус, небрежно бросив в кассу плату за проезд. Заметив, что место рядом с Лорином свободно, она прошла в глубь автобуса и уселась рядом, удовлетворенно вздохнув. Несчастный запутавшийся землянин. Какое у него красивое, сильное лицо. Твердый подбородок. Вдруг она сообразила, что чуть не забыла сделать простейшую проверку. Карен быстро и осторожно убедилась в том, что экрана у него нет. Она снова вздохнула.

Иллюзии для великана Лорина. Только так она сможет доставить его к Мигелю без риска быть перехваченной по пути. К сожалению, прямой контроль можно было обнаружить за милю, опустив только первый экран. Правда, и с иллюзиями возникает немало проблем. Попадая под их воздействие, земляне легко ломаются. А Мигель хотел заполучить Лорина живым и здоровым. Сквозь автобусные репродукторы лилась непрерывная реклама. К тому же этот парень уже

получил изрядную долю иллюзий.

Карен старалась придумать что-нибудь несложное, чтобы не привлекать внимания других пассажиров. Тут на остановке в автобусе, вздыхая и отдуваясь, вошел большой потный толстяк. Карен сразу почувствовала резкий толчок в ее внешний экран. Ее мозг мгновенно начал прокручивать варианты. Еще плотнее закрыв все четыре экрана, Карен приготовилась прощупать экраны толстяка. Но в ту долю секунды, когда она ожидала привычный контакт с первым экраном, она потянулась к застежке своей сумочки — и на какое-то мгновение опоздала. Он накрыл ее своим полем. Карен мгновенно ответила ему тем же. Они держали друг друга мертвой хваткой. Ни один из них теперь не мог позвать на помощь. Карен медленно повернулась. Толстяк сел на место сразу за ними с Лорином. Она посмотрела в его ласковые глаза.

На сей раз, поняла Карен с опустившимся сердцем, они допустили грубую ошибку. Мигель Ларнер, несмотря на неудачу с Брэнсоном считал, что он сможет поправить дело, используя только двух агентов Второй Ступени. А Шард тем временем только по подсчетам Карен, направил сюда пятерых! Толстяк нанес еще один пробный

удар по ее защитным экранам. Видимо, он считал ее агентом Первой Ступени, защиту которого он мог легко преодолеть. Карен почувствовала даже легкое презрение к противнику, которое, однако, перешло в неприятное удивление, когда она поняла, что это был всего лишь отвлекающий маневр с его стороны, в то время, как сам он был занят формированием иллюзии. И притом весьма респектабельной иллюзии! Полицейский в полной форме сердито указывал жезлом, что автобус должен остановиться. Иллюзия была столь реальной, что почти убедила Карен. Нужно что-то сделать, успела подумать она.

И тут удар обрушился на ее затылок. Падая вперед, она подивилась собственной глупости: не учла тривиальной возможности вульгарного физического воздействия, которое поэтому и оказалось столь эффективным. Но хотя Карен на мгновение потеряла сознание, экраны остались на месте. Лорин помог ей выпрямиться.

— Мистер, этот толстяк ударил меня по голове!

Лорин повернулся назад.

— В чем дело приятель?

На этот раз Карен Восс не задержалась со своей иллюзией. Толстый кулак ударил Дейка Лорина в лицо так быстро, что Дейк не успел заметить, что

настоящие руки толстяка неподвижно лежат у него на коленях. К удовольствию Карен, с рефлексами у Лорина оказалось все в порядке. Голова толстяка качнулась назад, и он бесформенной кучей осел на сиденье. Карен, в свою очередь, атаковала сильно и глубоко, с удовлетворением отметив, что Шард лишился одного агента Второй Ступени по крайней мере на шесть месяцев, пока следы ее удара заживут. Она пробила два внешних экрана. Теперь ситуация упростилась. Иллюзия, созданная Карен, оказалась настолько мощной, что Лорину показалось, будто он сломал толстяку шею. Иллюзия была просто блеск! Она дала одному из пассажиров громкий мужской голос: "Эй, да ты убил его!"

Карен схватила обалдевшего Лорина за руку.

— Бежим отсюда. Иначе у нас будут большие неприятности.

Они выскочили из автобуса, Карен потянула Лорина за собой. Вслед им летели крики, но преследовать их никто не стал. Они успокоятся, когда увидят, что толстяк жив. Карен и Лорин быстро дошли до конца квартала и повернули за угол. Здесь они остановились, и Карен достала из кармана сигареты. Лорин, руки которого дрожали, дал ей прикурить. Карен чувствовала

его внутреннее состояние. Раздражение против нее, недовольство собой и стыд за их поспешное бегство. Она знала, что Дейку и так было не по себе после случившегося с ним в офисе у Кэлли, да и для кого иллюзии агентов Шарда, которые они использовали против него, когда он пытался печатать статью, прошли бы бесследно! И все же ее что-то настораживало. Она хорошо изучила Брэнсона и Лорина. И сейчас Лорин казался ей уж слишком встревоженным. Как бы все упростилось, если бы она могла взять его под полный контроль. Судя по всему, с ним она еще помучается.

— Я определенно хочу вас поблагодарить, мистер!

— Ничего, ничего. Надеюсь, у нас не будет неприятностей, мисс…

— Карен. Карен Восс. Бьюсь об заклад, я тебя знаю. Тебя ведь зовут Дейк Лорин? Я помню твою фотографию в газете, ее каждый раз печатали около твоей колонки.

Дейк был явно польщен.

— Только не говорите мне, что вы читали мои статьи.

— Читала. Ты мне, конечно, не поверишь. Но меня всегда всякое такое интересовало: поли-

тика, экономика, международные отношения. У меня есть приятель, у которого водятся деньги: много денег. Он говорил, что будет рад, если ты снова начнешь писать в газете. Он говорил, что ты толково пишешь. Может быть, он тебя поддержит — даст тебе колонку в газете или еще что-нибудь.

— Действующее законодательство не дает возможности делать хоть сколько-нибудь критические высказывания, мисс Восс. Я сомневаюсь, что ваш приятель захочет отправиться вместе со мной на принудительные работы.

Она фыркнула.

— Его никто не тронет. По крайней мере дважды. Я думаю, ты о нем слышал. Мигель Ларнер.

— Этот бандит? Конечно, я о нем слышал. Не было такого преступления, в котором бы он не принял участия…

— Не надо прикидываться святым, мистер Лорин. У Мига есть две… стороны. Он может очень здорово тебе помочь. — Карен изрядно позабавили собственные слова. — Он мой хороший друг. Хочешь я отведу тебя к нему?

— Пожалуй, не стоит.

— Может быть, у тебя какие-нибудь неприятности? Он любит помогать людям. Ты мне, конечно,

не веришь. Но это действительно так.

— Я не думаю, что он сможет что-нибудь сделать для меня.

— Ты торопишься? У тебя что — свидание? Пойдем, это недалеко.

Карен чувствовала, что Дейк в нерешительности. Наконец, он неохотно согласился. Карен выключила связь, нажав на маленький рычажок в сумочке. Она знала, что Мигель слышал, как Лорин дал согласие, и будет их ждать. Карен шла рядом с Дейком, готовая к любым неожиданностям. Они остановили такси, и Карен, улыбнувшись Дейку, села, скрестив загорелые ноги, на заднем сидении рядом с ним.

Когда они подъезжали к 215-ой улице, Дейк укоризненно сказал:

— Не далеко?

— Еще пару кварталов, милый.

Они подъехали к дому, и Лорин расплатился с таксистом. Карен заметила быстрый любопытный взгляд, брошенный Дейком на небольшое гладкое здание, перед которым они остановились. Когда они прошли в двери, Карен почувствовала, как невидимый барьер открылся, пропуская их, и сразу же снова замкнулся. Как и всегда, когда она возвращалась сюда, Карен с облегчением

вздохнула. Здесь она была в полнейшей безопасности. Ничто не могло проникнуть за оболочку яйцеобразного барьера. Острый конец яйца выходил на поверхность — его-то и видел Лорин снаружи. Все остальное находилось под землей. Отсюда Мигель Ларнер, агент Третьей Ступени, осуществлял руководство, здесь он разрабатывал операции. Сюда сходились все нити его разветвленной агентурной сети. Обычно, как только она оказывалась за барьером, она временно стирала гипнотический образ Карен Восс и становилась собой. Но сейчас, когда с ней оставался Лорин, ей приходилось продолжать играть роль.

Агент Первой Ступени, сидящий за столиком портье, был начеку.

— Мы хотим спуститься вниз и поговорить с мистером Ларнером, Джонни.

(Ну, как я сработала?) — Я думаю, вы можете спуститься.

(Отлично, леди).

— Спасибо, Джонни.

(И вырубила одного агента Второй Ступени).

— Мы всегда рады вас видеть, мисс Восс.

(И не торопись набирать очки, мы будем скучать по тебе).

Она повела Лорина вниз, к лифту. И пока лифт

бесшумно скользил вниз, она с благодарностью подняла остальные экраны. Первый был опущен ею еще в вестибюле, для общения с Джонни. Она была очень довольная собой, понимая, что вышла из этого эпизода с честью. Еще один шаг сделан к центральным мирам, девочка. Еще на один шаг ближе к Третьей Ступени, а потом останется позади и это последнее испытание, и все будет закончено: наконец, можно будет заняться настоящей работой. В следующий раз нужно будет придумать что-нибудь получше, чем эта дешевая легенда с Карен Восс. Однако, она слишком уж привыкла к ней. Надо следить за своими рефлексами.

— Вы давно знаете Ларнера?

— Довольно давно. Вот мы и приехали.

Дверь скользнула в сторону, и они оказались в главной зале квартиры Ларнера. Зала была обставлена самой роскошной мебелью, которую продавалась только в лучших магазинах Бомбея. Целую стену занимала огромная диорама — большой тенистый сад с бассейном. Мигель проводил много времени в кресле рядом с бассейном, причем перспектива была сделана так мастерски, что давала скорее ощущение открытого пространства, чем куба, вырубленного внутри

скалы. Мигель так запрограммировал диораму, что она непрерывно менялась все двадцать четыре часа в сутки, переходя от безоблачных дней к лунным ночам.

Мигель сидел у бассейна в лучах яркого летнего солнца — крепкий загорелый мужчина с очень маленьким лбом и глазами черными, как антрацит. На нем были лимонно-желтые плавки, а в руке он держал бокал.

Ларнер небрежно помахал им рукой.

— Как дела, Карен? Заходите. Кого ты привела ко мне?

Они подошли к нему поближе.

— Ты не узнаешь его Миг? Это же Дейк Лорин.

(Ну, заработала я пару кредиток? Я сломала агента Шарда Второй Ступени).

Мигель лениво протянул руку.

— Рад познакомиться, мистер Лорин.

(Боюсь, что ты была слишком занята празднованием победы и, поэтому не произвела полного сканирования. Подумай немножко, и ты поймешь, что ты заработала лишь одну кредитку.)

— Я рассказывала Дейку, что тебе всегда нравились его статьи.

(Ладно, но когда ты используешь двоих там, где они используют пять…

Я понимаю, что ты имеешь в виду. Мою невнимательность. Что-то связанное с ногтем).

— Мне не хватало вашей колонки, Лорин. Всегда получал удовольствие от того, как хлестко вы там всех продирали.

(Да, нужно было оставить там кого-нибудь наготове и посмотреть, как Лорин воспримет куклу-Брэнсона). Садитесь пожалуйста. Выпьете что-нибудь? Они сели на складные кресла рядом с бассейном.

Карен сказала:

— Отлично, мне не помешает бокал коллинза. А что тебе налить, Дейк?

(Ты чувствуешь, что он балансирует на лезвии ножа, Мигель? Он уже почти исчерпал все свои резервы и ему начинает казаться, что он сходит с ума).

Мигель нажал на кнопку. Через несколько секунд появился слуга, которому Мигель заказал выпивку.

(Что ж, значит, мы должны быть очень осторожны. Один наш неверный шаг… Раз уж мы начали использовать его, может быть нужно как следует проверить его. Но я не думаю, что он справится. Слишком уж он зажат: отцовский комплекс, пуританство и прочее… Такие редко

проходят испытания. Слишком уж зависят от окружающей их реальности).

— Отличная у Мига квартирка, а Дейк?

(Не забывай о квоте. Он может нам подойти).

— Я думаю, сейчас меня можно считать безработным, мистер Ларнер, — сказал Дейк. — В течение года я работал на правительство. Сегодня мой… руководитель умер. Несколько неожиданно. Мы работали неофициально, так что теперь моя работа закончена.

— Вы работали на Брэнсона? — спросил Мигель.

— Да! Как вам удалось узнать об этом?

— У меня много источников информации. Я должен быть в курсе. Все, что делал Брэнсон, могло оказать влияние на экспорт и импорт. А это, в свою очередь, влияет на мои капиталы. У вас есть какие-нибудь определенные планы, мистер Лорин?

— Я пишу статью, которую хочу во вторник сдать в печать.

— Сенсация?

— Да, это была бы настоящая сенсация, если бы Брэнсон не умер. Скорее всего она подпадет под Закон о Нанесении Вреда Государству.

— Решили засунуть голову в петлю?

— Да, это можно назвать и так. Но ситуация такова… То, что может случиться со мной, уже не так важно. Беда в том, что все завязано на Дарвине Брэнсоне.

— Вам нужно место, где вы могли бы поработать?

— Нет, спасибо. Приятель предоставил мне свой кабинет.

— Если у вас что-нибудь сорвется, у меня найдется для вас подходящее местечко, очень симпатичное.

(Ты хочешь разобраться с Кэлли? Теперь, когда ты привела его сюда, я хочу, чтобы он здесь задержался).

— Здесь есть хорошее тихое место, где ты сможешь поработать, Дейк, — сказала Карен.

(Пусть Дейк сделает все, что нужно. Я отсутствовала слишком долго. У меня нервы ни к черту, Мигель. Смотри, он начинает нервничать. Он хочет уйти).

— Я передумал, Карен, — сказал Мигель. — Так будет легче. Я только что ввел полный контроль над ним.

Она быстро посмотрела на Лорина, и увидела, что он стал скорее похож на манекен, с ничего не выражающими глазами, чем на человека.

(Но как ты мог...) — Вслух, пожалуйста. Параголос незаменим во время выполнения задания. Проще всего удержать его здесь подчинив нашему контролю. Пусть он думает, что отправился к Кэлли, а Кэлли, испугавшись последствий, вернул ему деньги и отказался предоставлять место в своей газете. Затем он окажется у нас в вестибюле наверху в полной уверенности, что он вернулся, чтоб принять мое предложение. Я думаю, лучше всего сделать именно так. Приготовься, он сейчас перейдет в твое распоряжение. Отведи его в одну из комнат наверху и внуши ему, что он виделся с Кэлли и вернулся сюда, ну, скажем, в девять часов вечера. Пусть, пока он в трансе, останется в комнате, а сама можешь немного отдохнуть. В 9 же часов отведешь его в вестибюль.

Карен ждала. Когда Мигель выпустил Лорина из-под своего влияния, она ловко подхватила его, но в ту долю секунды, пока он как бы находился между Карен и Мигелем, Лорин пошевелился и тихо выдохнул. Или застонал? И все — тут Карен подхватила его. Проходя через широкие двери главной комнаты к лифту она оглянулась и увидела, что он идет за ней той странной неуверенной походкой человека, находящегося под мысленным контролем. Каждый раз ее поражала

печальная уязвимость человека, попавшего в подобную ситуацию. Сейчас это чувство было особенно острым: высокий сильный несгибаемый человек как ягненок покорно брел за ней.

Она поднялась на два этажа и ввела его в пустую комнату. Лорин сел на край кровати, неловко повернулся, поднял ноги и лег на спину, сложив руки по бокам и глядя в потолок широко открытыми глазами.

Карен села рядом с ним на кровать и быстро провела его через все технические этапы мысленной поездки в Нью-Джерси, внушила ему, что он встретился с Кэлли, который объявил ему, что не желает иметь с ним никаких дел и возвратил деньги, а затем вернула Дейка в город. Она отправила его бесцельно бродить по улицам. Потом она завела его в маленький ресторан, где он пообедал в одиночестве и решил принять предложение Мигеля и вернуться в его контору. Она остановилась в тот момент, когда он должен был войти в дверь и пересечь барьер. Потребуется минут пять, чтоб внушить ему все эти оставшиеся подробности. Она потратила несколько секунд на то, чтоб затормозить его сознание еще сильнее, чтобы он оставался в состоянии ступора пока она за ним не вернется. Вдруг Карен наклонилась и

поцеловала бесчувственные губы Дейка, сама удивившись своему порыву. Бедный большой теленок. Бедный растерянный землянин, не знающий в какую же сторону ему броситься. Пешка в игре, о которой ему не суждено узнать. Она поцеловала кончик своего пальца, дотронулась до лба Дейка, улыбнулась глядя на него, и вышла из комнаты тихонько прикрыв за собой дверь. Впрочем, даже если бы она и захлопнула ее с грохотом, Дейк бы этого не заметил.

Глава 6

Кэлли упрямо отпихнул деньги назад.

— Забирайте их, мистер Лорин. Я же сказал вам: я передумал. Публикация вашей статьи принесет мне непоправимый вред. Мне вряд ли удастся доказать им свою непричастность.

Дейк устало засунул деньги в карман.

— Ничего не остается, как пойти поискать другую газету.

Кэлли откинулся в кресле.

— Вот если бы вы пришли ко мне с рекомендациями… Ну, скажем, с записочкой от Мига Ларнера…

— Почему вы упомянули именно это имя?

— Да просто так, для примера. Да и вообще, если Миг говорит, что все будет в порядке — я спокоен. Этот парень знает, что делает.

Был уже седьмой час, когда Дейк вышел из офиса Кэлли. Прошло немало времени, прежде чем Дейку удалось поймать такси. Оказавшись на Манхэттене, он вышел из такси на площади Новых Времен. Странный день. Дарвин… или странное существо, занявшее его место… и умер-

шее такой странной смертью. Дейк чувствовал, что его связь с реальностью ослабевает. Ощущение было такое, как будто у него пропало боковое зрение, и он способен воспринимать только то, что находится непосредственно перед ним, а все остальное тонет в серой неясной пустоте. То же самое происходило и со звуком. Он различал отдельные резкие звуки, но обычный шумовой фон города словно исчез. Дейку казалось, что нарушилось все его восприятие окружающего мира. И в то же время он никак не мог остановиться и разобраться, что же такое с ним происходит — быстро повернуть голову, внимательно прислушаться ко всем окружающим его шумам. Те люди, которые все-таки попадали в поле его зрения, обычные прохожие, — с ними было что-то не то. Все цвета приобретали какие-то необычные оттенки. Все вокруг представлялось искаженным.

Дейк видел хорошенькую девушку, которая разглядывала потрескавшуюся витрину и образцы каких-то старых, лежалых товаров. Он понял, что смотрит на девушку со смешанным чувством зависти и ревности. Дейк вдруг стал обращать внимание на ширину плеч мужчин, проходящих мимо. Он не мог быть уверенным, и тем более у него не было никакой возможности проверить,

но ему вдруг почудилось, что он не идет своей обычной быстрой походкой, а еле-еле семенит. Весь мир вокруг казался сном, какая-то часть его сознания пыталась убедить его в том, что он должен проснуться, но и эта мысль была какой-то вялой, несосредоточенной.

Дейк нашел маленький ресторанчик, в котором ему раньше никогда не приходилось бывать. Он заказал бокал шерри — напиток, который презирал всю жизнь. И на удивление, ему понравилось. Легкий ужин, как ни странно полностью насытил его. Все вокруг него было немного не в фокусе, но он никак не мог собраться с духом и определить, что же такое с ним происходит.

Покончив с ужином, Дейк решил, что ему нужно непременно вернуться и повидать Мигеля Ларнера. На сей раз Дейк собрался попробовать подойти к делу с другой стороны. Сначала ему нужно закончить статью, а уже потом начать искать человека, который согласится ее напечатать, бесплатно или за деньги, там видно будет. Пусть статья говорит сама за себя. Пусть все узнают, на что в действительности были готовы пойти Стивен Чу и Гарва. Пусть услышат о торговых концессиях, обещанных Гондолом Лалом. Пусть поймут, что враждующие коалиции, не смотря

на все агрессивные заявления, в действительности готовы идти на компромиссы. И как один разговор Брэнсона со Смитом положил конец всем надеждам.

Дейк поразился тому, как быстро пролетело время. Он вышел из такси у дома Ларнера, когда стрелки часов застыли на девяти. Расплатившись с таксистом, Дейк вошел в вестибюль. Пройдя несколько шагов, он споткнулся на ровном месте, но сумел сохранить равновесие. Раздался какой-то странный треск и к Дейку вернулось боковое зрение, звук снова стал объемным, цвета естественными.

Странная девушка из автобуса стояла у столика портье. Восс. Карен Восс. Дейк с удивлением понял, что после того, как днем вышел от Ларнера, он и не вспоминал о толстяке из автобуса. Странное дело: он убил незнакомца и тут же обо всем забыл.

— Привет, Дейк, — сказала Карен. — Легок на помине, мы только что про тебя говорили. Помнишь толстяка из автобуса?

— Конечно.

— Оказалось, что ничего страшного не произошло. Он просто потерял сознание. С ним все в порядке, Миг звонил в больницу.

— Я до сих пор не могу понять, почему он вас ударил. Однако, я чертовски рад, что с ним ничего не случилось.

— Может быть, я была похожа на кого-то, кто обокрал его, а может быть… так оно и было! У меня паршивая память. Как тебе нравится мое платье?

Она сделала легкий пируэт. Дейк ответил:

— Красивое, но мне оно кажется чуточку вызывающим. Это очень древняя мода. Женщина Крита носили такие платья много-много лет назад.

— Я знаю только, что Миг выписал его из Мадраса, — Карен взяла Дейка за руку. — Миг — ясновидящий. Он сказал, что ты вернешься. Я спущусь с тобой. Пока, Джонни.

(Мне начинает нравится этот огромный парень. Ты видел как он покраснел? Теперь это искусство утрачено).

— Возвращайтесь, мисс Восс.

(Не бери этого землянина в голову, милашка. У него нет будущего).

(Тьфу на тебя).

По дороге к лифту Дейк почувствовал, что опять краснеет. Он сказал:

— Вы… э… дружите с мистером Ларнером?

Она сжала руку Дейка.

— Ну, мы с ним любим потрепаться, но не более того.

Дейк был смущен проявленным им интересом. В этой Карен Восс было что-то детское и привлекательное, но в то же время он понимал, что она жесткий и твердый человек. Это выражалось в ее походке, глазах, форме рта. Вся ее небольшая фигурка выражала сексуальное превосходство маленькой девочки, слишком быстро познавшей жизнь.

— Мистер Ларнер когда-нибудь выходит из дома?

— Почему ты об этом спрашиваешь?

— Я вдруг почувствовал, что он действительно не выходит на улицу. Возможно, для него это небезопасно.

Дейк посмотрел вниз, в ее светящиеся серые глаза. Они стояли так близко друг от друга, что он мог различить маленькие янтарные пятнышки, окружавшие зрачок. Дейк понял, что именно высокая степень интеллекта, которая читалась в этих поразительных глазах, так странно контрастировала с ее дешевой походкой, слишком обтягивающим платьем и изгибом губ.

— Совсем не такая уж умная, как тебе кажет-

ся, — сказала Карен. Дейк взглянул на нее.

— Как ты узнала, о чем я думаю?

На мгновение она смутилась. Затем Карен закинула голову назад и вульгарно захохотала.

— Господи Исусе, — с трудом выговорила она. — Теперь я тоже стала телепатом. А может быть, у нас с тобой родство душ, милый. Как ты думаешь? Мигель Ларнер был с саду-диораме. Воздух насыщали сладкие ароматы летнего вечера, которые заставляли забыть о холодном октябрьском воздухе снаружи. Слышен был легкий стрекот насекомых, переливчатые трели соловья и далекий хор лягушек, доносившийся с дальней части пруда.

— Хи. Миг. Он вернулся, как ты и говорил.

(И он подловил меня в лифте. Я могу поклясться, что он может передавать в диапазоне параголоса. Причем у него выйдет это превосходно.) — Садитесь, ребята. Рад, что вы вернулись, Лорин. В особенности, если это значит, что вы хотите воспользоваться моей помощью.

(Я еще днем заметил, как чисто Лорин это делал. Наверно у него скрытые способности).

Дейк сел сразу вслед за Карен.

— Дело в том, что тот, кто обещал напечатать мою статью, отказался. И вернул мне деньги. Тут

что-то не то, он не похож на человека, который добровольно возвращает деньги. Они у меня здесь. Я думал вы можете… черт возьми, странно! Я положил их в этот карман.

(Похоже у тебя, Карен, входит в привычку делать ошибки с этим парнем.)

Карен засмеялась.

— Я просто хотела показать тебе, Дейк, как работают настоящие карманники. Я сделала это, когда мы ехали в лифте.

(Ну как, Мигуэль, неплохо?) (Тридцать тысяч рупий, девочка. Организуй по-быстрому!) Дейк взял деньги из рук Карен и протянул их Мигуэлю.

— Здесь тридцать тысяч рупий, мистер Ларнер. Может быть вам удастся помочь мне напечатать статью в какой-нибудь газете?

(А не попытаться ли нам использовать его скрытые способности, Мигуэль?) (Боюсь, что ты начинаешь проявлять излишний интерес к этому индивидууму.) (Разреши мне послать ему направленный импульс. Может быть, у него есть еще и способности для телепатического приема.) (Со всем этим придется подождать до тех пор, пока мы не используем его в игре против Шарда. Твоя инициатива мне начинает надоедать, детка.) Мигель взял деньги и небрежно засунул их в

карман рубашки.

— Лорин, я ничего не могу вам обещать. Считайте, что я просто взял ваши деньги на хранение. А вы пока пишите статью. Я попробую подыскать для нее подходящее место. И верну сдачу. Почему бы вам не остаться у нас? Один из моих секретарей в отпуске. Так что в вашем распоряжении свободная квартира.

— Я никому не помешаю?

— Совершенно. Дайте мне ваш здешний адрес, и я пошлю кого-нибудь за вашими вещами.

— Это просто номер в отеле. С тех пор, как я начал работать с Брэнсоном я живу в отелях.

— Тогда я выпишу вас из отеля.

Дейк продиктовал Мигелю адрес отеля.

— Покажи Дейку его квартиру, Карен. Она на соседнем этаже в дальнем конце холла. И позвони Джимми, скажи ему, что мистер Лорин будет жить у нас в номере 7-С столько, сколько посчитает нужным.

Они вышли из сада-диорамы. Сумерки превратились в ночь. Карен отвела Дейка к лифту, и они спустились на один этаж вниз, в номер 7-С. Дверь была не заперта.

Карен вошла первой, включила свет и диораму. Это был берег моря, залитый лунным светом.

Отчетливо доносился шум прибоя.

— Очень роскошно, — сказал Дейк.

(Что?) — Я сказал, что квартира просто роскошная, — он с удивлением посмотрел на девушку, не понимая почему у нее такой вид будто ей удалось что-то доказать себе.

— Здесь есть бар, Дейк. Тебе налить что-нибудь?

— Если тебе нетрудно. Пожалуй, мне не помешает выпить. Сегодня был… один из самых невероятных дней в моей жизни.

Карен стояла спиной к нему, раскачиваясь на каблуках и разглядывая бутылки в баре.

(Виски подойдет?) — Ты что чревовещатель, Карен?

Она повернулась к Дейку.

— С чего ты взял?

— Твой голос как-то очень странно звучал. Казалось, он шел со всех сторон сразу.

— Я раньше немного занималась пением. Может быть, поэтому? Почему у тебя был невероятный день, Дейк?

— Мне нужно поговорить с кем-нибудь. Слушай меня и, пожалуйста, не перебивай, каким бы странным не показалось бы тебе то, что я буду говорить. Не слишком ли много я хочу?

— Давай рассказывай, что бы там у тебя не было. — Карен подала Дейку высокий бокал. — "Роса Кашмира". Восьмилетней выдержки.

Она присела на ручку его кресла. Дейк ощутил слегка дурманящее тепло ее тела.

— Не возражаешь?

— Н-нет. Больше всего я боюсь, что начинаю сходить с ума.

— Говорят, что если ты думаешь об этом, то бояться нечего. Слышал?

— Я в это не очень-то верю. Я всегда был полным прагматиком.

— Не преувеличивайте, господин профессор.

— Если я могу увидеть, дотронуться, понюхать, ощутить что-то — значит оно существует. И все мои действия основаны на выводах, которые я в состоянии извлечь из реальности. — Пока вроде бы понятно, милый. — И вот сегодня реальность начала ускользать от меня. Пишущая машинка не может истекать кровью. Человеческий ноготь не может вырасти на четверть дюйма за двое суток. И все, что происходило со мной с тех пор, как я днем ушел отсюда и до моего возвращения, все было ускользающе странным. Как будто я передвигался и разговаривал во сне. Когда я не смог найти деньги в своем кармане, я начал думать,

что все это и был сон.

— А что же все-таки произошло с пишущей машинкой и ногтем?

— Это как раз те самые случаи, когда то, что я видел, приходило в полное противоречие с реальностью. Как если бы я вдруг увидел, что ты начала ходить по потолку.

— А что, надо?

— Не смотри на меня так. Я начинаю думать, что это вполне возможно.

Так или иначе, чтоб не свихнуться окончательно, должен же я знать, что существует какая-то реальность?

— Прекрасно, милый. У меня возник один вопрос. Я тебе предлагаю список: вера, надежда, любовь, честь. Можешь ли ты потрогать, понюхать, ощутить их?

— Эти категории есть результат выводов, полученных при изучении других категорий, ощутимых нашими органами чувств. Карен повернулась и неожиданно поцеловала его. Ее глаза заблестели.

— Я начинаю понимать вас, профессор. Это вы можете почувствовать, не правда ли? Но если это приведет к тому, что вы влюбитесь в меня, вы сможете убедиться в этом… непосредственно.

— У меня такое ощущение, что ты уже давно поняла то, что я имею виду.

И кончай свои шутки.

— Если тебе не нравиться — больше не буду. Давайте продолжим дискуссию, профессор. Попробуем поиграть в такую игру. Был такой парень — по имени Мидас. Все, к чему он прикасался, превращалось в золото. Хорошо в соответствии с вашей теорией, профессор, он должен был бы сойти с ума. Но нет, этого не произошло. Он умер с голоду. Почему? Представим себе самого обычного человека, вроде тебя. Его мир начинает терять привычную четкость очертаний. Разве у него не осталось еще гордости и уверенности в себе настолько, чтобы убедить себя, что он в порядке? Что кто-то нарочно нарушает привычный порядок вещей?

— Мания преследования. Все равно — результат тот же.

— Сделаем еще одно допущение. Предположим, что эта любимая тобой реальность всего лишь выдумка, миф, а когда ты начинаешь видеть что-то необычное, сверхъестественное — вот тогда-то ты и видишь настоящую реальность.

— У тебя уникальный ум, Карен.

— Мне и раньше говорили об этом. Но дело не

во мне, милый.

— Ты должна больше уделять себе внимания. Такое воображение не часто встретишь.

— Знаешь, Дейк, ты немного старомоден. А что, если мне нравится быть такой, какая я есть? Что тогда?

Он усмехнулся.

— Это мое глупое желание, переделать все вокруг. Прости меня.

— Ты сказал, что у тебя были необычные ощущения, когда ты днем ушел отсюда. В чем они выражались?

— Цвета были какими-то ненатуральными. Люди казались странными. И у меня было такое чувство, что мое зрение и слух были ограничены.

— Значит, этот стиль зародился на Крите. Отчень, от-чень интересно!

Дейк быстро отвел глаза и почувствовал, что краснеет. Она смеялась над ним.

— Иногда читать твои мысли, мистер Лорин, совсем нетрудно.

— Послушай, я не хочу быть слишком старомодным, но…

— Я думаю, Патриция возражать не будет.

Дейк нахмурился.

— Черт возьми, с меня хватит. Я уверен, что ничего не говорил тебе о ней. У тебя все-таки есть экстрасенсорные способности.

— Я просто читаю светскую хронику. Эта, твоя Патриция, особа холодная, не так ли?

— Мисс Восс, вы слишком любопытны и нахальны. Мне нужно поработать, оставьте меня одного.

Карен соскользнула с ручки его кресла и зазывно подмигнула ему.

— Хорошо, дорогой. Если захочешь есть, позвони. Тебе все принесут.

Все, что тебе нужно для работы — за этой дверцей. Твои вещи скоро будут доставлены.

Она пошла к выходу, виляя бедрами еще более демонстративно, чем обычно. Напоследок вновь подмигнув ему, она закрыла за собой дверь. Дейк посидел некоторое время неподвижно, обдумывая то, что она говорила о реальности. Что если и в самом деле все "настоящее" было иллюзорным, а то что не соответствовало реальности, было проблесками реальности сквозь туман привычных иллюзий? Он пожал плечами. Может быть, крышка стола в действительности — матрица, содержащая элементы невиданных энергий. Может быть, вся материя, из которой

состоит человек, после того как вы исключите пространство между ядром и электронами, не больше булавочной головки. Но по столу вы все же можете ударить кулаком и почувствовать боль. И можно сломать человеческую челюсть и услышать треск лопнувшей кости.

Дейк обнаружил, что маленький кабинет прекрасно оборудован и находится в отличном состоянии. Он начал работать над статьей и почувствовал, что снова обрел способность свободно выражать свои мысли на бумаге. Дейк использовал прежнее начало, лишь немного сократив его и добавив смерть Брэнсона.

Поработав час, он позвонил по телефону, чтобы ему принесли поесть. Он страшно проголодался. Ему принесли его вещи и аккуратно разложили по полкам в спальне. После ужина Дейк поработал еще около часу и пошел спать. Он одел пижаму и присел на край кровати. Потом поднял ноги и с наслаждением вытянулся. Его преследовало ощущение, что он уже был в этой комнате. Или в комнате очень похожей на эту. С Карен. Она сидела на краю его постели. Потом она поцеловала его в губы. Карен что-то говорила ему. Что-то насчет Кэлли. Было так трудно вспомнить…

Дейк быстро заснул. Сон, который ему приснил-

ся, был таким же безумным, как и прошедший день. Мириады голосов звучали у него в мозгу. Дейк не мог избавиться от них. Они были, как маленькие человечки, которые разгуливали у него в голове, пощипывая и покалывая его мозг. Покусывая его маленькими острыми зубками. Покрикивая друг на друга. И разговаривали они все одновременно. Комментируя его, Дейка Лорина. "Ну-ка, иди сюда, посмотри здесь. Ну что ты скажешь? Определенно скрытый талант. И может на прием работать. Но здесь линия разорвана. Комплекс отца. Не годится, никуда не годится. Но посмотри сюда!"

Дейк проснулся от собственного крика: "Вон отсюда!" — эхом разнесшегося по его маленькой спальне. Он весь покрылся холодным потом. До него доносилась далекая музыка. Очень необычная музыка. Дейк никак не мог узнать инструменты. Наверно что-то новое из Пак-Индии, решил он. Чертовски глупо было принимать гостеприимство Мигеля Ларнера. Все, однако, хорошо, что хорошо кончается. Тут только главное не переборщить. Вопрос: кто кого использует? И как?

Глава 7

На Манарре стояло чудесное летнее утро. Горячее солнце улыбалось тихим мелким морям и поросшим зеленью холмам, которые когда-то были горами. Птички фи резвились над игровыми полями, помахивая своими зелеными крылышками-мембранами и щебеча весело как дети. Сегодня пикник. Пикник, на который, как и обычно, придут все. Они оставят свои уютные, как будто игрушечные домики, разбросанные тут и там в долине. Да здравствует пикник! Малыши уже устанавливали свои крошечные палочки-прыголеты пошире и суматошно и неловко взлетали в теплый летний воздух, где весело хохоча пытались догнать друг друга, а устав, тихонько плавали, вытянувшись во весь рост. Девушки, образовав небольшие группы, создавали причудливые картины при помощи своих палочек-прыголетов, а по пути к игровым полям затевали игру в чехарду, не забыв расправить юбки, чтоб выглядеть попривлекательнее, и наслаждаясь чудесными ароматами, разлитыми в воздухе. Молодые люди наблюдали за их играми

и устанавливали свои прыголеты как можно уже, чтоб похвастаться своим мастерством в прыжках. Ведь сегодня пикник! Сегодня мы увидим конкурс на лучшую водную скульптуру, а еще мы станем танцевать среди облаков. Да, и клоуны, чуть не забыли клоунов! Целый день веселья и вечер, наполненный нескончаемыми песнями, а ночь любовью. Ведь завтра… завтра нас ждет работа: тяжелая, иссушающая мозг и частенько заставляющая нас плакать. Работа под пристальным безжалостным взглядом землянина с тонким красивым лицом.

***

На расстоянии десяти парсеков от самой далекой звездной системы отдыхал огромный корабль. Собирали его в космосе — ни одна планета не смогла бы выдержать его веса, и поэтому ему было незнакомо настоящее ощущение силы тяжести. Это был флагманский корабль целой дивизии. В главной рубке управления на трехмерной диаграмме, изображавшей галактику, крошечные красные сферы обозначали местоположение каждого корабля дивизии. Сейчас он напоминал растревоженный муравейник. Быстрые взгляды, пересохшие губы, молчание. Катер

вернулся час назад. Наконец, прозвенел звонок, объявив общий сбор офицеров. Они поспешили в центральный зал и вытянулись по стойке "смирно". Через пять минут прибыл землянин, как всегда в парадной форме со всеми знаками отличия. Но глаза его на как будто высеченном из камня лице, были холодными и жесткими. Заключенного вывели на открытое пространство посредине между рядами офицеров. Поговаривали, что землянин мог заставить любого корчиться от боли одним только взглядом, умел читать самые сокровенные мысли, а еще мог лишить разума. Офицеры стояли не шелохнувшись, похожие на каменные изваяния. Резкий голос землянина наполнил огромное помещение.

— Офицеры, посмотрите на преступника. Он командовал кораблем. Он забыл, что вахта должна быть непрерывной.

Лицо пленника напоминало маску смерти.

— Они появились всего лишь один раз. Они не пожелали ответить на наши сигналы. Это был просто корабль-разведчик. И тем не менее нам потребовалась мощь всей галактики, чтоб вернуть их туда, откуда они явились. Они прилетят снова, но уже с оружием. Сейчас мы сильнее их, но этого не достаточно. Преступнику, которого вы

здесь видите, надоело стоять на вахте. Две тысячи лет никто не мог позволить себе расслабиться. Так будет и дальше, пока они не вернутся, а это обязательно произойдет. Уведите преступника!

Бывшего офицера, который не смел поднять головы, увели.

Землянин заговорил более спокойно.

— Система защиты должна постоянно совершенствоваться. Абсолютно все корабли вашей дивизии устарели.

По рядам офицеров прокатилось легкое волнение.

— Сейчас идет сборка корабля совершенно иного класса. Защита у него более надежная, оружие — более современное, а кроме того, новые и более эффективные возможности передвижения в гиперпространстве. Мы выбрали вашу команду для немедленной переподготовки. Я переношу штаб командования на один из кораблей вашей дивизии. Когда вы вернетесь на новом корабле, я буду снова командовать дивизией с вашего корабля. За пять лет мы проведем полную замену всех кораблей дивизии. Устаревшие корабли останутся в резерве. Районы патрулирования будут находиться в два раза дольше от границ галактики, чем сейчас. Вы получите короткий

отпуск, который каждый из вас сможет провести на своей родной планете. Все свободны.

Когда новый землянин заменил мягкого общительного Тэдрана в Центре Биономических Исследований, все с тревогой ждали что же будет дальше. Но дни сменяли друг друга, и они постепенно привыкли к его манере бродить по коридорам низких серых зданий Центавра. В Центре готовили металлические пленки, на которые были нанесены в мельчайших подробностях все, даже самые незначительные экологические факторы несбалансированных планет и вводили их в машины. Те что-то тихонько бормотали, пережевывая информацию, а через некоторое время, иногда очень длительное, выдавали ответ, который довольно часто казался самой невероятной бессмыслицей. Работа шла очень медленно, да и кто мог ускорить ее? Ведь природа тоже не спешила. Если в ответе рекомендовалось уничтожить какой-то особый вид кустарника на какой-то планете, кто мог бы взять на себя ответственность и ускорить этот процесс? Возможно на планете, о которой идет речь, пройдет лет пятьдесят и уничтожение этого кустарника приведет к исчезновению определенного класса насекомых, служивших пищей для каких-нибудь

там ящериц, незаметно живших среди корней деревьев и способствовавших естественному распределению воды.

Скоро землянин стал для них не более, чем символом.

И вдруг, в один прекрасный день, который ничем не отличался от всех остальных, глядя на них холодно и равнодушно, он назвал их паразитами, тупицами и лодырями. Он все переделал: разбил весь персонал на исследовательские группы, придав каждой такой группе отряд специалистов, работавших в полевых условиях. Кроме того, они должны были регулярно представлять ему синхронизированные рекомендации с обозначением даты их реализации. Старым добрым временам, когда жизнь была неторопливой и беззаботной, пришел конец. Теперь они все время куда-то спешили. Торопитесь! Планеты должны быть биологически сбалансированы, а их ресурсы необходимо использовать для создания оптимального уровня жизни населения. Транспортировка чего бы то ни было с одной планеты на другую — пустая трата времени. Поторапливайтесь! Надо спешить! Эта работа должна была быть сделана еще вчера, нет, позавчера. Землянин должен остаться доволен вашей рас-

торопностью, а не то вы окажетесь там, где ваша техническая квалификация будет уничтожена, а вас заставят заниматься физическим трудом.

***

В Центре Подготовки Т, подальше от нитей силовой паутины, от сложного геометрического рисунка расположения космических кубов, сверкающих на огромной равнине, подальше от черных учебных зданий и лучей, плакал агент Второй Ступени. Его сознание, его ум, который поначалу казался сильным, податливым и эластичным, был не в состоянии воспринять подготовку Третьей Ступени. Что-то мешало ему, какой-то запрятанный очень глубоко изъян. Они отказались от дальнейших попыток, ведь он может лишиться рассудка. Это был сильный, жесткий и бесстрашный человек, который сумел выжить в ирландском квартале, то есть просто трущобах Нового Орлеана. Он пробился наверх благодаря своим кулакам и уничтожающим все на своем пути амбициям. Сейчас он плакал потому, что именно здесь был конец его пути. И он знал: спорить или пытаться доказывать что-либо бесполезно. А меж тем, какая-то девчонка — филолог, мечтательница и поэтесса, сумела

справиться, зная, какая ее в конце концов ждет работа.

***

В Мадриде, за обожженными солнцем стенами замка, окруженного защитным экраном, который заодно скрывал еще и роскошное убранство замка, Шард проверял характеристики агентов, составляя список необходимого персонала. Сорок агентов Первой Ступени, шестнадцать — Второй, и только два агента — Третьей Ступени. Ни один агент Третьей Ступени не имел права видеть свою характеристику. Он язвительно подумал, что тот факт, что он составляет список персонала и говорит о том, что он отлично справился со своим третьим заданием. Ему не терпелось избавиться от волн злобы и ненависти, которые окутывали его с головы до ног. Бесконечное сражение за мир. Каша, которую необходимо мешать не останавливаясь ни на минуту, иначе она пригорит.

Он попросил, чтоб к нему привели Цыганку. Ему нравилась ее смелость, победившая страх. Он создавал для нее иллюзии все ближе подбираясь к самым сокровенным ее страхам. Пришлось пускать вход иллюзии и отвратительных червей, и разных там извивающихся существ с когтями.

Несмотря на то, что ей исполнилось лишь девятнадцать лет, она в течение двух лет прекрасно управлялась со своим табором и все подчинялись ее железной воле. Шард превратил ее груди в головы ящериц, а пальцы — в щупальца и она потеряла сознание, закусив до крови губу. Но когда она пришла в себя, она плюнула ему в лицо и стала поносить его с такой яростью, что он понял — она им подойдет. Она из тех, кого сломать невозможно, из тех, кого надо беречь, ведь их так мало. Шард переправил ее по наклонному тоннелю на маленькую космическую станцию. Он лично сопровождал ее — невиданная честь. Он дотронулся до кнопки и входное отверстие в сером кубе медленно открылось. Он втолкнул ее внутрь и, потянувшись, нажал на кнопку, под которой было написано: "Центр Подготовки Т". И быстро отступил в сторону. Куб радужно засветился, из розового стал серебристо-зеленым, а затем мгновенно исчез, только в воздухе прозвучал как бы пистолетный выстрел. Это материнские планеты, объединив свои силовые поля, переправили куб с девушкой в Центр Подготовки Т. И юная Цыганка будет теперь стареть на год, каждые десять лет. Шард стоял на станции, мрачно раздумывая о том, насколько было бы

лучше, если бы он начал здесь работать не в сорок лет, а в девятнадцать. Да, но в девятнадцать он, в отличие от этой девушки, был не готов, он бы сломался. Правда, вполне может так произойти, что и она не выдержит жестких условий подготовки агентов в Центре Т. Впрочем, он очень сомневался, что это возможно: он повидал не одну сотню кандидатов в агенты. Шард поднялся вверх по тоннелю, отказав себе в удовольствии воспользоваться лифтом, и раздумывая по пути о том, каким же будет следующий шаг Ларнера и что нужно сделать, чтоб помешать ему.

Глава 8

Мигель Ларнер сидел на бортике бассейна, болтая ногами в воде. Неподалеку, в кресле, расположился Мартин Мерман — агент Третьей Ступени, который в скором времени должен был заменить Ларнера. У Мартина Мермана было нежное детское лицо. В предыдущей жизни он был необыкновенно удачливым партизанским вожаком. Именно эта его поразительная удачливость и привлекла к нему внимание одного из предшественников Мигеля.

Мартина и Мигеля связывала тесная дружба, родившаяся из неизбежного одиночества всех агентов Третьей Ступени. Мигель уже давно привык держать Мартина в курсе всех текущих операций. Причем не только для дальнейшей подготовки Мартина: часто его советы позволяли Мигелю скорректировать прежние планы. Параобщение они использовали лишь тогда, когда необходима была быстрота. В остальных случаях они предпочитали обычный способ разговора.

— Операция "Брэнсон" была одна из самых тяжелых, — сказал Мигель. Мы не могли провести

ее в открытую из-за опасности вмешательства Шарда. Вот почему около года назад мне пришлось вступить в игру и убедить Энфилда и Брэнсона держать все в секрете. Мне казалось, что так у нас было больше шансов все закончить до того, как у Шарда возникнут подозрения.

— Как им удалось напасть на ваш след? Ты знаешь?

— Шард оставил своего агента после того, как блокировал наше покушение на Джорджа Фахди (а я по-прежнему не вижу своей вины в том, что оно сорвалось). К несчастью, это был агент Второй Ступени, следил он за Смитом и через Смита узнал все детали его предстоящей встречи с Брэнсоном. Однако, проконтролировать полностью Брэнсона агенты Шарда не сумели и решили сделать подмену. Но дело Брэнсона вдруг решил продолжить Лорин. Они попытались остановить его, внушая ему иллюзии. Мы потеряли Лорина из виду, но в госпитале, куда он зашел проведать Брэнсона, нам удалось его перехватить, и Карен доставила Лорина сюда. Я могу напечатать его статью о секретных переговорах. Все дело в Фахди. Всеобщее негодование может оказаться столь значительным, что он лишится власти.

— Агенты Шарда, вероятно, разыскивают Ло-

рина?

— Конечно, и я думаю, они знают, что он у нас. Но здесь им до него не добраться.

— И что ты собираешься делать, Мигель?

— Лорин заканчивает статью. У него здорово получается. Как только я отдам ее в газету, мы его отпустим.

— И дадим возможность Шарду захватить его и заставить дать опровержение?

— Именно.

— Тогда какой смысл во всей операции. Что мы в результате выигрываем?

— Это ложный ход, Мартин. Наша настоящая цель — Смит.

Мерман наморщил лоб, потом усмехнулся.

— Теперь я, кажется, понял. Смит не пройдет мимо предоставившейся ему возможности. Он даст Джорджу Фахди ложный отчет о разговоре с Брэнсоном — ведь Брэнсон уже мертв; а сам будет использовать информацию о негласных соглашениях, полученную от Брэнсона, чтобы увеличить свое влияние и…

— Он уже дал Фахди ложный отчет. Смит быстро увидел новые перспективы, когда… мы ему немного помогли. Очень жаль, что у него не все в порядке с психикой; отличный из него получился

бы агент. Достаточно жесткий, и с амбициями. Пусть Шард сосредоточит свои силы на Лорине и тогда, может быть, Фахди закончит свой путь, как большинство диктаторов. Если с ним будет покончено, Стивен Чу и Гарва, хотя бы какое-то время, будут вести себя разумно: воля народа и так далее.

— Значит, Лорин сыграет роль подсадной утки?

— Это совсем не понравится Карен. Похоже, что она к нему неравнодушна.

— Неужели? Впрочем, это иногда случается. Я помню одну девушку… Когда я еще был агентом Второй Ступени, мне удалось уговорить себя, что из нее выйдет толк. Она сломалась почти сразу.

— У Лорина есть хорошие скрытые способности. Но нежных объятий Шарда ему не пережить. Он уже сейчас на грани срыва. При замене Брэнсона у них вышел маленький прокол, а Лорин его заметил. И он никак не может заставить себя трезво посмотреть на окружающий его мир.

— Убрать Фахди — наша основная цель?

— Да, убрать, как Гитлера много лет назад, когда я был еще агентом Первой Ступени, Мартин. Это была долгая и тяжелая работа. Агент Третьей Ступени командовал операцией. Было органи-

зованно три покушения одно вслед за другим и, каждый раз в последний момент все срывалось. Боже мой, сорок лет прошло с тех пор.

— Тогда ты был почти на четыре года моложе, Мигель? — мягко спросил Мартин Мерман.

— Когда ты находишься на Первой Ступени, у тебя еще слишком много иллюзий. Фахди — вот сегодня главная цель. Трое наших агентов готовят студенческое восстание в Аргентине, несколько других блокируют заключение торговых соглашений в Нью-Дели, а еще один знакомит Гарву с новыми, неизведанными и разрушительными плотскими утехами. Эти операции тоже имеют большое значение. Если исключить замену Брэнсона, Шард в основном рассчитывает на старую надежную тактику "пограничных инцидентов". Они, конечно, эффективны, но действие их весьма ограничено. Стабильность, единение должны прийти изнутри. Именно поэтому я и отправил так много своих людей на сельскохозяйственные исследования — помочь настоящим ученым увидеть старые факты в новом свете. Но у меня есть страховка на случай неудачи.

— Было бы здорово, если бы у тебя это сработало.

— Надеюсь на самый старый континент, Мар-

тин. Новая сила поднимется в сердце Африки через сорок-пятьдесят лет. Мы поможем этим процессам. Заставим мыслить и жить по-новому. Так, как мы делали все эти годы в Индии.

Мартин нахмурился.

— Что произойдет, Мигель, если… одна из сторон сейчас одержит полную победу… полную и безоговорочную.

— Этого не случится. Это невозможно.

***

Содовая шипела в бокале, пока Мигель смешивал выпивку для Дейка Лорина. Мигель протянул ему бокал.

— Выпей этот бокал за собственный успех, Дейк. Твоя статья выйдет на первой странице "Таймс". Жирным шрифтом. Телеграфные сообщения разнесут новость по всему миру.

Дейк с удивлением посмотрел на Мигеля.

— Да ведь они и слушать меня не захотели!

— Но вы же не могли дать им гарантии, что люди из Госдепартамента не поднимут скандала. А я мог. У меня там есть старые друзья. Вот возьмите ваши деньги: они не понадобились.

— Почему вы помогаете мне, мистер Ларнер?

Мигель пожал плечами.

— Я всегда так действую. Сегодня я оказал вам услугу. Завтра вы окажете услугу мне. Так устроен мир. Каковы ваши дальнейшие планы?

— Еще не знаю. Я хотел продолжать дело, начатое мною с Дарвином Брэнсоном. Может быть, мне удастся встретится с президентом Энфилдом. — Хотите я помогу вам?

Дейк улыбнулся.

— Да, вы скорее всего сможете это сделать. Я полагаю, что трудно будет найти вопрос, который вам не под силу. Но эту проблему я должен решить сам.

— Его не очень-то обрадует ваша статья. Газета с ней выйдет… часа через два.

— Как вы думаете, мистер Ларнер, будет ли от моей статьи какая-нибудь польза?

— Мне трудно судить об этом, Дейк. Видимо, ничто не сможет остановить проникновение вашей статьи в Бразилию, Северный Китай, Иранию. И, конечно, никто не будет мешать ее распространению в Пак-Индию. Так что весь мир узнает, что соглашение между самыми крупными государствами было почти достигнуто. Может быть, тогда многие поднимут свой голос и соглашение все-таки осуществиться. Общественное мнение может испугать больших шишек. Тогда

снова начнется свободный обмен информацией, откроются новые воздушные линии, возобновится совместная эксплуатация морских каналов, будут решены вопросы о пограничных линиях. Мне кажется, такой вопрос возможен. Ллойд из Калькутты принимает ставки семь к трем, что в течение следующего года начнется война. Ваша статья может сильно поколебать эти ставки.

— Мне кажется, мистер Ларнер, вы прекрасно ориентируетесь в политических проблемах.

— Я занимаюсь своим бизнесом. Проно, снабжение фленгом и тому подобное. Черт возьми, пока я могу делать легкие деньги, зачем мне беспокоиться о судьбах мира? Разве я буду жить вечно? Приятно было пообщаться с вами, Дейк. Держите меня в курсе.

— Вы очень похожи на одного моего друга. У нее похожая философия. "Делатель добра" — так она меня называет. Ее зовут Патриция Тогельсон.

— Я о ней слышал. Мы с ней образовали бы отличную команду. Приходите с ней вместе как-нибудь.

— Патриция считает, что она сама по себе уже команда. Мне нужно вернуть ей эти тридцать тысяч: я взял их у нее в долг, поставив себя, тем самым, в дурацкое положение.

— Успехов вам. И не попадайтесь больше никому на удочку.

Дейк взял свою сумку и поднялся в вестибюль. Кивнув на прощание Джонни — сидящему за столиком портье — Дейк сказал, что уезжает совсем. Он уже открыл входную дверь, когда вдруг услышал что кто-то зовет его. Оглянувшись, Дейк увидел, что от лифта к нему бежит Карен. В ее глазах читалась тревога.

— Ты что, уходишь?

— Да, ухожу. И спасибо за все.

— Но ты же не видел Мигеля! Он не знает, что ты уходишь.

— Я только что с ним попрощался, Карен.

Она повернулась к нему в пол-оборота. На ее лице появилось странное выражение: как будто она прислушивается к чему-то. Затем лицо ее сморщилось, как у ребенка, готового заплакать.

— До свидания, Дейк. — Она протянула Дейку руку, и тот взял ее.

— До свиданья, Карен.

Выйдя на улицу, Дейк обернулся и посмотрел назад. Карен стояла за стеклом и смотрела ему вслед. И стояла она совсем не так, как обычно стояла Карен Восс. Ее фигура стала прямой и уверенной, а на лице появилось непривычное

выражение одинокого достоинства. Поворачивая за угол, Дейк обернулся еще раз и помахал Карен рукой. Она даже не шевельнулась.

Он сел в такси, двигатель которого работал на угле, и оно, тяжело постанывая, повезло его к аэропорту. До следующего рейса на Филадельфию оставалось еще двадцать минут. Дейк как раз успел купить свежие газеты в двух экземплярах и взял их с собой в самолет. За исключением двух опечаток, статья была издана безо всяких изменений. В заголовке крупным шрифтом было набрано: "РАСКРЫТЫ СЕКРЕТНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ" и ниже "ДОВЕРЕННОЕ ЛИЦО БРЭНСОНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ИРАНИЯ НАРУШАЕТ ЧЕТЫРЕХСТОРОННЕЕ СОГЛАШЕНИЕ".

Монета подброшена в воздух, подумал Дейк. Что выпадет: орел или решка? Орел — новое соглашение и вслед за ним ослабление международной напряженности. Решка же только приблизит войну, которую более половины человечества и так считают неизбежной.

Дейк внимательно дважды прочел статью, а затем просмотрел остальные новости. Убийства на религиозной почве в Айове. Пожар на заброшенных заводах в Йонгтауне. Гуркха заключила долговременный договор на аренду земель во

Флориде для своей военно-воздушной базы, которая будет противостоять ракетным установкам в Кокоа. Попытка похищения Махарани сорвана. Из-за увлечения проно непрерывно растет статистика убийств, однако законопроект о контроле над распространением проно опять заблокирован. В Калифорнии постановлением Верховного Суда разрешено двоеженство. Известная кинозвезда обнаружена мертвой в своей постели. В Северном Китае ожидается дополнительная мобилизация на военную службу. В Бразилии изобретен еще один смертельный вирус-мутант. В Канзасской лаборатории обнаружены новые перерождения почвы. Техас опять угрожает выходом их федерации. Президент Энфилд в Кей-Уэсте.

Прочитав последнюю новость, Дейк нахмурился. Теперь, после публикации статьи, все будут жаждать его крови, за исключением разве что Энфилда. Правда и тут гарантий у Дейка не было никаких, но хоть какая-то надежда сохранялась. До вылета еще оставалось несколько минут. В течение последних двух суток Дейк старался избегать длительных отвлеченных размышлений, он пытался занять себя какой-нибудь деятельностью — только бы ни о чем не думать.

Поток мысли подхватил его и понес, как быстрая река, стремительно текущая по ровному руслу, но затем с разбегу натыкающаяся на скалу. Скала — отросший ноготь Брэнсона, его странная "смерть". Ударившись в скалу, вода бесцельно закружилась в водовороте. Тысячу раз Дейк говорил себе, что он должен забыть об этой скале, что он, наверное, ошибся. Самогипноз. Просто на некоторое время его перенапрягшийся разум перестал функционировать нормально. Впервые за много дней Дейк вспомнил о жене. Притупившаяся боль потери постоянно присутствовала где-то в глубине его подсознания, готовая в любой момент всплыть на поверхность. Спокойная ясноглазая девушка, так его любившая. Долгое время Дейк был не в состоянии осознать, что ее уже больше нет. Ему казалось, что он встретит ее за следующим углом. Может быть, перенапряжение появилось в тот момент, когда он, наконец, понял, что она ушла из жизни навсегда. Жена и отец — причины их смерти внешне разные, но на самом деле они были всего лишь двумя аспектами одного и того же явления. Его отца убила малая коррупция, а жену — огромная, так что разница только в размерах.

Эти годы, думал Дейк, были малоподходящими

для конструктивного идеалиста. Мечта всегда оставалась неизменной. Делай на пределе своих сил, то, на что ты способен, и мир станет лучше когда тебя не станет. Если каждый человек сделает хоть немного… Может быть, в девятнадцатом веке, эта мечта и имела право на существование. Люди могли еще верить тогда, что мир с каждым годом становится немного лучше. Но потом, после первых двух мировых войн, все перевернулось. Людям доброй воли стало казаться, что мир становится все хуже и хуже. Мышление стало нигилистическим и экзистенциалистическим. Началось поклонение богам пустоты.

И все же вера в то, что мир становится хуже было конструктивнее, чем холодная философия шестидесятых, когда считалось, что положение стабилизировалось и что мир никогда не станет хуже или лучше — он будет постоянно оставаться на определенной стадии беспорядка, когда в непрерывной борьбе Христа и Дахау результатом будет неизменная ничья. Плохое время для функционального идеализма. Патриция и Мигель были неизбежными продуктами культуры двадцатого века. Господи, верни мне мои времена.

Насколько проще жить по их законам. Дьяволу достанутся мои внуки. Коррупция неистребима.

Игра всегда заканчивается вничью, и все усилия отдельного индивида не могут никак повлиять на окончательный итог. Патриция предложила легкий выход из тупика. Она всегда уговаривала Дейка следовать за ней: "Существует множество вещей, которыми ты мог бы заняться, дорогой. Мне нужен человек для общения с журналистами, для заключения сделок с людьми, которым не нравится иметь дело с женщинами. Некоторые индийцы, глядя на нас, видимо, считают, что я должна ходить в паранджe. Я могла бы тебе очень хорошо платить, и это не было бы благотворительностью или подарками, потому что ты действительно необходим мне".

Нет, пока еще нет, Патриция. Нет до тех пор, пока я не пойму, что поражение неизбежно. Возможно, этого не произойдет никогда.

Когда самолет подлетел к Филадельфии, Дейк увидел, что произошла очередная авария на электростанции и часть города обесточена. Такие аварии с каждым годом происходили все чаще. Целые районы города оставались без энергии. Больше уже никто этим не возмущался. Если бы хватало техников, денег, резервного оборудования, то аварий не было бы вообще. Но в Филадельфии, как и во всех других городах, не

хватало всех трех компонентов. Обычной реакцией на очередную аварию было назначение подкомитета, который должен был проверить деятельность комитета, надзирающего за энергетическим балансом города. Ответ был всегда один и тот же: нам не хватает и нефти, и угля, и железа, и меди, и цинка, и олова, и леса, и людей.

Дейк поймал такси, но ему пришлось пересесть в другое: первое сломалось. Ему стало не по себе от езды по темному городу с такой крупной суммой в бумажнике. В Филадельфии было множество детских банд. Распад и разложение системы образования выбросил детей на улицы городов. Они отличались страшной, немыслимой безжалостностью, характерной для детей во все времена. Годы партизанской войны наполнили страну оружием. Старый самодельный пистолет в руках у одиннадцатилетнего ребенка из дома, где вся семья помешалась на проно, — и перед вами существо, которое понимает только клацанье затвора. Существо с воображением столь неразвитым, что когда он всаживает одну пулю за другой в тела взрослых, ему даже и не представить себе, что взрослые тоже могут испытывать боль. Такие дети были похожи на детей, живших в развалинах Берлина после Второй Мировой

войны, Дейк читал об этом.

Он вышел из такси перед домом Патриции, увидел свет и вздохнул с облегчением. Такси уехало, а Дейк зашагал к дому. Слабое движение в темноте сбоку, заставило Дейка насторожиться. Он что-то увидел боковым зрением и резко повернулся. Вокруг однако ничего не было. Он подождал несколько секунд и снова двинулся к дому. Хорошенькая служанка-японка открыла ему дверь и улыбнулась обычной приветливой улыбкой, блеснув золотом зубов. — Добрый вечер, мистер Лор…

Он вошел в комнату. Служанка посмотрела на Дейка и ее лицо перекосилось. Она в испуге прижала руку к горлу. Девушка отступила на шаг и ее глаза стали вылезать из орбит: казалось, что для нее настал последний, самый ужасный миг ее жизни.

— Что с вами? — спросил Дейк.

Девушка сделала еще шаг назад и упала на ковер. Дейк наклонился над ней, но она лежала неподвижно. В комнату вошла Патриция.

— Дейк! Что случилось с Молли?

— Не знаю. Она просто посмотрела на меня, чего-то испугалась и упала в обморок.

Патриция встала на колени рядом с маленькой

хрупкой фигуркой девушки и потрепала ее по щеке.

— Молли! Милая, Молли!

Патриция нахмурилась и взглянула на Дека.

— Я не понимаю, что… — она замолчала и неподвижно уставилась на Дейка, а лицо ее стало белым, как мел. — Господи! — она крепко зажмурила глаза и закрыла лицо руками. Покачнувшись, Патриция чуть не упала рядом со своей служанкой.

— В чем дело! — резко спросил Дейк. — Что с тобой?

Не открывая глаз Патриция тихо ответила:

— Я не хочу этого… видеть. Твое… лицо.

Дейк инстинктивно поднял руку и дотронулся до лица. Он потер правой рукой левую щеку. Все было в порядке. Он провел рукой по подбородку — и застыл. Только сердце отчаянно застучало в груди. Он осторожно потрогал правую щеку и почувствовал, как его пальцы заскользили по гладкой твердой поверхности отполированной кости. Его пальцы сами поползли вверх и Дейк нащупал пустую глазницу.

В три скачка он оказался перед большим настенным зеркалом. Если бы он увидел отполированный череп с пустыми глазницами и дырой

вместо носа это было бы совсем не так ужасно, как то лицо, которое смотрело на него со стены. Оно было разделено пополам. Одна сторона была теплой, живой. Другая половина — голый череп, скалящий зубы.

Это невозможно, это было совершенно невозможно!

Дейк отчаянно искал и не находил ни одного логического ответа. Если срезать у человека пол-лица, то он немедленно истечет кровью. В зеркале у себя за спиной он увидел отражение Патриции, которая по-прежнему стояла на коленях, не отрывая рук от лица, рядом с лежащей неподвижно служанкой — маленькой девушкой, которая так гордилась тем, что научилась произносить звук "эль", что изменила свое имя на Молли.

Его сознание окровавленными пальцами, из последних сил, цеплялось за последний уступ: пропасть безумия все сильнее притягивала к себе. Легче было разомкнуть пальцы и начать бесконечное падение в пропасть, откуда нет возврата. Еще легче было закричать, захихикать и окончательно уничтожить двух перепуганных насмерть женщин.

Дейк медленно подошел и встал за спиной Патриции, глядя на ее прекрасные блестящие

волосы.

Голос Дейка был сдавленным и хриплым:

— Ты будешь рассказывать кому-нибудь об этом?

— Нет. Нет!

— Как ты думаешь, сколько людей видели… нечто подобное, и никогда не решались рассказывать об этом, Патриция?

— Что ты этим хочешь сказать?

— Нам все это только снится? Происходит ли этот кошмар на самом деле? Может быть, ты Патриция из моего сна?

— Это ты… мне снишься, Дейк. В моем кошмаре.

— Что же нам делать, чтобы проснуться?

— Ты знаешь… что мы не спим. Кто… или что ты?

— Чудовище? Демон? Я Дейк. И я не понимаю, что происходит также, как и ты. Посмотри на меня.

— Нет.

Дейк взял ее блестящие волосы в кулак и резко повернул ее голову к себе.

— Посмотри на меня!

Она застонала, но продолжала держать глаза крепко сжатыми. Свободной рукой, Дейк, не об-

ращая внимание на ее отчаянное сопротивление, заставил Патрицию открыть глаза. Не дыша, широко открытыми глазами, она молча смотрела на него. Потом она закричала. Крик Патриции резко ударил по его напряженным нервам. Это был последний крик ужаса существа, полностью охваченного паникой. Она подпрыгнула и отскочила в сторону, продолжая неотрывно смотреть на него и кричать, останавливаясь только затем, чтобы набрать в легкие побольше воздуха. Потом она замолчала. И, в наступившей странной тишине, вдруг начала смеяться, шатаясь и извиваясь от приступов хохота, потом бросилась бежать, продолжая хохотать, к двери, наткнулась на нее, с трудом открыла и выскочила на улицу, в ночь, споткнулась и упала, облитая светом из открытой двери, а ее ноги продолжали спазматически двигаться, а смех звучал так, как будто ее горло постепенно наполнялось кровью…

Дейк все понял. Ее упрямый гордый разум был полон высокомерия и уверенности в собственной непогрешности. Столкнувшись с чудовищным и необъяснимым явлением, ее разум не смог проявить гибкость, оказался неспособным принять невозможное. И, не выдержав перенапряжения, сломался полностью, абсолютно. И теперь,

неожиданно для себя, глядя на Патрицию, Дейк понял, как близко он сам подошел к той последней черте, которая отделяет его от безумия. И это дало то необходимое ему увеличение пластичности восприятия, без которого он бы не выстоял.

Дейк знал, что врачам удастся, причем сравнительно быстро, вернуть Патрицию к относительно нормальному состоянию. Но она уже никогда не будет прежней. Теперь она навсегда потеряет уверенность в себе, а за каждым поворотом ей будут чудиться новые чудовищные ужасы.

С Молли, служанкой-японкой, все будет иначе. Она не обладает таким гордым и жестким разумом, для существования которого был необходим мир, построенный на логике. У Молли были желание и возможность принять необъяснимое. Конечно, у нее еще не раз будут кошмарные сны. И временами ее будет охватывать страх. Но она не будет пытаться найти объяснение необъяснимому.

И они пришли — вышколенные и ласковые врачи для самых богатых, лишь легким бормотанием выражающие беспокойство; своими нежными наманикюренными пальцами осторожно нащупывающие пульс; тихими, приглушенными голосами, заказывающие лучшие отдельные

палаты с младшим медицинским персоналом высшей квалификации; делающие успокаивающие инъекции и строго выговаривающие помощникам, осторожно несущим неподвижное тело Патриции в роскошный хромированный медицинский лимузин, который помчится по темным и пустынным улицам ночного города.

Один из врачей уехал вместе со спящей Патрицией, а другой, все время нервно поглядывающий на часы, остался с Дейком и Молли, чтобы расспросить о том, что же все-таки здесь произошло. Из-за нескольких чуть нетерпеливых взглядов, которые бросал на Дейка врач, Дейк понял, что его лицо вновь стало нормальным. Он даже осторожно трогал правую щеку, чтобы убедиться в этом.

Молли сидела на высоком стуле, неподвижно сложив руки, плотно сдвинув колени, черные волосы аккуратно собранные в узел на затылке, отливали масляно-голубым и зеленым в ярком электрическом свете. Изредка она бросала короткие настороженные взгляды в сторону Дейка.

— Это очень похоже на истерию, — сказал врач. — Возможно, нам будет легче поставить диагноз, если вы расскажите все подробности, мистер Лорин. — Я появился здесь всего за

несколько минут до того, как все произошло, доктор. Я только что прилетел из Нью-Йорка и на такси приехал сюда.

— Когда вы увидели ее, вам не показалось, что она чем-нибудь огорчена?

Дейк нервно рассмеялся. Это был неприятный смех. Стоит только рассказать этому маленькому суетливому человечку правду, так не пройдет и десяти минут, как его оденут в смирительную рубашку, и он окажется в больнице для душевнобольных, несмотря на постоянный недостаток мест в подобных заведениях. Количество психиатрических заболеваний за последние пятнадцать лет резко увеличилось и в корне изменило подход к ним государственных учреждений. Потенциальная способность к насилию стала единственным критерием ненормальности. Все остальные виды психических отклонений не принимали во внимание — люди с подобными заболеваниями, погруженные в свои странные фантазии, могли спокойно разгуливать по улицам.

Возродилось поверье, пришедшее из средних веков, о том, что спасен будет всякий подавший безумцу. Появилось множество культовых религий, где во время их странных сборищ люди

давали выход накопившимся стрессам.

— Она не казалась чем-то огорченной, — сказал Дейк. — А потом произошло все очень быстро.

Врач повернулся к Молли.

— А вы ничего особенного в последнее время не замечали?

— Нет, сэр, — тихо ответила Молли дрожащим голосом.

Дейк посмотрел на девушку и понял, что она ни о чем рассказывать не будет. Врач вздохнул и снова посмотрел на часы.

— Да, немного пользы от разговора с вами. Мисс Тогельсон всегда производила впечатление сильной личности. Все это… совершенно неожиданно, с моей точки зрения. Никто из вас не знает, что означает ее бред о каких-то черепах?

Дейк увидел, что Молли содрогнулась, услышав последние слова врача.

Он сказал:

— К сожалению, нет.

— Тогда мне пора.

— Вы не могли бы подвести меня, доктор, если вы направляетесь в центр?

— С удовольствием.

Когда они вышли за дверь, Дейк услышал, как Молли закрывает все засовы. Врач и Дейк сели

в машину, и в окно Дейк увидел, как зажигается свет в одной за другой комнатах. Теперь Молли долго будет бояться темноты. Теперь она все ночи с удовольствием превратила бы в дни.

Врач вел машину с небрежной стремительностью.

— Куда вы направляетесь, мистер Лорин?

— Я оставил свои вещи в аэропорту.

— Я отвезу вас туда.

— Могу ли я позвонить вам завтра и справиться о здоровье мисс Тогельсон?

— Позвоните днем. Врач выпустил Дейка у входа в камеру хранения. Не успел Дейк захлопнуть дверцу, как автомобиль с рычанием умчался.

Дейк подошел к яркой неоновой вывеске у входа. Две большие группы туристов из Индии стояли, весело разговаривали и смеялись. Женщины были одеты в сари, богато отделанные золотом и серебром. Они окинули его короткими равнодушными взглядами. Туристы прибыли сюда из процветающей страны, переживающей период небывалого подъема. Считалось модным ездить в туристические поездки в страны умирающего и загнивающего запада. "Там все так необычно, моя дорогая. Но люди! Они такие вялые. И такие чудовищно вульгарные. Конечно, у

нас есть перед ними определенные обязательства ведь именно у них началась индустриальная революция, вы же знаете. Вообще-то, мы приглашали к себе их инструкторов, посылали своих юношей и девушек в их университеты. Подумать только! Но потом мы, конечно, превзошли все их технические достижения. Тата построил первый совершенно автоматизированный завод по обработке стали. Надо полагать, что война действительно сильно подорвала все их ресурсы. Мы даже не можем представить себе, как нам повезло, что Пак-Индия никогда не подвергалась бомбардировке. А теперь мы достаточно сильны, чтобы этого никогда не произошло. Вы, конечно, слышали последнюю речь президента Лала. Любой, подтвержденный акт насилия, будет отомщен тысячекратно. Это заставит Гарва, Чу и Фахди воздержаться от любых необдуманных шагов."

Глава 9

Дейк собрал вещи и отправился в ближайшую гостиницу. Там он снял номер и, поужинав в ресторане, пошел к себе, чтобы попытаться разобраться в том, что происходит. Он доставал свои туалетные принадлежности, когда к нему в номер постучал посыльный, держащий в руках пишущую машинку.

— Она довольно-таки неприглядная с виду, сэр, но управляющий говорит, что она в порядке.

Он поставил машинку на столик у окна.

— Я не просил никакой машинки.

Посыльный был серьезным молодым человеком, отличительной чертой внешности которого было полное отсутствие подбородка. Он с сомнением посмотрел на Дейка.

— Может, это, конечно, такая шутка, мистер Лорин. Только что-то я не возьму в толк, что тут смешного.

— Вы это про что?

— Но я же был здесь десять минут назад и вы мне сказали, что вам нужна пишущая машинка. Я хочу сказать, что если это какой-то розыгрыш…

и все-таки я не понимаю…

Раньше, до происшествия с Патрицией Дейк наверняка чего-нибудь наговорил бы посыльному. Он бы позвонил управляющему и спросил, не изобрели ли они новый способ надувательства клиентов. Он бы потребовал, чтобы машинку немедленно унесли.

Но мир вокруг него как-то непостижимо и почти неуловимо менялся: наглая девица, красиво рассуждавшая об искажении реальности, затем половина черепа в зеркале и обезумевшая от ужаса женщина. Да, еще ноготь. Дейк был от природы любопытен. Он же все-таки журналист. Не мог же он проигнорировать объективные вопросы, возникшие вследствие его субъективного опыта.

Он дал посыльному чаевые.

— Похоже, шутка оказалась неудачной.

Молодой человек вздохнул.

— Спасибо, сэр. Вы заставили меня поволноваться. Я уже подумал, а не спятил ли я. Спокойной ночи, сэр.

Посыльный вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь. А Дейк остался стоять посреди своего номера, задумчиво потирая подбородок. История с машинкой, как впрочем, и вся та чертовщина, которая с ним последнее время происходит, имеет

два аспекта. Безумие. Иллюзия. Да, но ведь Молли и Патриция что-то видели. Можно ли считать этот факт объективным доказательством? Только в том случае, подумал Дейк, если он сможет доказать себе, что в действительности побывал у Патриции, и все, что, как ему казалось, там произошло, случилось на самом деле. Дейк подошел к телефону. Ему понадобилось двадцать минут, чтобы дозвониться до больницы. Телефонная служба из удобства превратилась в нечто ужасно действующее на нервы в последнее время.

Наконец ему ответила телефонистка больничного коммутатора.

— Я хотел бы справиться о пациентке, которая недавно поступила. Мисс Патриция Тогельсон?

— Подождите, сэр. Я проверю.

Дейк ждал. Через некоторое время он получил ответ:

— Вы слушаете, сэр? Она поступила около трех часов назад. Сейчас она отдыхает, сэр.

— Спасибо.

Он повесил трубку и, сев на край кровати, закурил. Ну, хорошо. Теперь — следующий шаг. Как я могу доказать, что минуту назад звонил то телефону и разговаривал с больницей? Стоимость этого звонка будет внесена в мой счет. Так, но

когда я увижу свой счет за гостиницу, где доказательства того, что я в действительности вижу?

Вдруг Дейк почувствовал резкую боль в затылке, такую невыносимую и неожиданную, что ему показалось, что он ослеп. Он закрыл глаза, и снова открыл их, ощутив какую-то непонятную ему перемену. И вдруг он понял, что уже прошло сколько-то времени, но сколько — он не знал. Он уже сидел не на кровати, а за столом. Листок паршивой гостиничной бумаги вставлен в пишущую машинку. И он даже успел напечатать несколько строк.

Дейк механически прочитал то, что было напечатано на листке:

"Довожу до вашего сведения: когда Дарвин Брэнсон умер, мне стало ясно, что я смогу использовать его смерть в своих корыстных целях. Я понял, что можно будет привлечь к себе внимание общественности. Я работал с Дарвином Брэнсоном целый год, он должен был сделать подробный обзор важнейших решений, принятых Государственным Департаментом. Он никогда не участвовал ни в каких секретных переговорах. Статья, которую я написал для газеты "Таймс", является полнейшим вымыслом. Никаких договоров подобного рода заключено не было. Я

хотел, написав эту статью, способствовать объединению всего мира. Теперь я, понимаю, что страдал манией величия. Кроме этого, мне стало ясно, что моя статья приведет к последствиям, прямо противоположным тем, которых мне хотелось бы добиться. Я чувствую, что когда писал ту статью, я был не в состоянии контролировать свои действия. Единственное, что я могу сделать сейчас, чтобы искупить свою вину, это признаться в обмане, а затем..."

И все. Похоже было, что неожиданный временной скачок отнял у него способность понимать и чувствовать происходящее. Слова казались ему какими-то бессмысленными. Перечитывая текст, он шевелил губами, как ребенок, который пытается понять трудный урок в учебнике.

— Нет! — выкрикнул он глухо.

Дейк снова почувствовал боль в затылке, но на этот раз она была не такой резкой. Как будто она пробивалась к нему, стараясь преодолеть какой-то барьер, защищавший его. Перед глазами у него все поплыло, но сознания он не потерял. Боль как бы пульсировала то нарастая, то уменьшаясь, будто какие-то две силы сражались между собой. Он попытался прижать руки к телу, но они не подчиняясь его воле, легли на клавиши машин-

ки. Новое слово.

"...покончить..."

Дейк напряг руки. По его лицу и шее стекал пот. Резкий звук удара по клавишам.

"...с..."

Чувство, что за его сознание борются две силы, было очень четким и острым. Сам же он нечто — безвольное и беспомощное — его отталкивали и притягивали одновременно, но кто...

"...со..."

Его пальцы согнулись, и он напечатал:

"...бой"

И снова, непонятно каким образом, оказалось, что он держит в руке ручку, а его подпись уже стоит внизу страницы, вынутой из машинки. И опять он потерял сознание, а когда очнулся, понял, что стоит перекинув ногу через подоконник у широко открытого окна. И холодный ноябрьский ветер дует ему в лицо. А далеко внизу можно различить гостиничный двор, да еще несколько освещенных окон тут и там.

Борьба в сознании Дейка достигла апогея, и вдруг все прошло. Пустота.

Он сидел на подоконнике, боясь пошевелиться. Его больше никто не толкал и не дергал. Совсем не трудно взять и отпустить руки. Гораздо легче,

чем пытаться отыскать ответы на вопросы. Гораздо легче, чем сражаться с безумием. Отпусти руки — и полетишь медленно вниз, мимо освещенных окон, а ночь тихонько шепнет тебе на ухо последний ответ на все твои вопросы. Вдруг Дейк услышал, как издает какие-то хлюпающие звуки, похожие на хихиканье пьянчужки: он почувствовал надвигающуюся смерть своего мозга. Разрыв тканей. Его руки еще крепче вцепились в подоконник. Ну, иди же сюда, Бог Тьмы. Возьми свое уставшее дитя. Отыщи его несчастного земного отца, висящего с почерневшим лицом в камере вечности. Отыщи его жену, которая только что была живой и теплой, и вот уже навсегда осталась в самом сердце раскаленного добела солнца.

Но… ПОЧЕМУ?

Упасть вниз, не получив ответа на вопросы? Разбиться и не знать почему? Его сознание затуманилось на какое-то безумное мгновение, а затем зацепилось за этот вопрос ПОЧЕМУ? Ему показалось, что на черном ночном небе появились огромные огненные буквы. Никогда не узнать ответов на возникшие вопросы было бы ужаснее, чем продолжать эту борьбу, чем существовать в болезненно искаженной реальности. Он от-

пустил руки и, как тряпичная кукла, свалился с подоконника в комнату, больно стукнувшись головой о пол — все его мышцы как бы одновременно перестали подчиняться его воле. Он лежал на спине, вцепившись руками в свои бедра, ощущая натянутые нервы, мягкие ткани, течение крови. Он проверял руками живо ли его тело, довольный тем, что способность соображать еще не вернулась к нему. Ветер пошевелил занавеску на окне и остудил его горящее и мокрое от пота лицо. И вдруг Дейк понял, что снова слышит приглушенные звуки ночного города. Раньше было совсем не так — раньше город грохотал и неистовствовал по ночам. Теперь в городах стало гораздо тише. Только время от времени можно было услышать одинокий вскрик заблудившегося ночью прохожего.

Дейк медленно сел, чувствуя, что галлюцинация отняла все его силы, потом так же медленно подполз к окну, чтоб закрыть его. Рама была слишком высоко, но он не решался подняться на ноги. Собравшись с силами, он встал, опираясь о стену, не глядя на окно, протянув руки, с грохотом захлопнул его. И снова прижался к стене. Перед его глазами появилось крошечное серебристое сияние, которое почему-то заставило Дейка поду-

мать о мигрени. Неожиданно прямо перед собой он увидел Карен Восс: темные волосы спутаны, большой палец вызывающе засунут за широкий ремень брюк, горящие серые глаза, в которых он увидел беспокойство и высокомерие одновременно. Дейк оскалился и издал какой-то невнятный горловой звук и, стараясь осознать, что с ним происходит, попытался рукой прогнать видение. Его ладонь ударилась о ее круглое плечо, и она потеряла равновесие.

— Не пытайся объяснить себе происходящее, — проговорила она быстро. Мне нужно вытащить тебя отсюда.

Карен быстро подошла к столу, взяла листок с признанием Дейка и разорвала его на мелкие клочки. Затем, посмотрев на него через плечо, сказала:

— Мне не хочется даже думать о том, сколько положительных оценок я из-за тебя теряю. Ну, давай, начинай распускать нюни и хлюпать носом, чтоб убедить меня в том, что я в тебе ошиблась.

Дейк выпрямился.

— Отправляйся-ка прямехонько к чертовой матери, — сказал он хрипло.

Карен мгновение внимательно рассматривала его, склонив голову набок. Затем взяла его за

запястье, крепко сжала его руку своими теплыми пальцами и потянула к двери.

— Я еще не забыла того, что чувствовала, когда была на твоем месте.

Ну, раз я уже начала, нарушу-ка я еще парочку правил. Предполагается, что ты сойдешь с ума, дружок. Запомни это как следует. И не поддавайся.

Около двери она остановилась.

— А теперь делай все так, как я тебе скажу. Без лишних вопросов. Это я не дала тебе вывалиться в окно.

— Чего ты добиваешься?

— Мы попробуем выбраться отсюда. Сражение временно прекращено. Если мы расстанемся по какой-либо причине, иди к Мигелю. Ты понял? И не теряй ни минуты.

Он чувствовал, что она вся напряжена, когда они спускались по лестнице, шли по вестибюлю и, наконец, вышли на ночную улицу.

— А теперь иди очень быстро, — сказала Карен.

Вниз по улице, за угол, мимо Рынка. Она затащила его в темную парадную.

— Что мы…

— Тише. — Она стояла очень тихо. В тусклом

свете далекого уличного фонаря он видел, что глаза Карен полуприкрыты.

Вдруг она вздохнула.

— Сражение продолжается, Дейк. Они поняли, куда мы идем.

По улице тащился дребезжа и чихая автомобиль. Вдруг он дернулся, подъехал к тротуару и остановился. Из него вышел худой, злобного вида мужчина, двигаясь как марионетка в руках неумелого новичка. Он пошел по улице, высоко задирая ноги, прежде чем сделать шаг. — Садись за руль и поехали, — сказала Карен, нетерпеливо толкая Дейка к автомобилю.

Дейк уселся в автомобиль, с трудом втиснув в него свои длинные ноги. Карен села рядом. Дейк и Карен уехали, а несчастный водитель, размахивая руками, что-то кричал им вслед. Карен указывала Дейку, куда надо ехать. Они въехали в район, который напоминал покинутый город, так как там вообще не было электричества.

— Остановись, здесь мы выйдем, — сказала Карен.

Они пошли по темной улице и вдруг Дейк услышал, как девушка облегченно вздохнула.

— Кажется, поблизости ничего нет, Дейк. — Пошли. Седьмая Северная улица тут неподалеку.

Яркий свет. Толпы людей. Это самое лучшее место.

— Туда не стоит ходить. Вдвоем.

— Мы в безопасности, Дейк. Нам это не страшно.

— Что ты сделала с тем человеком из машины?

Она не ответила. Ее каблучки деловито стучали по мостовой, она успевала сделать два шага, в то время как Дейк делал только один.

Они подошли к фонарю и Дейк увидел, как разметались ее волосы по плечам.

— А что ваши люди сделали с Брэнсоном?

И снова она не ответила на его вопрос.

— Если вы, конечно, люди, — сказал он мрачно. — Мне наплевать на ваши мотивы… Я никогда не прощу вам того, что вы сделали с Патрицией.

— Пожалуйста, помолчи. Перестань ворчать.

Неожиданно из темноты вынырнули два человека. Дейк немедленно остановился, повернулся и попытался заглянуть им за спины. Он увидел то, что и предполагал: целую толпу странно хихикающих людей, чье сознание было затуманено проно. Они явно предвкушали очередное садистское развлечение. Карен продолжала идти. Дейк в два шага догнал ее и схватил за плечо. Она высвободилась. А Дейк с изумлением уставился на

тех двух типов. Они превратились в абсурдных марионеток, которые нелепо подпрыгивали в каком-то безумном танце, завывая от ужаса и боли. Один из них наткнулся на какой-то дом, отскочил как мяч, выпрямился и снова помчался к дому. Другой очень быстро побежал к канаве, нырнул туда и вдруг начал колотить ногами по асфальту, выгибая дугой спину. Они напомнили Дейку насекомых, неожиданно попавших в яркий свет, который ослепил и напугал их, обжег и заставил страдать от боли. Позади вся остальная компания выла, металась и корчилась в судорогах. Карен же ни на минуту не замедлила шага. Дейк снова догнал ее. Она посмотрела на него сбоку и озорно ухмыльнулась. В свете фонаря он ясно видел ее веселую улыбку.

— Танец безумцев, — сказала она.

— И, конечно же, бессмысленно, я думаю, спрашивать тебя… что их так… вывело из себя?

— Отчего же? Головная боль. И довольно сильная. Им теперь есть о чем подумать. Вот смотри.

Дейк покачнулся и схватился за голову. Его голову охватило настоящее пламя боли. Он даже задохнулся на мгновение. Но боль исчезла так же неожиданно, как и появилась. Вроде ее и не было. Но воспоминание о ней было сравнимо с

самой болью, такой яркий след оставила эта боль в его сознании.

Карен взяла Дейка за руку.

— С тобой труднее, чем с ними, Дейк. Проно превращает их в студень.

Их мозг становится мягким и липким. Как клей. Мы пойдем сейчас вон туда. Мне надо отдышаться и подумать, как нам попасть обратно в Нью-Йорк. Фленг-бар чем-то напоминал огромный котел, в котором на медленном огне кипели собранные вместе разнообразные людские пороки, обильно приправленные отчаяньем: проно и азартные игры, фленг-стриптиз под выворачивающую душу музыку кимба, а резиновые стены были похожи на влажную плоть.

Во времена Великой Чумы в Лондоне человек, охваченный распадом, честно попытался вернуться в ту грязь, из которой он вышел. Теперь же чума поразила души. Дейк и Карен протиснулись сквозь толпу к свободному столику, с трудом отбиваясь от шутов, обслуживающих посетителей и от билетов в отдельные кабинеты. Им даже удалось заказать местное виски. Карен наклонилась к Дейку, обдав его запахом дешевой косметики, и прошептала ему на ухо:

— Здесь мы расстанемся, Дейк. Так будет луч-

ше всего. Я могла бы попытаться помочь тебе добраться до Мигеля, но они засекут нас вместе с тобой гораздо быстрее, чем тебя одного. Сейчас от меня будет больше вреда, чем пользы.

— А если я не хочу к Мигелю?

— Ты что сдурел? Если ты туда не доберешься, ты умрешь. Так что ни о каком хотении сейчас не может быть и речи. А может, тебе надоело жить? Тогда я в тебе ошиблась.

Дейк повернулся к Карен и вдруг увидел, что она испугалась. Губы ее оставались неподвижными и Дейк был уверен в том, что его спутница не произнесла ни слова вслух, а ее голос ясно зазвучал у него в голове. Поток слов был таким быстрым, что он едва вникал в то, что телепатировала — проговорить все это вслух она ни за что не успела бы.

— У меня получилось не так хорошо, как мне сначала показалось: нас обнаружили, агент Третьей Ступени. Видишь, вон там, мужчина с длинными волосами. Я его сейчас отвлеку, а ты как можно быстрее уходи отсюда и ни на что не обращай внимания. Пусть даже все тебе покажется ужасным. И поскорее отправляйся к Мигелю. Поторопись… и будь осторожен, когда туда доберешься. Как только ты окажешься в

вестибюле, ты будешь в полной безопасности. На улице перед зданием очень опасно. Будь предельно осторожен. А теперь иди. Быстро!

Дейк выскользнул из-за стола и метнулся к двери. Маленький человечек с пустым, ничего не выражающим лицом, вскочил на одну из сцен и вдруг оттуда бросился на болезненного вида мужчину с длинными рыжими волосами. В это время какая-то женщина с диким воплем понеслась в ту же сторону.

Дейк почувствовал, как его охватывает какой-то первобытный ужас, но он тут же догадался, что это Карен толкает его вперед, давая ему понять, что он не должен терять ни минуты.

А в это время рыжий пытался выбраться из переплетения тел, которые странным образом падали в разные стороны, как бы вдруг потеряв к нему всяческий интерес. Больше не глядя по сторонам, Дейк выскочил из двери и обнаружил, что находится в толпе бегущих куда-то людей. И вдруг он увидел, что все эти люди — он сам. Сразу несколько Дейков выбежало из дверей и помчалось, кто куда, а он бежал, захлебываясь собственным криком и все время оглядываясь, пока не увидел, что рыжий мужчина стоит на улице у дверей бара. Вдруг мужчина как-то стран-

но дернулся и упал потому, что кто-то сзади сбил его с ног. И вот тут-то Дейк перестал вопить и побежал дальше молча, высоко поднимая ноги, пока не обессилел, и не начал задыхаться от боли. Тогда он перешел на шаг, стараясь отдышаться и почувствовал, что у него подгибаются колени, а все тело покрыто холодным липким потом.

Водитель такси оказался не очень сговорчивым, объявив, что он так далеко не ездит. Два аргумента оказались решающими в их торгах: рука Дейка, сжавшая горло таксиста и тысячерупиевая купюра, которую Дейк сунул шоферу под нос. Кроме того, Дейк отобрал у таксиста пистолет и сунул его за пояс. Уже приближался рассвет, когда они въехали в единственный тоннель Манхэттена, который не был залит водой и не пришел в негодность из-за неупотребления.

В городе белые полицейские грузовики собирали тела тех, кого убили этой ночью. Дейк чувствовал себя тупым, старым и измученным: что-то вроде эмоционального похмелья. Они проезжали по темным улицам города в те предутренние часы, когда жизнь города еле теплится — часы, когда людей мучают бесцельные сомнения, чувство, что жизнь растрачена напрасно и страх перед приближающейся смертью. А осен-

ние звезды равнодушно взирали на содеянные человеческими руками безобразия. Город же спал… беспокойным сном.

Глава 10

Дейк помнил о последнем предупреждении Карен, и поэтому вышел из такси в двух кварталах от дома, где жил Мигель. Пистолет и обещанные тысячу рупий он отдал таксисту и тот, быстро кивнув, резко — так что завизжала горячая резина — развернул автомобиль и отчаянно погнал прочь из этого темного опасного района.

Дейк шел по темной стороне улицы. Быстро и легко ступая, проходил он небольшие освещенные участки. Наконец, подойдя к дому Мигеля, он увидел, что вестибюль освещен. За стеклом он увидел портье. Тот сидел за столиком, склонив голову над книгой. Мягкий свет, струящийся из окон, прочертил светлый полукруг, который доходил почти до середины улицы.

Дейк постоял некоторое время в тени, чувствуя странное беспокойство, а потом быстро пошел через улицу к белому струящемуся свету. Его каблуки гулко застучали по асфальту. Вдруг он услышал сзади и слева у себя за спиной слабое шуршание. Не поворачиваясь, Дейк ускорил шаг. Полоса света была уже в двух шагах от него. Дейк

сделал еще один длинный шаг и… застыл в неподвижности. Что-то остановило его движение, что-то держало его, как будто в одно мгновение он превратился в камень. Дейк не мог даже переместить взгляд. Но портье он все же видел краем глаза: тот вдруг поднял голову. И сейчас же Дейк почувствовал, что делает большой шаг назад, совершенно того не желая, но с величайшей осторожностью. Шаг, еще один шаг…

Неожиданно в дверях появился Мигель Ларнер в яркой пижаме. Дейк не понял, откуда и как появился Мигель. Он стоял совершенно неподвижно. За спиной Мигеля появился сначала один незнакомец, потом другой, а рядом со столиком портье возникла высокая женщина. Теперь уже пятеро фигур неподвижно стояли внутри ярко освещенного вестибюля и смотрели на него. До них было футов пятьдесят. Казалось, их лица ничего не выражали, но глаза горели ярким жестким огнем. Дейк почувствовал, что в них было что-то странное, чуждое, излучающее пугающий холод.

И то, что пряталось где-то у него за спиной, в темноте, испугалось.

Дейк ощутил этот страх. Новая могучая сила ворвалась в мозг Дейка. Она бросила его вперед, и

он неуклюже побежал на негнущихся ногах. Руки его болтались, как плети. Нырнув в двери, которые едва успели открыться, Дейк поскользнулся и покатился по полу к столику, возле которого стояла высокая женщина. Он ударился о столик и сел. Все пятеро подошли к двери и выйдя на улицу, остановились в освещенном полукруге. На противоположной стороне улицы что-то заметалось в темноте и покатилось, издавая странные гортанные звуки. Тогда пятерка вернулась назад. Мигель Ларнер подошел к Дейку. Глаза Мигеля были огромны, они висели в полной черной пустоте безо всякой опоры. И во всем мире не было ничего, кроме глаз Мигеля Ларнера. Маленькие пальчики ухватились за краешек души Дейка и потянули на себя. Дейк опрокинулся в черноту.

На диораме бассейна Мигеля было безоблачное весеннее утро. Дейк снова закрыл глаза. Он погрузился в прошлое. Ему было восемь лет. Над его головой горели ослепляющие лампы операционной. В голове зазвучал гулкий голос, идущий, казалось, из длинного туннеля:

"Мммм-газ! мммм-газ! мммм-газ!"

А потом странное пробуждение — увеличенные лица родителей, стоящих у его кровати — громадные лица, подвешенные под странными углами.

— Как ты себя чувствуешь?

Голос эхом отдавался в длинном пустом тунеле.

Дейк еще раз открыл глаза. Он сидел на шезлонге рядом с бассейном. Мигель и незнакомец смотрели на него с тем холодным спокойствием сверхчеловеческой сосредоточенностью, которую он видел в вестибюле — когда? Годы назад или минуту?

Губы Мигеля зашевелились.

— Мистер Лорин, Мистер Мерман.

— Как поживаете? — Дейк изо всех сил старался подавить безумный смех, вызванный у него формальностью, с которой их познакомил Мигель. Все-таки ему удалось справиться с собой, и смех замер у него в горле.

У Мермана было лицо юноши с глазами старика.

— Вы хорошо сделали, — сказал Мигель, — что оказались в зоне восприятия Джонни. Иначе поступок Карен, совершенный ею из чистого упрямства, оказался бы совершенно бесполезным. Сейчас ее привезли сюда. Она хочет повидать вас. Я ее позову. Но, пожалуйста, не разговаривайте с ней.

Похоже, что никакого ответа от Дейка и не

требовалось. Мигель быстро взглянул на Мермана и кивнул. Дейку показалось, что они что-то сказали друг другу, хотя он ничего не слышал. Затем к бассейну подошла Карен и остановилась с противоположной стороны, у бортика, и посмотрела на Дейка. Он был поражен изменениями, происшедшими с ней. Ее лицо было бледным и измученным, а глаза стали огромными. Губы Карен дрожали, как у старухи, пальцы теребили подол юбки. В глазах ее неразрывно смешались два чувства: живой, теплый интерес к Дейку и тупое, безнадежное выражение, какое бывает у собаки, которую слишком часто колотили.

Мигель кивнул ей, и Карен пошла прочь, тряся головой и бормоча себе под нос что-то неразборчивое.

— Что с ней произошло? — спросил Дейк.

— Я расскажу вам, но помните, что вам все равно не понять всего. Позднее… если ваши возможности окажутся большими, чем я предполагаю, вы сможете понять до конца, что случилось. Запомните, то, что я сейчас скажу. Два экрана пробиты. Третий сильно поврежден. Ей потребуется много времени для полного восстановления. Она пробудет здесь очень долго, Дейк Лорин.

— Что все это значит? — спросил Дейк. И тут

же почувствовал бессмысленность собственного вопроса. Мигель Ларнер подошел к бассейну и сел на бортик, свесив ноги в воду и повернувшись своей бронзовой спиной к Дейку. Дейк перевел взгляд на старчески-юное лицо Мермана, и тут вдруг заметил какое-то движение на каменном полу террасы.

Несколько маленьких обнаженных фигурок двигались в яростном змеевидном танце к его коленям. Фигурки были четырехдюймовой высоты, а вместо лиц у них были звериные морды. Дейк инстинктивно поджал ноги. Тогда они бросились к ножкам его стула.

Сквозь подступающий ужас в его мозгу всплыли слова Карен:

"Предполагается, что ты должен сойти с ума, мой друг. Не забывай об этом. И борись, борись до конца".

Дейк закрыл глаза и медленно опустил ноги на пол. Он почувствовал, как маленькие чудовища карабкаются по его ногам вверх, хватаются за его одежду, царапают и щиплют его. Они забрались ему на грудь, на лицо и, цепляясь маленькими кулачками за волосы, лезли на голову. Он открыл глаза и обнаружил, что находится в абсолютной темноте. Вся его одежда исчезла. Нечто длинное

скользкое и холодное медленно ползло по его ноге. Дейк сжал зубами нижнюю губу и, не произнеся ни звука, застыл в неподвижности. Потом оказалось, что он лежит на горячем ярко-желтом песке. Большие толстые пауки бегают в разные стороны по нему. Присмотревшись, он увидел, что это вовсе не пауки, а отрезанные человеческие руки, стоящие на толстых пальцах, которые постепенно начинают окружать его. Две из них направились прямо к нему. Они что-то тащили за собой. Он вдруг понял, что это голова Карен, и страшные пауки с трудом ее волокут, проваливаясь ногами-щупальцами в песок. Тень упала на тело Дейка. Он поднял голову и посмотрел в бесконечное опрокинутое небо. Что-то свисало оттуда — огромная фигура, столь огромная, что сам Дейк по сравнению с ней казался насекомым. Фигура была подвешена за шею, а веревка уходила в бесконечные небеса. Раскачиваясь, колосс медленно повернулся, и Дейк увидел громадное, багровое, расплывшееся лицо своего отца. Дейку захотелось бежать прочь по этому бесконечному желтому песку, бежать до тех пор, пока кровь не хлынет горлом. Он упал на колени и прикрыл лицо руками.

И в этот момент он почувствовал, как старый

шрам в его мозгу набухает, растет и лопается, а потом начинает зарастать, клетка за клеткой, покрываясь новой здоровой тканью. Дейк встал, поднял голову и спокойно посмотрел в громадное багровое лицо. Отвратительные пауки начали разбегаться. Смолкли крики маленьких человечков-насекомых. Наступила тишина.

Снова появилась бронзовая спина Мигеля, а желтый песок начал медленно исчезать, уступая место каменному полу террасы и голубому безоблачному весеннему небу диорамы.

Мигель повернулся и через бронзовое плечо улыбаясь посмотрел на Дейка.

— Похоже, что иногда и я допускаю ошибки.

— Я никогда не сломаюсь, — не понимая почему он выбрал именно эти слова, сказал Дейк.

— Мерман проводит вас, Дейк.

Он пошел за Мерманом. Камень отошел в сторону и открыл вход в туннель, вырубленный внутри скалы. Туннель привел их в пещеру, посредине которой высились три серых куба. Все вокруг светилось каким-то странным фосфоресцирующим светом.

Мерман повернулся к Дейку. Его пухлые детские губы даже не дрогнули.

— Вы отправляетесь туда, где будет проходить

ваше обучение. Вы будете учиться с энтузиазмом, чтобы обратить полученные знания против нас. Мы на это и рассчитываем. Вас будет интересовать, кто мы такие. Вы не узнаете об этом до тех пор, пока не пройдете полный курс обучения.

Боковая стенка одного из десятифутовых кубов отошла в сторону. Они вошли внутрь. Куб был совершенно пустым, если не считать три ряда кнопок у входа. Мерман нажал на одну из кнопок и быстро вышел наружу. Боковая стенка тут же закрылась. Свет проходил сквозь всю поверхность куба. Дейк видел Мермана, как сквозь толщу воды.

Много лет назад, на кухне у матери, Дейк получал большое удовольствие, пользуясь специальным устройством для разрезания яиц. Нужно было положить яйцо, сваренное вкрутую, в специальную камеру, и плавно нажать на рукоятку. Тоненькие проводки разрезали яйцо.

Дейк попал именно в такую камеру для разрезания яиц, и все произошло в десятые доли секунды. Миллионы проводков — и каждый из них аккуратно прошел сквозь его тело. Боль, которую причинила ему Карен была легким шлепком, в сравнении с тем, что ему довелось испытать сейчас.

Однако боль исчезла мгновенно, а стенка куба снова немного отошла в сторону. Его единственным желанием было выскочить из куба как можно быстрее. Он помедлил мгновение, но тут же выбрался наружу, рассчитывая, что он окажется на полу пещеры, но никакой пещеры не было. Над ним простиралось небо — нестерпимо голубое, настолько яркое, что казалось почти белым. Ближе к горизонту, однако, оно становилось темнее. Дейк стоял на четвереньках на металлической поверхности. Вокруг находилось множество кубов. Они образовывали какую-то идеальную геометрическую конструкцию. Все кубы были соединены между собой сверкающими металлическими трубами. Его куб, как и все остальные, соединялся со своими соседями. Дейк встал и неловко спрыгнул с металлической поверхности. Теперь ему стало видно, что конструкции то там, то тут не хватало кубов, а торчали только обрезанные концы труб. Было что-то неприятное в незаконченности конструкции, как если бы вы смотрели на хорошенькую женщину, у которой нет нескольких передних зубов. Справа, низко над горизонтом, висели две маленькие луны, одна немножко больше другой. Солнце над головой было какого-то красноватого

оттенка, отчего кубы и выходящие из них трубы казались обожженными.

Далеко за металлической равниной вздымались гигантские деревья, словно низкие черные здания, к которым он должен был идти. Дейк знал, что ему нужно именно туда. Он не понимал, откуда пришло к нему это знание. Но была в этом знании странная неотвратимость. И в то же время, как ни странно, он не ощущал никакого внутреннего сопротивления. Он теперь был в чужом мире. На другой планете иной солнечной системы. Он знал, что когда придет ночь, он увидит в небе немыслимые на земле сочетания звезд. Дейк двинулся сквозь геометрический лабиринт, переступая через трубы, соединяющие кубы. Он вышел на открытое место и пошел к зданиям. Он попытался идти быстрее и обнаружил, что лучше всего двигаться большими скользящими шагами. Никакого сопротивления он не ощущал, как и никаких сомнений в окружающей его реальности. Он находился здесь и ему совершенно необходимо добраться до черных зданий, и совершенно необходимо узнать, то, что нужно было узнать, овладеть всеми навыками, которые требовались. У него будет только один шанс.

Из зданий вышли какие-то люди, и Дейк был

даже немного удивлен отсутствием собственного любопытства. Эти существа его совсем не интересовали. Он просто знал, что некоторые из них учатся точно также, как будет учиться он сам, а другие учат, или обслуживают обучающие машины.

Все они, мужчины и женщины, и странного вида не-мужчины и не-женщины, носили только плотные, похожие на юбки, одежды, доходящие до середины бедра. Они разговаривали на странных языках, а некоторые говорили по-английски. Дейка отвели в какую-то комнату. Предложили раздеться. Обработали какой-то вяжущей жидкостью, выдали такую же одежду, как и у остальных и быстро повели в другое место, где он был измерен двумя не-женщинами с фиолетовыми глазами, чьи лица чем-то неуловимым выдавали их неземное происхождение, да и все их движения были очень своеобразными. И тем не менее, он почему-то понимал, что они его измеряют. Они перемещались вдоль его тела назойливо жужжащие головки странных сверкающих приборов и, чувствуя странные покалывания и пощипывания, видя как заполняются гладкими серыми дисками полки на стене, Дейк знал, что теперь каждый атом его тела измерен, классифи-

цирован и занесен в специальный каталог. Он делал все, что от него требовалось, как автомат, как человек, который много лет подряд ходил по одному и тому же парикмахеру и научился поворачивать и наклонять голову ровно настолько и в те моменты, когда в этом возникала потребность. Несколько раз у него начинала кружиться голова и он даже на мгновение терял сознание, но тут же приходил в себя от негромкого щелканья маленьких круглых контактов, которые охватывали его голову.

Наконец, вымытый, измеренный, классифицированный и записанный в память странных компьютеров, одетый, как и все, он вышел из лаборатории в коридор. Его никто не сопровождал. Дейк прошел немного вперед и вошел в открытый дверной проем: он знал, что ему нужно именно сюда. Дверь закрылась за ним с лязганьем, как гильотина, и он почувствовал, что гипнотическое воздействие на него прекратилось. Его снова стали охватывать неуверенность и страх.

На него пристально смотрела девушка. У нее были темные, спутанные волосы, обкусанные ногти, а глаза светились ярким дерзким огнем. Сине-оранжевая юбочка хорошо сочеталась с темной кожей ее стройного тела. Стены комнаты

были шоколадно-коричневыми, углы скруглены. Было достаточно светло, хотя источника света Дейк нигде не заметил.

Девушка заговорила с ним на незнакомом языке. В конце фразы ее голос принял вопросительную интонацию.

Дейк покачал головой.

— Я не понимаю.

Она начала еще раз, на этот раз гораздо медленнее. Он пожал плечами.

Она сделала непристойный жест, плюнула на пол ему под ноги и повернулась спиной.

Дейк осмотрел непритязательную обстановку комнаты, в которой они с девушкой оказались наглухо замурованными — жесткие диванчики, два стула и стол.

— Вас поместили вместе потому, что вы говорите на разных языках и не понимаете друг друга.

Казалось, что голос говорит внутри его головы. Дейк увидел, что девушка круто повернулась, и понял, что она тоже слышит эти слова.

— Эта комната устроена так, что она усиливает передачу и помогает приему мыслей. Когда вы сможете читать мысли своего партнера, вы, объединив свои усилия, сможете открыть двери.

Голос смолк. Они испытующе посмотрели друг

на друга. Глядя девушке в глаза, Дейк попытался внушить ей чтобы она подошла к столу и села на стул. Он попытался почетче сформулировать в своем мозгу эту команду. Девушка продолжала неотрывно смотреть на него. Потом она резко пожала плечами и отвернулась, из чего Дейк понял, что она тоже что-то старалась внушить ему. В результате он не смог ни передать, ни принять ее сообщения. Похоже, это будет намного сложнее, чем он себе представлял. Дейк стал придумывать какой-нибудь простой эксперимент.

Наконец, он взял девушку за руку и подвел ее к одному из стульев. Она села явно недовольная тем, что он к ней прикоснулся. Дейк сел на другой стул так, что они оказались сидящими за столом друг напротив друга. Потом он откусил кусочек ногтя и показал его ей. Она выглядела удивленной. Он под столом зажал кусочек ногтя в левую руку и, сжав кулаки, положил их на стол.

— Левая, — подумал он, — левая рука.

Девушка потянулась и осторожно коснулась его левой руки. Он показал ей кусочек ногтя и она кивнула ему, захлопав в ладоши. После многократных попыток повторения эксперимента, оба выглядели расстроенными. Ей удалось правильно угадать сначала шесть раз из десяти, потом

семь из двенадцати и, наконец одиннадцать из двадцати. Каждый раз он пытался пробиться в ее мозг. Это было все равно что пытаться, находясь под водой, столкнуть здоровенный камень. Невозможно было размахнуться, упереться во что-нибудь ногами. Никак не удавалось приложить силу.

Дейка радовало, что девушка продолжала предпринимать все новые и новые попытки с упорством, не уступающем его собственному. Она взяла кусочек ногтя и они поменялись ролями. Он попытался услышать ее мысли и обнаружил, что просто гадает, пытаясь уловить какую-нибудь подсказку. Они упорно продолжали эксперименты до тех пор, пока совершенно не выдохлись.

Его отчаянье трансформировалось в злость, направленную на девушку. У него ничего не получалось из-за того, что ему дали такую глупую партнершу. У него получилось бы много лучше с кем угодно, чем с этой темной невежественной девчонкой, у которой горящие глаза и цыганские манеры.

Он смотрел в ее темные глаза и злился. Наконец Дейку удалось полностью погрузиться в себя. Он бродил по самым далеким закоулкам собственного сознания до тех пор, пока ему не удалось найти

подходящее место, остановиться и собраться с силами. Казалось, он подошел к какой-то тонкой, но вязкой мембране, преграждавшей ему путь вперед.

(Ты слишком глупа.) Ее крепкая загорелая рука рассекла воздух и влепила Дейку звонкую оплеуху. Она привстала со стула, ее темные глаза загорелись еще ярче, но потом она медленно и в изумлении присела назад.

Он еще раз нашел то место в своем разуме, где стояла воображаемая мембрана, напрягся и попытался еще раз, уже без злобы, но прилагая все силы.

(Кивни головой, если ты меня слышишь.) Она энергично кивнула, сверкнув белозубой улыбкой на темном лице.

(Встань и снова сядь.) Она повиновалась, как скромный и послушный ребенок. Дейк почувствовал, что с каждым разом ему все легче и легче общаться с ней.

(Ты тоже должна научиться. У меня это получилось случайно.) Он дотронулся до виска.

(Представь, что где-то здесь проходит тонкая жесткая стенка. Ты должна опереться на нее… чтобы сконцентрироваться. А потом ты должна… бросить свою мысль, четко формулируя каждое

слово.) Девушка нахмурилась. Потом, подняв брови, вопросительно посмотрела на него.

(Я ничего не слышал. Попробуй еще.) Темное пламя полыхнуло в глубине ее глаз.

(Ты, здоровенный самонадеянный клоун!.) (Я тебя прекрасно слышу. Попробуй еще.) Она покраснела.

(Я просто очень разозлилась. Злость помогла мне!) (Я должен был сказать тебе об этом. Как ты попала сюда?) (Один человек привез меня на большую виллу. Там были другие мужчины.

Я видела страшные видения. Они мучили мой разум. Потом меня посадили в большую серую коробку и я оказалась здесь.) (Ты знаешь, зачем тебя привезли?) (Я знаю, что здесь меня будут чему-то учить. Один из людей с виллы привез меня сюда. Потом придут другие. Мне трудно так говорить. Я быстро устаю. Они что-то говорили про дверь. Что вместе мы сможем открыть ее. Но я не вижу даже ручки.) (Когда я щелкну пальцами, мы оба обратимся к двери так, как разговариваем друг с другом, напрягаясь изо всех сил, и произнесем только одно слово: "Откройся!") Они посмотрели на дверь. Дейк щелкнул пальцами. Он почувствовал, как девушка поддерживает его мысль, и они сливаются в одну. Дверь медленно скользнула в

невидимую щель наверху.

Она первая бросилась к двери, выскочила в коридор, но вдруг медленно повернулась и пошла дальше шагом, покорная и спокойная.

Дейк удивленно посмотрел ей вслед, но как только сам вышел в коридор, почувствовал, что снова превращается в автомат, исполняющий чужие желания. Он повернулся и пошел по коридору в противоположном направлении.

Громадный человек, который напомнил Дейку медведя гризли вышел ему навстречу и преградил дорогу.

(Поздравляю. Ты очень быстро справился. У тебя есть скрытые способности. Некоторые проводят там до тысячи часов. Говори со мной. Это называется параголос.) Дейк обнаружил, что сделать это вне комнаты значительно труднее. Стена-мембрана, от которой он раньше отталкивался, была здесь гораздо мягче, податливей.

(В комнате так говорить было легче.) — Да, это действительно так. Но я слышу все. А сейчас мы будем разговаривать обычным образом. Использование параголоса очень утомляет. Но время от времени тебе нужно будет практиковаться.

Великан взял Дейка под руку. Дейк попытался вырваться, но не смог. Они пошли по коридору

вперед.

— Это место называется База Т. Я нахожусь здесь уже вдвое больше лет, чем тебе от роду. Хорошая работа — вот что радует меня больше всего. А теперь мы приготовили для тебя маленький сюрприз. Техники нашли твое самое приятное воспоминание, мой мальчик. Все готово. Ты ведь уже многие годы не спал по-настоящему. Слишком много у тебя накопилось проблем. Теперь выспишься. Наркотики по сравнению с этим совершенно неэффективны. Только настоящий сон вылечит твой разум, мой мальчик.

Они подошли к большой двери, которая показалась Дейку странно знакомой, и какие-то неясные воспоминания начали просыпаться в его усталом мозгу.

Великан взялся за старинную ручку, и дверь открылась вовнутрь, как Дейк и предполагал. Он вошел в свою комнату, а великан медленно закрыл за ним дверь.

Это действительно была его комната. Его кровать. Над кроватью висело бра. Абажур он когда-то вырезал сам из пергамента. Он нашел в каком-то журнале силуэт плывущего на всех парусах корабля, и мать немного помогала вырезать наиболее трудные детали. Комната была

правильных размеров. Правильных размеров для восьмилетнего ребенка. Знакомый узор на ковре. Пятно, оставшееся от пролитого им виноградного сока. Стенка, разрисованная им сквозь прутья детской кроватки. Самой кроватки уже не было. Вместо нее стояла большая мягкая постель со взбитыми белыми подушками. Одеяло было откинуто. Мягкая фланелевая пижама лежала на том самом месте, где мать всегда оставляла ее. Выцветшая голубая пижама с белыми полосками. Старые домашние тапочки со стоптанными каблуками.

Он разделся и сложил свою одежду на стуле, на котором он всегда складывал ее. Надел пижаму и завязал на ней поясок. Засунул ноги в тапочки и вышел через другую дверь в ванну. Ему пришлось встать на цыпочки, чтобы достать свою старую зубную щетку с розовой ручкой. Большая ванна опиралась на ножки-лапы, которые вцепились намертво в белые полусферы. Эти лапы всегда завораживали его. Он тщательно помыл руки, потому что утром, перед школой, времени на это у него, скорее всего не будет. Зеркало висело слишком высоко. Чтобы увидеть свое отражение ему нужно подвинуть стул и забраться на него. Но ему слишком хотелось спать, и он решил

отказаться на сей раз от интереснейшей игры — строить рожи самому себе. Самая страшная получалась, если засунуть пальцы в уголки рта и потянуть в разные стороны. Он прошлепал обратно в спальню, притворив за собой дверь в ванну. Подойдя к книжному шкафу, он провел пальцем по корешкам своих книг. Потом он открыл коробку из-под сигар и стал рассматривать коллекцию ракушек, собранную им прошлым летом в Марблехэде. Погасив свет, он подошел к окну и открыл его. Он положил подбородок на подоконник и некоторое время смотрел в окно. Бостон был ярко освещен. Он увидел одинокий уличный фонарь на противоположной стороне двора. Фонарь был покрыт тонким слоем мягкого снега. Снег шел большими хлопьями и покрывал голые ветки большого вяза. Откуда-то по соседству доносился рождественский гимн. Он подумал, получит ли он в подарок велосипед. Они говорили, что ездить по улицам слишком опасно, а полиция запрещает ездить по тротуарам. Черт возьми, он ведь будет ездить аккуратно, не правда ли?

Он пересек темную комнату, встал на колени для коротенькой молитвы и забрался в постель между новеньких хрустящих простынь. Он устроился поудобнее, натянув одеяло повыше.

Красный велосипед. У Джо был голубой.

Он зевнул и повернулся на бок. Ему было тепло и он знал, что когда он заснет, его мать зайдет в спальню, укроет его получше и поцелует. Ему слышно, как внизу, на кухне отец разговаривает с друзьями. До него доносились приглушенные голоса, а потом взрыв хохота, быстро стихший. Это, наверно, мать сказала им, что они слишком шумят.

Он взбил подушку, перевернулся на другой бок и медленно покатил по длинному пологому мягкому склону на волшебном красном велосипеде в глубокий сладкий сон.

Он почувствовал, что мать вошла в комнату и слегка пошевелился, когда она коснулась его лба губами.

— Ты думаешь, я его получу?

— Что получишь, дорогой?

Он почувствовал раздражение из-за такого непонимания.

— Велосипед. Красный велосипед.

— Нам придется еще немного подождать и мы узнаем, не так ли? А теперь спи, дорогой.

Уверенной рукой она поправила одеяло. Даже с закрытыми глазами он чувствовал, что она продолжает стоять рядом с ним, высокая и стройная,

ощущал ее слабый сладкий аромат. Скрипнула половица, когда она подошла к окну и немного прикрыла его. Где-то далеко в ночи смеялись люди. Она вышла из спальни и закрыла за собой дверь. Спускаясь вниз по лестнице, она что-то тихонько напевала.

Глава 11

Школа стала к концу года совершенно невыносимой. Эта проклятая мисс Кроув всегда перед каникулами что-нибудь устроит. А все ребята только и говорили о Китае, напавшем на Корею. Дейку так хотелось стать моряком-десантником и попасть туда. Засады. Перестрелки…

Эта проклятая мисс Кроув…

— Дети, сегодня мы будем изучать проекцию, — она написала это слово на доске, поочередно называя каждую букву. — Вы все знаете, что такое электричество. — Она остановилась перед первой партой, легонько постучала Джо по макушке и улыбнулась своей странной, немного кривой улыбкой. Она всегда так улыбалась, когда ей удавалось удачно пошутить. — Голова Джозефа полна электричества. Именно при помощи электричества Джозеф думает.

Весь класс захохотал, и Джо стал красным, как спелый помидор.

— Но электрическое поле Джозефа не организовано. Вспомните о неоновой рекламе над универмагом. Там громадные буквы загораются

одна вслед за другой, образуя слова. Потом все буквы загораются сразу. Если бы все буквы загорались и гасли беспорядочно, мы не смогли бы читать слова, не так ли? Иногда Джозефу случайно удается зажечь все буквы сразу — обычно это происходит, когда он очень взволнован или огорчен. И тогда нам удается увидеть его мысли, не очень четко, конечно, но достаточно, чтобы получить представление о том, о чем он в данный момент думает. Но это случается так редко, что мы и не предполагаем, что видим настоящую проекцию. Сначала нам нужно научиться четко артикулировать слова. А потом, когда мы научимся делать это как следует, мы попробуем проектировать образцы. Мы будем проецировать собак и кошек, новые игрушки и все, что нам только захочется. — И красный велосипед? — выпалил Дейк.

Мисс Кроув взглянула на него.

— Да, и красный велосипед, Дейк. Но я не советую тебе кататься на Нем. Все засмеялись, а Дейк стал таким же, как несколько минут назад Джо. Мэрилин, которая всегда задавала вопросы и бегала ябедничать к мисс Кроув, подняла руку.

— Да, дорогая?

— Мисс Кроув, если все это происходит в чьей-

то голове, как другие могут это видеть?

— Ну, тут все не так просто. Мозг Джозефа обладает энергией. Проекция в том и заключается, чтобы сфокусировать эту энергию. Джозеф может научиться фокусировать ее так, что будет думать за нас.

— А если я не хочу, чтобы он думал за меня! — презрительно сказала Мэрилин.

— Изучай проекцию, моя дорогая! А потом мы научимся блокировать от нее свой мозг. Мэрилин села и заерзала на своем месте. Дейк ненавидел ее.

Мисс Кроув вернулась к доске. Джо выглядел довольным теперь, когда она перестала щелкать его по макушке. Похоже, что это сильно действовало ему на нервы.

— А сейчас, класс, я покажу вам, что каждый из вас научится делать еще до начала летних каникул.

Эта часть понравилась Дейку. Мисс Кроув села за свой стол, глядя на класс, и вдруг, в голове Дейка зазвучала песня и заиграл оркестр, потом целая стая маленьких щенков ворвалась к ним в класс сквозь закрытые двери, а в воздухе появились птицы с яркими перьями. Класс сразу стал похож бог знает на что. У мисс Кроув действи-

тельно здорово получалось!

Но после первого раза, весь интерес у него пропал. Стало скучно и тяжело. Стоять перед всем классом, как баран и пытаться проецировать на них какое-нибудь дурацкое слово. Мисс Кроув писала его на листе бумаги, у нее была целая куча таких листков, и когда Дейк вытягивал листок, на нем обязательно оказывалось какое-нибудь дурацкое слово. Дом, корова, морская раковина, дорога, лампа, доктор. Никогда не попадались такие хорошие слова, как велосипед, пират, шлюпка, разбойник, пистолет.

И дома тоже нужно было тренироваться, а мама и папа делали это с такой легкостью и так здорово, что Дейку казалось, что ему никогда не удастся как следует научиться. Мисс Кроув закончила со всеми остальными предметами, и Дейк понял, что проекции считаются чем-то очень важным. Проекции, проекции — они теперь целый день занимались только этим. Она все время повторяла, что они должны учиться именно сейчас, пока их юный мозг лучше всего способен принимать новое.

Прошло рождество, но Дейк не получил красный велосипед потому, что это было слишком опасно. Он получил лыжи, но зима оказалась

теплой, и снег быстро сошел. Почти все каникулы они прогуляли вместе с Джо, проецируя друг другу разные штуки, и Дейк пытался проецировать велосипед, который хотя бы можно было увидеть, если уже, как говорила мисс Кроув, на нем нельзя было кататься.

Постепенно что-то у него начало получаться, но хорошего велосипеда не выходило. Однажды утром, когда он сидел у себя в комнате, у него вдруг получился отличный красный велосипед, но он не смог его долго удержать. Велосипед стал дрожать и постепенно исчез. Дейку так и не удалось вернуть его назад. Когда после каникул они снова пришли в школу, оказалось, что весь класс научился громко и четко проецировать слова. Потом пришел черед коротких предложений. Всякая детская муть. Я вижу лошадь. Лошадь видит меня. У моего дяди есть кошка. У кошки есть котята. Они спят на сеновале. Эта Мэрилин страшно доставала его. Она проецировала слова так сильно и остро, что у Дейка начинала болеть голова и ему страшно хотелось засунуть пальцы в уши, чтобы ничего не слышать.

Потом они начали изучать трудные слова. Если нужно было создать кота, то никаких проблем не возникало, но такие слова, как "мысль", "ре-

лигия" или "сомнение" — их передавать было сложнее. Но наконец, все научились делать и это. Потом они стали по очереди отходить все дальше и дальше от своего класса по коридору и проецировать длинные, трудные фразы. Мэрилин была единственной, кто мог выйти на школьный двор к качелям, и заставить учеников слышать себя. Проекция правда получалась слабой и им приходилось напрягаться.

Следующий этап обучения — блокировка проекций. Для того, чтобы вытолкнуть слова-образы из головы, ты должен опереться на воображаемую стену-мембрану в своем мозгу. Мисс Кроув называла эту стену "первым экраном". Скоро они все научились такому трюку: расположить мембрану так, чтобы она блокировала все мысли. Нужно было спрятаться за ней, и никакие проекции не смогут пробиться сквозь эту мембрану. Надо сказать, Дейк испытал тогда большое облегчение: теперь он мог защищаться от ужасного шума, который Мэрилин могла проецировать в его голову.

Мисс Кроув сказала, что так как ее разум сильнее их, она может пробить, если постарается, своей проекцией их экраны, но тогда им будет очень больно, и пройдет много времени прежде

чем они снова смогут передавать и воспринимать что-нибудь. Она сказала, что у нее есть четыре экрана, которые она может поставить один за другим. Она сказала, что если же она опустит все четыре экрана, то сможет воспринимать проекции даже от человека, который и не пытается посылать их, если, конечно, его экраны не поставлены. Она сказала, что когда они научатся принимать и передавать выборочно, смогут создавать образы и будут знать, как использовать второй экран, тогда они достигнут Первой Ступени. Чтобы стать, как она, на Вторую Ступень и научиться пользоваться всеми четырьмя экранами, им придется очень серьезно поработать. Вот это да: похоже, что ему придется просидеть в школе до конца жизни.

Но когда они научились создавать образы, оказалось что это очень весело. "Иллюзии" — так иногда мисс Кроув называла их. Выяснилось, что у Джо это получается даже лучше, чем у Мэрилин. Дома у Джо была замечательная книжка о животных и однажды он ужасно испугался мисс Кроув, сотворив гигантскую летучую мышь, висевшую над самой дверью, у входа в класс. Дейк трудился над иллюзией красного велосипеда до тех пор, пока не научился это делать в совершенстве.

После этого он потерял к велосипеду интерес и начал создавать другие иллюзии. Но работа над велосипедом ему очень помогла. Теперь он мог делать разные иллюзии почти также хорошо, как Джо. Тут, как раз, у Джо начались большие неприятности с мисс Кроув. Ему в руки попалась книжка по медицине с анатомическим атласом. И Джо стал создавать маленьких обнаженных женщин, бегающих вокруг него, стоило только мисс Кроув отвернуться, а Мэрилин, конечно, ябедничала на него. Мисс Кроув сказала Джо, что если он не прекратит, то она пробьет ему первый экран, и у него будет очень много времени на размышления о том, как правильно использовать свои новые возможности. У нее всегда белел от возмущения нос. Дейк создал большую собаку, которая постоянно сопровождала его и исчезала только тогда, когда он забывал о ней. Однажды, у себя дома, он создал иллюзию мальчика, как две капли воды похожего на него, что даже несколько напугало его самого. Но зато у него появились новые идеи. Как-то, когда они шли с Джо домой, Дейк заметил Мэрилин и поставил перед ней точную ее копию, только эта вторая Мэрилин, держала свою голову подмышкой. Мэрилин с ревом побежала домой, а на следующий день

опять пожаловалась мисс Кроув. Так что Дейк, как и Джо, тоже получил от мисс Кроув предупреждение. Она прочитала всему классу длинную скучную лекцию о бездарном использовании собственных способностей и все такое прочее. Дейк и Джо могли говорить друг с другом этим самым параголосом, но странно, насколько легче, тише и приятнее было разговаривать обычным способом. Перед летними каникулами они должны были держать большой, серьезный экзамен. Каждому из них, по одному, предстояло пойти в офис к директору. Там находилось множество странных людей. Дейк заметно нервничал. Ему нужно было обратиться к каждому из них в отдельности, параголосом, затем ко всем вместе и к двум любым отдельно. После этого ему было предложено поставить экран и они стали ударять по нему. Дейку было очень больно, но он не произнес ни звука, и они не пробили экран. Он понял, что они хотели просто проверить прочность его первого экрана. У него было такое чувство, что они могли бы пробить его в ту минуту, когда им бы этого захотелось. Потом ему предложили убрать первый экран и стали ударять его во второй. Дейк не очень ясно представлял себе, как пользоваться вторым экраном. На этот раз боль

не была столь острой, но чем-то второе испытание было еще труднее первого. Затем ему было предложено по списку создать иллюзии самых разных предметов. Задания ему достались сложные: маленькая полная луна, размером с яблоко, армейский "Джип" в натуральную величину, и его отец и мать. Они предоставляли ему возможность исправлять иллюзии, когда он допускал небольшие ошибки. Прежде всего ему пришлось повозиться с "Джипом", потому что он никак не мог вспомнить, как выглядит его радиатор. Наконец он сделал его таким же, как в "Шевроле".

Они сказали Дейку, что он выдержал экзамен, и большой загорелый человек, похожий на медведя гризли, крепко пожал ему руку. Дейк пошел обратно в класс, но оказался в длинном гладком черном коридоре, которого он никогда раньше не видел.

Дейк почувствовал в мозгу странное щекочущее прикосновение, и вдруг вспомнил, где он находится. Комната, коллекция ракушек, красный велосипед, которого он так и не получил... Все это было двадцать шесть долгих лет назад. Джо уже давно умер. Мэрилин вышла замуж за Вика Хадсона и уехала в Австралию. Дейку отчаянно не хотелось возвращаться назад в настоящее

время, покидая лучшие годы своей жизни, долгие золотые годы.

Загорелый великан взял Дейка за руку.

— Ты оправдал мои лучшие ожидания, Дейк.

— Все это было…

— Иллюзией? Конечно. Мы обнаружили, что если мы возвращаем курсантов в лучшие годы их жизни, пока мир не успел развеять их надежды, резко возрастают их способности и скорость восприятия нового. Ты провел много недель с одним из наших лучших мастеров иллюзий.

Дейк чувствовал, что иллюзия давно прошедших лет исцелила его, сделала более цельным и уверенным в себе.

— Теперь я обладаю возможностями агента Первой Ступени?

— Только интеллектуальными. Остается еще овладеть кое-какими физическими навыками.

— Во всем происходящем есть какое-то безумное противоречие. Вы учите меня тому, что если бы научить этому же всех… жителей Земли, то все зло исчезло бы. Ненависть. Страх. Прекратились бы все конфликты.

Они продолжали идти по длинному пустому коридору.

— Совершенно верно, — последовал негромкий

ответ.

— Почему же это знание не используется в добрых целях?

— Я лично вряд ли смогу ответит прямо на этот вопрос. Дело заключается в том, что я полный неудачник — слишком скромный и слишком добрый. Я чересчур часто и сильно сопереживаю людям, Дейк. Так что мое место здесь.

— Такой ответ ровно ничего для меня не значит!

— Тебе нужно проявить терпение. Ты сделал один шаг… поближе к игровому полю. Здесь мы с тобой расстанемся… до следующей встречи.

— Куда я отправляюсь теперь?

— Просто войди в эту дверь. Специальный луч перенесет тебя в нужное место. Ты увидишь, что оказался там, куда тебе и положено было отправиться.

Дейк вышел в дверь и пошел через поле, заросшее густой травой цвета морской волны. Он повернулся посмотреть назад и увидел низкие черные здания, странные огромные деревья, металлическую равнину, покрытую идеальными кубами и бронзового великана стоящего в черном дверном проеме. (Счастливо!) Дейк поднял руку, помахал и, повернувшись, пошел в противопо-

ложную сторону, чувствуя полную уверенность, что он движется в нужном направлении.

Маленькие домики окружали огромное игровое поле. Все они были такими же одинаково черными, как и остальные здания, которые теперь уже находились так далеко, что деревья над ними, казалось, упирались в горизонт. Расстояния между домами были довольно большими. Один из домиков был заметно крупнее остальных. Дейк быстро пошел к нему, подчиняясь направляющей его силе. На противоположной стороне поля небольшая группа людей занималась какой-то непонятной деятельностью: с такого большого расстояния Дейку было невозможно разглядеть подробности. Внутри домика оказалось несколько клерков неземного происхождения с фиолетовыми глазами. Двигались они с каким-то гротескным и необычным изяществом. Теперь влияние силы, руководящей Дейком, уже не было столь всеобъемлющим, как раньше. Его повиновение перестало быть автоматическим. Да и отношение к нему изменилось. Они показались ему вежливыми, доброжелательными и даже почтительными, когда протягивали ему несколько маленьких предметов. (Если вам они нравятся, возьмите эти предметы с собой в

домик. Мы бы их сами принесли, но мы не можем подходить к домикам.) (В какой домик?) Все милоглазые существа застонали от боли.

(Слишком сильно, слишком сильно.) Слова милоглазых словно бы пели в мозгу Дейка. Один из них осторожно обошел Дейка и, подойдя к двери, указал направление.

(Сюда, землянин. Потом ты должен присоединиться к остальным.) Дейк, держа в руках странные предметы, подошел к указанному домику и вошел в него. Внутри домика было голо. Стол, стул и кровать. Дейк положил предметы на стол, с любопытством пощупал их и, выйдя из домика, направился к группе на дальнем конце поля.

Приближаясь к ним, он их пересчитал. Одиннадцать. Некоторые повернулись и стали смотреть на него. Дейк резко остановился, когда прямо перед ним появилась женщина средних лет с лицом, казалось, вырубленным из камня. И в тоже время лицо ее светилось умом и легкой насмешкой.

— Дейк Лорин к нам пожаловал. Считайте себя отставшим. Похоже теперь нигде нет никакого порядка. А где девушка-цыганка?

— Понятия не имею.

— Познакомься со своими товарищами по несчастью.

Она быстро называла одно имя за другим, пока Дейк рассматривал группу. Взгляд Дейка скользнул по худому, мужественному лицу. Оно показалось Дейку знакомым.

— Томми! Боже мой, я… — он сделал несколько шагов вперед, к Томми, но потом резко остановился и помрачнел. Дейк вопросительно посмотрел на женщину с каменным лицом, которая называла себя Марина.

— Нет, нет, я не иллюзия, — сказал Томми в своей привычной неторопливой манере. Он подошел к Дейку и крепко пожал ему руку. — Ну, теперь ты удовлетворен?

Марина спокойно сказала:

— Ты можешь сделать перерыв, Уоткинс. Пойди поболтай со своим приятелем, вы ведь давно не виделись.

Они отошли в сторону.

Дейк, стараясь скрыть смущение, произнес:

— Сколько же мы не виделись? Кажется, с войны, да? Последнее, что я слышал про тебя: ты бросил свое место, уехал во Флориду и стал издавать газету в каком-то провинциальном городишке, Томми. Я завидовал тебе. Тогда мне

казалось, что это очень разумный выход.

(Ты думаешь, у меня есть объяснение… тому, что здесь происходит.) Дейк посмотрел на него.

(Я надеюсь на это.) (А я рассчитываю, что ты мне, что-нибудь объяснишь. Я не знаю, где мы находимся и как мы сюда попали, и даже не уверен в том, что разговор с тобой не идет лишь в моем воображении.) Томми прилег на упругую странно-голубоватую траву и заговорил вслух:

— Никто во всем… э… нашем классе не может дать хоть сколько-нибудь разумного объяснения. Здесь есть несколько китайцев, малаец и двое австрийцев. Но у нас нет проблемы общения: мы все владеем параголосом. Правда, конструкции некоторых предложений кажутся иногда странными. Мы много разговариваем здесь. Так что я могу рассказать тебе, Дейк, о том, что с тобой произошло. Ты оказался замешан в какую-то историю, потом с тобой стали происходить всякие невероятные вещи и тебе стало казаться, что ты сходишь с ума. И, наконец, ты оказываешься в Нью-Йорке или Мадриде, где они запихивают тебя в серую коробку, и ты попадаешь сюда, и эти существа начинают учить тебя всяким совершенно невероятным штукам. О, мы дискутировали часами. Например, о реальности, — это большой

вопрос. Действительно ли мы находимся здесь?

Дейк сел рядом с ним.

— Как ты попал сюда?

— Начал делать серию статей о фермере, добившемся удивительных успехов в своем деле. У меня возникла странная мысль, что кто-то дает ему идеи, открывает новые горизонты. Все ниточки вели к Мигелю Ларнеру, известному рэкетиру из Нью-Йорка. Ну, я и отправился к Ларнеру. Он чуть не свел меня с ума. И вот я здесь.

— Со мной все произошло примерно тоже. Я потом расскажу тебе. А сейчас, Томми, что мы знаем определенно? Каким-то образом мы попали на другую планету. Мы столкнулись с культурой и технологией, намного превосходящей нашу. Получается, они обучают нас, чтобы мы устроили на Земле светопреставление.

— Может быть, и так, Дейк. На первый взгляд, кажется, ничего хорошего ждать от них не приходится. Но на самом деле… ясности нет. Есть что-то… очень важное, о чем мы еще ничего не знаем. С тобой никогда не было так, что во сне ты нашел ответ на самый главный вопрос, а просыпаешься с ощущением, что он от тебя только что ускользнул?

— А что же все-таки происходит здесь?

— Ты получаешь домик, и они так расписывают твой день, как будто ты в летнем лагере ХСМЛ.[5] Сделать это, сделать то. Изучаем всякие боевые искусства, тренируемся. Но при этом они больше всего воздействуют на наш разум. Возможности мозга колоссально увеличиваются. Память, способность анализировать… Я вспоминаю давно забытое. Теперь я могу воспроизвести все шахматные партии, которые я когда-либо сыграл, любой расклад при игре в бридж. Еще год назад даже представить себе такое было невозможно. А сейчас мы изучаем то, что они здесь называют Блок Б.

— А это еще что такое?

— Это, приятель, ты должен попробовать сам. И еще. Ты когда-нибудь испытывал столь переполняющее тебя ощущение физического подъема?

— Я не думал об этом. Да… пожалуй, ты прав. — Воздух не казался таким сладким, а еда столь аппетитной? И каждый день, как суббота?

— Ты говоришь, как счастливый человек. Что же с тобой произошло, Томми? Ты обрел здесь дом?

Томми холодно посмотрел на него.

---

[5] Примечания: 5

(Y.M.C.A.), Христианский союз молодых людей, международная организация.

— Возможно. Я жду какого-то великого откровения. Мы все ждем. — Он встал и изучающе посмотрел на Дейка. — Вот тебе еще информация к размышлению: мы видели здесь множество существ, которые никогда и не слышали о Земле. Они очень похожи на людей, отличия от нас минимальны. Но, в целом, мы все очень похожи друг на друга. И послушай еще, Дейк. Любой из них относится к нам так, как будто каждый из нас не иначе, как земное воплощение Христа. Пошли, хватит болтать, а то Марина будет недовольна. Они присоединились к группе. Марина построила всех в круг. — Будем тренироваться в создании совместной иллюзии, — сказала она.

Марина придумала для них иллюзию — необычно красивую девушку, которая стала прохаживаться внутри круга. В любой момент Марина могла убрать иллюзию. В задачу ближайшего курсанта входило немедленное воссоздание иллюзии. Первый раз у Дейка ничего не получилось. Он понял, что нужно действовать так, чтобы девушка-иллюзия продолжала идти по кругу в том же темпе. Во второй раз, когда иллюзия исчезла прямо перед ним, у него получилось лучше. Потом вторая девушка присоединилась к первой и они начали под ручку, прогуливаться

внутри круга. А потом их стало три. К тому же Марина добавила множество мелких деталей в их одежде и заставила их ходить быстрее. Задача становилась все сложнее, реагировать нужно было молниеносно, непрерывно запоминая все новые и новые детали. После часа подобных упражнений Дейк почувствовал, что его голова сейчас лопнет.

Потом у них был перерыв на обед и отдых. Следующее занятие — создание массовых иллюзий. Каждому нужно было создать максимальное количество людей, которых он был способен удерживать, не забывая о том, что каждый созданный им человек не должен иметь ни малейших изъянов, — иначе иллюзия не засчитывалась. Сначала Дейк мог создать иллюзию только шести человек. К концу занятия ему удалось уже удвоить их число, за что он был вознагражден кислой улыбкой Марины.

Каждый день у них были новые вариации подобных игр. По ночам чужие звезды ярко сверкали в чужом небе. Редкие часы отдыха Дейк проводил со своим другом, Уоткинсом. Но их долгие разговоры не помогли прийти к однозначному ответу на мучающие их вопросы.

Новые испуганные существа появились на

игровых полях. Только при очень внимательном наблюдении можно было заметить, что они не настоящие люди. Они испытывали какой-то благоговейный трепет перед землянами. Марина, использовала эти существа для обучения своих курсантов основам контроля. Управлять ими было очень трудно. Для этого требовалась концентрация гораздо большей энергии, чем для общения параголосом или создания иллюзий, так как нужно было давать точные нервные импульсы. Даже Марина испытывала трудности, заставляя существа ходить и удерживать равновесие. Они часто падали на мягкую траву.

Дистанция между контролирующим курсантом и контролируемым им существом раз от раза увеличивалась и, когда весь класс достиг определенного уровня, им разрешили практиковаться друг на друге.

Предварительно контролируемый должен был обязательно убрать оба защитных экрана. Дейк обнаружил, что ему страшно не нравиться ощущение физической обнаженности, которое он испытывал, когда оставался беззащитным, сняв оба свои ментальных экрана. После того, как Томми, находясь под неуклюжим управлением Дейка, врезался в стенку домика, он, потирая

разбитый нос, сказал:

— Супермена, приятель, из тебя никогда не выйдет.

С тех пор у них появилось новое определение их необычных возможностей.

Томми как-то сказал:

— Никто не мог отучить брата моей жены от бутылки. Теперь я ему покажу такой клубок змей и танцы маленьких розовых слонов, что его до конца жизни будет тошнить от одной только рекламы спиртного.

— А я, — сказал Дейк, — заставлю всякого пакиндийца, при встрече со мной, падать на колени перед великим Лорином.

— Серьезно, Дейк, что мы будем делать с нашими… талантами?

— Нам не нужно будет зарабатывать на жизнь. Достаточно взять любого кассира под свой контроль, и он сам даст тебе деньги. Или сделать для него иллюзию в несколько тысяч рупий, чтобы он положил их на твой счет. Он положит эти иллюзорные рупии в сейф, а когда ты уйдешь из банка, они просто исчезнут.

— А ты, Дейк, оказывается, по натуре — вор.

— Томми, я все время вспоминаю девушку с каштановыми волосами, по имени Карен Восс.

Теперь я знаю, что она прошла обучение здесь. Большую часть того, чем она поразила меня тогда, сейчас я могу сделать сам. Она помогла мне спастись почти из безнадежного положения, и кто-то, более сильный, чем она, пробил ее экран.

— У меня от одной только мысли об этом голова начинает болеть.

— Ничего, потерпи немного. Где проходил подготовку человек, ранивший ее? Здесь? Выходит две группировки сражаются между собой, и Земля при этом — поле боя? Если это так, то мы с тобой просто будущее пушечное мясо.

— Я не собираюсь больше воевать ни на каких войнах, тем более чужих, — твердо сказал Томми. — Мне вполне хватило одной, своей.

На следующий день они снова стали изучать Блок Б. Дейк быстро разобрался в управляющих колесиках и в том, как ими пользоваться. А вот представить себе соответствующие место было намного труднее. Сотни раз он пытался. Сотни раз пытался он переместиться на десять футов, каждый раз ощущая дурманящее падение собственной массы, потом быстрое возвратное нарастание тяготения и… он оставался на прежнем месте. Марина объяснила, что представление о месте, куда ты собираешься перенестись, должно

быть гораздо сильнее, чем усилия, необходимые для создания иллюзии. Он должен представить каждую травинку, каждую неровность и начать снова. Первым это смог сделать Томми. Он был в восторге от обладания невиданной свободой. Он без конца перемещался взад и вперед, возбужденно махая руками. Дейку оставалось только плечами пожимать.

Но Дейк не сдавался. Снова и снова пытался он перенестись хоть на несколько футов. Неудача следовала за неудачей. И, когда он собрался предпринять очередную попытку, Дейк вдруг понял, что у него, наконец-то, получилось. Он попробовал еще раз. И вскоре обнаружил, что сила, с которой он представлял себе место, куда ему нужно переместиться, гораздо важнее точности. Дейк пустился вдогонку за Томми, постепенно улучшая свое умение перемещаться.

Четыре дня класс играл в безумные пятнашки, бесконечно прыгая по огромным игровым полям. Потом они вышли на открытую местность и им разрешили использовать Блок Б на полную мощность. Они устраивали бешеные гонки к далекому горизонту, где деревья-великаны служили единственными ориентирами. Они узнали, что если живо представить себе лицо приятеля

так, как будто оно в футе от тебя, а сам приятель находится в пределах досягаемости Блока Б, ты можешь сделать перемещение и оказаться рядом с ним. Все дни смешались. Новые умения, новые возможности. А помимо всего у них возникало чувство локтя, гордость за всю группу.

Однажды, когда Марина вдруг особенно разговорилась, она рассказала им:

— Вы должны были пройти через испытание огнем. Если бы вас можно было сломать, то так бы уже и произошло. Никто из вас, однако, не сломался. Теперь мы можем быть уверены, что вам не грозит и другая опасность: вы не станете считать, что ваши новые способности ставят вас вне закона и вы не будете использовать их для извлечения персональной выгоды. Нас называют Землянами. Это почетное звание.

Настал день заключительных соревнований, день пышного праздника. За иллюзиями наблюдала огромная толпа, бурно выражая свое одобрение.

Когда праздник кончился, Марина сказала:

— Я научила вас всему, чему могла. Вам осталось научиться только одному. Те, кто уже в работе, объяснят вам вашу задачу. Мы еще дважды встретимся с вами, прежде чем вы… будете

готовы.

Они пошли назад к длинным черным зданиям, где получали сами первые инструкции. Но им не пришлось, на сей раз, долго идти в серых спускающихся сумерках. Они появлялись, исчезали и снова появлялись все дальше и дальше. Они задавали друг другу вопросы, которые ярко высвечивались в их мозгу, но ответов у них опять не было.

Их развели по комнатам. Посреди ночи Дейк проснулся. Одежда, в которой он прибыл сюда с Земли поджидала его. Он быстро, по команде оделся, и очутился среди серых кубов. Острая боль пронзила все его существо, и он оказался в каменной пещере. Дейк вошел сквозь слабо светящийся туннель прямо в сад-диораму Мигеля Ларнера. Было позднее утро. У бассейна, одна, сидела Карен и улыбалась ему.

Дейк быстро подошел к ней. Он обратился к ней параголосом, намереваясь спросить о ее самочувствии, но наткнулся на экран и почувствовал, как его мысль была отброшена в сторону. Это рассердило Дейка.

— Я полагаю, что должен сделать доклад Мигелю, — сказал он.

— Его нет, Дейк. У него были грандиозные по-

хороны.

— Он мертв?!

— Мы похоронили иллюзию. Мигель… ушел. Он закончил все свои дела здесь. Теперь за все отвечает Мартин Мерман.

— Значит, я ему должен докладывать?

— Его сейчас здесь нет. А почему ты думаешь, что тебе нужно вообще кому-то докладывать?

— Я думал…

— Отправляйся в ту комнату, где ты уже жил раньше. Оставайся там до тех пор, пока тебя не позовут.

Глава 12

Дейк поднялся в знакомую комнату. Там он нашел одежду, которая ему подошла. Он поставил диораму на автоматический контроль, обеспечивающий правильную смену дня и ночи.

Еда появлялась точно по расписанию. В комнате был проектор для чтения микрокниг и музыкальный автомат. Дейк несколько раз в день делал разминку, для поддержания хорошей физической формы.

"Оставайся в комнате до тех пор, пока тебя не позовут."

Раньше он угадывал в Карен какое-то тепло, доброжелательность. Теперь все исчезло. Дейк чувствовал себя брошенным и забытым. Им все более овладевало возмущение. Временами он убирал оба экрана и слушал, напрягаясь изо всех сил. Но ему не удавалось услышать ни одной мысли, только слабое ощущение присутствия в доме других людей. И все.

Однажды вечером она негромко постучала в дверь и, не дождавшись приглашения, вошла и села.

— Ты теряешь терпение?

— Мне скучно.

— Прошлой ночью ты сделал мою детальную иллюзию и заставил ее сесть рядом и долго с ней разговаривал. Я польщена, Дейк.

— Я не знал, что здесь за мной шпионят.

— Мы все очень интересуемся тобой. Мы интересуемся всеми, кто только-только достиг Первой Ступени.

— Ты изменилась, Карен.

— Карен Восс? Это был лишь гипнотически внушенный мне образ Карен Восс. Отличная легенда. Но ты можешь называть меня Карен, если ты так привык к этому имени.

— Благодарю вас, — сказал Дейк с мрачным достоинством.

Она засмеялась над ним и он покраснел.

— Теперь я знаю достаточно, чтобы понимать, что вы пожертвовали для меня многим.

Что-то промелькнуло в ее глазах. Она сделала неопределенный жест.

— Вербовать новичков — наша общая задача. Подходящих кандидатов найти очень не просто, ты знаешь. И так было всегда. Ты был моей находкой, так что Мерман сделал меня твоим наставником. Я думаю, он поступил не очень-то

честно. Первая Ступень довольна скучна.

— У меня был старый друг. Я встретил его на Базе Т. Он все время говорил об окончательном ответе. Входит ли в обязанности наставника дать этот окончательный ответ?

— А ты изменился к лучшему, Дейк: перестал быть таким ограниченным и консервативным.

— Меня уже тошнит от бесконечных тайн.

— Давай пойдем погуляем. Посмотрим, как выглядит сейчас мир снаружи. Посмотрим, достаточно ли хорошо ты помнишь вестибюль, чтобы переместиться туда. Подожди, я только спрошу у Джонни нет ли там посторонних.

После короткой паузы она сказала:

— Все в порядке.

Дейк переместился в вестибюль так быстро, как только мог. Но она уже была там, и с улыбкой поджидала его.

— Видишь, кто к нам пожаловал, Джонни? — сказала она, беря Дейка под руку.

— Вопреки всем прогнозам, — сказал Джонни.

(С прибытием.) (Спасибо.) — Иногда я думаю, что вы Первые — страшные снобы, — сказала Карен. Я должна ввести тебя, Дейк, в курс дела. Сейчас июньский вечер тысяча девятьсот семьдесят восьмого года. Твоя статья, опубликованная

в прошлом году, наделала много шуму. Не иди так быстро! Но ты отрекся от нее, и мир быстро забыл о ней, тем более, что было совершенно удачное покушение на Джорджа Фахди. Ты был приговорен к десяти годам каторжных работ за нанесение Государственного Ущерба. Прелестная Патриция находилась в санатории и не смогла подкупить судей. Бедный маленький агент Первой Ступени провел несколько отвратительных дней, поддерживая иллюзию, изображающую Дейка Лорина, пока процесс не закончился и "тебя" не отправили отбывать наказание. Ну, а как только "тебя" привезли в лагерь, функции агента были исчерпаны и, теперь, ты считаешься беглым преступником. Но за тобой не будут уж очень сильно охотиться: Мартин вовремя подкупил нужных людей.

— Ты слишком торопишься, Карен. Я не…

— А ты и не пытайся. Мы ведь просто гуляем.

Дейк держал свои экраны наглухо закрытыми, так чтобы она не могла ничего узнать о его дальнейших планах. Он небрежно засунул руку в карман, и изо всех сил вызвал в памяти воспоминания о номере в отеле, в котором он последний раз останавливался в Нью-Йорке. Большим пальцем он привел в действие колесики Блока

Б. Перенос в гостиничный номер совершился мгновенно.

Пухлый седовласый человек в пижаме с удивлением уставился на Дейка.

— Ошибся номером, — сказал Дейк, — извините.

— Черт возьми, вы могли бы и постучать!

— Извините, — повторил Дейк и, распахнув дверь, быстро вышел из номера в коридор.

Он вышел в холл, ощущая, что его высокий рост может привлечь к нему ненужное внимание. Спустившись по лестнице, Дейк вышел на улицу. Был теплый летний вечер. Он ощутил, как месяцы тренировок на игровом поле обострили его восприятие. Звуки казались слишком громкими, впечатления слишком яркими. Мир вокруг был скопищем непрерывно меняющихся неясных деталей. Ему нужно было скрыться от всего этого, в какое-то спокойное место, где он мог бы собраться с мыслями и спланировать свою дальнейшую деятельность.

Он вошел в другой отель, расплатился иллюзорными деньгами, положив в карман настоящую сдачу, часть которой он тут же отдал на чай рассыльному. Комната оказалась маленькой и раздражающе грязной. Дейк выключил свет, взял

стул и сев у окна, стал смотреть в небо.

Странно, вроде бы он, наконец, вернулся домой, но все вокруг казалось здесь чужим. Как будто бы он и не был частью этого мира. Он вспомнил о своей исходной решимости — решимости, от которой он ни разу ни на йоту не отступил — узнать все, что было возможно, вернуться домой и приложить все силы, чтобы разоблачить их. Все должны узнать о том, как нами манипулируют.

Но тогда возникает вопрос: ПОЧЕМУ?

Ответа на этот вопрос у Дейка не было. Все дальнейшие варианты, казались бессмысленными. Как будто он снова очутился на огромном игровом поле, по которому перемещается без всякой цели.

И все-таки он должен внести ясность в свою деятельность. Сопоставить все известные ему факты. Составить оперативный план. Используя иллюзию, можно посадить космический корабль на Площади Нового Времени, пустить колонну марширующих марсиан по Бродвею. Возможно, это заставит людей поверить во вмешательство в их жизнь внеземных цивилизаций.

— Да, тебя нелегко было найти, — сказала Карен, возникая у него за спиной.

Он быстро повернулся, почти с облегчением:

теперь он был избавлен от необходимости составлять план.

— Я обнаружила тебя, когда ты создал иллюзорные деньги. Мне удалось засечь направление. Всякое использование тобой полученных новых возможностей, помогает найти тебя.

Отраженный свет ночного города осветил ее лицо, ее холодные чуждые глаза. Она смотрела на Дейка с отстраненным интересом, с каким смотрит энтомолог на кокон, из которого сейчас должна выбраться бабочка.

Дейк попытался проникнуть в мысли Карен, но ее экраны были непроницаемы.

— Все твои трюки, — сказал он почти бессвязно. — Все твои грязные маленькие нечеловеческие приборчики. Они…

— Все наши трюки, Дейк.

— Нет, не мои. Я ничего не просил. У меня просто не было выбора. — Он встал, возвышаясь над ней, загораживая свет. — Теперь все эти трюки вызывают у меня стыд. Они превратили меня в… мутанта. Я не чувствую себя человеком.

— Как благородно!

— Ты не сможешь выследить меня, если я не буду пользоваться этими трюками, так ведь?

— Может ли человек заставить себя не пользо-

ваться своими руками?

Он повернулся к ней боком, чтобы она не заметила, что его рука снова скользнула в карман. Кажется ему удалось придумать хорошую уловку: все телефонные будки похожи одна на другую. Он быстро представил себе какую-то усредненную будку, манипулируя тремя колесиками. Через мгновение он почувствовал наступление дурманящей пустоты и оказался стоящим внутри телефонной будки. Дейк вышел из нее и обнаружил, что находится внизу, в вестибюле отеля: Блок Б выбрал ближайшую будку.

Дейк вышел на улицу. В тот самый момент, когда он уже собрался затеряться в толпе, в его мозгу слабо зазвучал голос Карен:

(Дейк! Если ты будешь убегать, мы вынуждены будем убить тебя. У нас нет другого выхода. Если ты слышишь меня, вернись.) На мгновение он остановился, но потом решительно скрылся в толпе. Он инстинктивно сгорбился и шел, слегка подогнув колени, стараясь хоть немного уменьшить свой огромный рост.

Узнай о них побольше и постарайся использовать полученное знание против них. Всю свою жизнь Дейк с чем-нибудь или с кем-нибудь сражался. Уравнение было очевидным. Логика

безупречной. Если они обладают возможностями, аналогичными тем, которыми теперь и он обладает, значит они могут положить конец всем конфликтам на земле. Но они этого не делали. Отсюда следует, что они плохо относятся к человечеству. И люди должны узнать об этом. Враг стоит на пороге их родного дома.

Дейк вспомнил человека, который ранил Карен, ту прежнюю, куда более понятную и близкую Карен. Они тогда сражались между собой по каким-то дурацким и в то же время благородным правилам. Значит Земля была просто продолжением игрового поля. Место, где они могли быть уверенными в собственном превосходстве. Пусть эти глупые маленькие людишки попрыгают. Они убили Брэнсона, свели с ума Патрицию, да и его самого заставляют плясать под их дудку. Они как злые дети с заряженными ружьями, которых отпустили погулять в зоопарке.

Мимо медленно проехала машина, осветив его фарами. Дейк услышал металлический шум радио из открытого окна машины. Ему теперь угрожали сразу две опасности. Если верить тому, что сказала Карен, Мартин Мерман подкупил власти, так что те не будут проявлять особых стараний для поимки Дейка Лорина. Однако Мерман

может легко изменить ситуацию. Из-за своего большого роста, Дейк чувствовал себя на улице голым. В то же время он понимал, что его способность управлять людьми, параголос, иллюзии — все это делает его поимку делом практически безнадежным для властей. Но, как только он воспользуется своими новыми способностями, это сразу наведет на его след Карен. Пока же он не пользуется своими новыми талантами, они могут обнаружить его только визуально, а уж потом произвести проверку наличия у него защитного экрана.

Лица людей на темных ночных улицах угнетали его. Месяцы, проведенные на Базе Т, сделали его чувствительным к восприятию настроения других людей. Он чувствовал волны напряжения, отчаяния и тревоги. Холодные пустые лица, изломанные рты. Казалось, по городу бродили животные, зазывно покачивающие бедрами, с жалкими влажными глазами. Он шел окруженный безнадежностью и тонул в ней. Но потом он стал замечать и другое. Маленькие детали. Юноша с горящими глазами восхищенно разглядывает простые летящие линии одного из немногих уцелевших после войны зданий. Парочка, держащаяся за руки, — они будут вдвоем

и на самой оживленной улице мира. Старик, идущий шаркающей походкой — свет выхватил из темноты его лицо, помятое и искореженное жизнью, но взгляд его при этом выражал удивительное спокойствие, простоту, гордость и ум. Когда таких людей пытаются уничтожить совершенно, когда кажется, что с ними покончено навсегда, что-то обязательно остается среди руин. Что-то бесценное и бессмертное. Пока Дейк шел, размышляя где бы ему спрятаться, он вспомнил статью, написанную им много лет назад, как ему теперь показалось, в другой жизни. Статья была о докторе Оливере Криндле, психиатре, который в качестве хобби занимался исследованиями в области паранормальных явлений. Криндл был одним из тех редких людей, добрых и мудрых, которых не может испортить проникновение даже в самые темные закоулки человеческой души. Статья была о бесконечных упорных поисках рациональных объяснений двух странных и необъяснимых случаях. Настолько странных и необъяснимых, что напрашивался единственный и самый очевидный вывод: все свидетели лгут.

Дейк нашел адрес Криндла в телефонной книге и прошагал пятнадцать кварталов, отделявших его от узкой темной улице, на которой жил док-

тор. Дейк вспомнил, что Криндл жил один в своем офисе. Он вспомнил старый коньяк, которым Криндл угощал его, делая из этого целую церемонию. Коньяк в комнате, уставленной книгами — как будто Криндл нашел собственный путь сохранения всего хорошего в мире, где настоящей ценности вещей уже никто не понимал.

Над входом в квартиру горел тусклый свет. Дейк нажал на кнопку и услышал далекий звонок. На другой стороне улицы мужчины в рубашках с короткими рукавами и утомленные женщины сидели на ступеньках и вели медленный негромкий разговор, который изредка прерывался невеселым смехом. Доктор Оливер Криндл спустился вниз по лестнице. Дейк увидел опухшие щиколотки, стоптанные домашние тапочки, старый халат и обманывающее лицо свежевыбритого Санта Клауса. Криндл включил свет над дверью, увидел Дейка и долго возился с засовами, замками и цепочками, прежде чем открыл дверь. — Входите, Лорин, входите! Теперь я стараюсь быть максимально осторожным. Столько хулиганов и просто сумасшедших кругом. Насилие во имя насилия — вот что пугает меня больше всего. Ради наживы — это понятно. Но теперь слишком многие просто любят наблюдать

как льется кровь. А может быть, так было всегда. Поднимайтесь наверх. Я слушал музыку. Сегодня у меня в программе хоровое пение. Множество голосов в моей комнатке, а?

Дейк поднимаясь по ступенькам лестницы, вспомнил тихую уютную комнату Криндла. Они вошли в нее, и доктор Криндл кивнул Дейку в сторону стула. — Садитесь. Я поставлю сначала. Эту музыку можно слушать снова и снова. Мне некуда торопиться, Лорин.

Он включил проигрыватель.

Дейк откинулся на стуле и погрузился в глубокие теплые волны музыки. Криндл, двигаясь медленно и бесшумно, приготовил выпивку и поставил бокал перед Дейком.

Музыка возвращала Дейка в привычный разумный мир, возрождала веру в людей, отодвигала далеко в сторону его новые чудовищные способности. Наконец, музыка кончилась, и Криндл выключил проигрыватель. Некоторое время они молчали. Лед негромко звякнул в стакане Дейка, когда он подносил его к губам.

— Я читал о вас, Лорин. Вы были очень заняты. Статья, государственный ущерб, суд, приговор, побег. Я знал, что рано или поздно вы окажетесь вне закона. Я только не знал, когда и как это

произойдет.

— Но вы знали почему это со мной происходит?

— Конечно. Вы воспринимали окружающий мир слишком непосредственно. А теперь вы вызвали его естественное неудовольствие, слишком явно указав на его просчеты. Вас уничтожат.

— Мученик? Жертва?

— Да, причем бесцельная. Ваше поражение не принесет пользы ни одному известному мне движению. Вы одиночка. Ваш недостаток, вероятно, в чрезмерной вере в себя. Если это недостаток. Я не знаю. Когда-то я дал себе обещание, что никогда не пойду на компромиссы. О, тогда я был смелым и молодым. Теперь, когда я вспоминаю прожитую жизнь… Жизнь, потраченную на глупые бредни психически неуравновешенных женщин с пустыми мозгами, состоящими всего из одной извилины. Вот так-то, Лорин.

— Что такое нормальность, Оливер? Уравновешенность?

— Это несуществующее понятие. Просто удобная точка отсчета. Все люди, время от времени, смещаются в ту или иную сторону от нее. А если еще учесть индивидуальные особенности каждого, то и классификацию нужно проводить

отдельно. Нет двух людей в мире, одинаково психически больных или психически здоровых, за исключением психических отклонений, вызванных чистой физиологией. Мы все, к несчастью, уникальны. Какой бы простой стала моя профессия, если бы я мог точно и безошибочно классифицировать всех пациентов!

— Предположим, что ваша задача — свести человека с ума. Что бы вы стали делать?

— Для начала мы должны уточнить терминологию. Что я буду делать, чтобы у человека появились психические отклонения? Классический способ — предложить ему неразрешимую проблему, причем сделать решение этой проблемы жизненно важным для него. Крыса в лабиринте, из которого нет выхода.

— Предположим, что вы можете заставить его воспринимать заведомо… невозможные картины?

— А разве это не будет другим аспектом того же классического подхода, Дейк Лорин? Чтобы выжить, вы должны верить своим глазам, ушам, пальцам, носу, наконец. Если же информация, которую поставляют в мозг совершенно невозможна, тогда и возникает классическая проблема. Я должен доверять своим чувствам, чтобы

выжить. Но мои чувства мне изменили. Что же мне делать? Но по-моему, вы говорите скорее о результате, чем о причине. Больной начинает галлюцинировать, когда он больше не может выносить окружающий его реальный мир. Жена изменяет. Тогда-то он и начинает слышать голос из камина, который предлагает убить жену.

— Что случится, если телегу поставить впереди лошади?

— Убьет ли он ее, вы имеете в виду? Это зависит от того, на сколько он доверяет своему зрению, слуху и осязанию. Приблизительно можно сказать так: чем более ограничен ум данного индивида, тем более вероятно, что он последует подобному совету. А какие советы получали вы, Дейк?

Дейк рассматривал свои толстые костяшки пальцев. — Я посмотрел в зеркало. Левая половина моего лица была голым черепом. Я потрогал то, что было щекой. Она оказалась твердой и холодной. Два человека видели то же, что и я. Один потерял сознание, другой сошел с ума.

— Я бы сказал, что вы подсознательно поняли дуализм вашей жизни, увидели наяву свою тягу к смерти.

— А если еще двое видели то же самое?

— Однажды, у меня был пациент, которому очень не нравилось, как прохожие гладили розовую собачку, сопровождающую его повсюду.

— Предположим, Оливер, что я могу заставить вас встать против вашей воли, взять пластинку с проигрывателя и разбить ее?

— Вполне возможно, если я захочу подчиниться вашему гипнозу.

— Ну, а если я могу… создать трехголовую собаку пурпурного цвета прямо здесь и вы ее ударите. Или скажу, что я могу проецировать свои слова прямо в ваш мозг, так что вы будете меня слышать, а я даже не буду открывать рта.

Оливер медленно потягивал виски.

— Я скажу, что вы очень много пережили за последний год. Вы пытались спасти мир. И все ваши усилия ни к чему не привели. Вы не можете признать собственную несостоятельность и сдаться. Сама борьба слишком важна для вас. Чтобы компенсировать свое бессилие перед системой, вы наградили себя сверхъестественными способностями.

— Почему вы всегда интересовались исследованиями психики?

— По той же причине, по которой человек ухаживающий за садом, интересуется темным

густым лесом по соседству.

— Значит вы верите, Оливер, что существует многое, о чем вы ничего не знаете?

— Неужели я кажусь столь самонадеянным? Конечно, я очень многого не знаю.

— А вы никогда не думали о том, что все тайны нашего мира могут иметь общее происхождение?

— Бог, марсиане?..

— Что если мир, в котором мы живем, всего лишь лабораторная реторта? Эксперимент? Бесконечный конфликт бактерий?

Глаза Оливера Криндла были полузакрыты.

— Версия интересная. Но она многократно возникала и раньше. Так, что же, по-вашему, является источником всех тайн?

— Я один из них.

Глаза Оливера широко открылись.

— Я буду рад, Дейк Лорин, если вы переночуете у меня.

— Я один из них, но я не хочу быть с ними. Они разыскивают меня. И если они убьют меня, человечество никогда не узнает… что противостояло ему. Я ничего не могу показать из моих сверхъестественных талантов, потому что тогда они смогут обнаружить меня.

— Лорин, я…

Дейк наклонился вперед.

— Помолчите немножко. Я решил рискнуть. Но все произойдет очень быстро. Вы должны сделать выводы лишь через несколько секунд.

— А вы не думали о том, что вы будете делать, если ваши… таинственные возможности пропали?

— Вот почему я и пришел к вам. Если это так, значит уже много месяцев прошло с тех пор, как я сошел с ума. Но у меня получится! Вы хорошо видите этот угол стола, под лампой, Оливер, там ведь ничего нет?

— Конечно, но…

— И вы будете сопротивляться всякой моей попытке загипнотизировать вас?

— Да, но…

— Смотрите на угол стола, — тихо сказал Дейк и сделал самую простую галлюцинацию, которую только смог придумать. Обычный белый куб, со стороной около трех дюймов. Он продержал его около двух секунд, а потом моментально стер.

Дейк смотрел на куб, а когда тот исчез, перевел взгляд на лицо Оливера Криндла. Его щеки горели нездоровым румянцем, а кожа вокруг рта стала пепельно-серой. Бокал в его руках сильно

задрожал, когда Криндл подносил его к губам. Немного виски выплеснулось на старый халат. Затем он со стуком поставил бокал на широкий подлокотник своего старинного кресла. — У меня очень мало времени, Криндл. Они могут прийти за мной. Я хочу чтобы вы знали…

— Самая поразительная демонстрация гипноза, — неестественно громко сказал Криндл, — которую мне когда-либо приходилось видеть.

— Я пришел к вам потому, что из всех людей, которых я знаю, вы сможете отреагировать наиболее разумно и компетентно.

Криндл громко и неестественно захихикал.

— Иногда больной разум может делать удивительные вещи, Лорин. Ну, например, каталептический транс, или классический случай появления пятна на теле — результат самогипноза. В первый момент вы поразили меня, но теперь я вижу, что это не более, чем…

Дейк почувствовал, что кто-то осторожно зондирует его мозг. Он быстро встал.

— Мое время кончается, Оливер. Следите за моими губами.

(Я не говорю, но вы слышите мои слова.) Пальцы Дейка быстро вращали маленькие колесики, перед самым переносом, когда он почувствовал

подступающую дурноту, Дейк увидел, что Оливер застыл на месте с остекленевшими глазами.

В телефонной будке было темно. Он быстро вышел в темный, отделанный кафелем коридор, какого-то закрытого офиса. Снаружи прошумела проезжавшая мимо машина. Дейк стоял, сдерживая дыхание, ожидая легкого прикосновения чужого разума. Ничего не произошло. Он поднялся наверх по темным металлическим ступенькам. На втором этаже он нашел врачебный кабинет. Дверь была заперта. Он заглянул внутрь сквозь замочную скважину. Кабинет был слабо освещен отблесками огней ночного города. Дейк уже было начал крутить колесики, но в последний момент сообразил, что это будет ошибка. Он взломал дверной замок, вошел в кабинет и вытянулся на узеньком кожаном диванчике. Он был настолько измучен, что уснул, не успев составить плана на следующий день.

Глава 13

Ранним утром Дейк покинул гостеприимный кабинет. Небо затянуло тучами, приближалась гроза. У него не было денег. Применять иллюзии представлялось ему слишком опасно. Повинуясь импульсу, Дейк вернулся в кабинет. На столике он нашел запертую жестяную коробку. Под ударами его каблука она развалилась, и он засунул в карман несколько купюр и пластиковых монет — для завтрака более чем достаточно.

Дейк нашел маленькую грязноватую закусочную. Со стола кассира он взял утреннюю газету.

На третьей странице, в нескольких строках, сообщалось о смерти доктора Криндла.

"Доктор Оливер Криндл, известный психиатр, позвонил прошлой ночью в полицию и сообщил, что он собирается повеситься, и, к тому времени, когда полиция прибыла, все было кончено. В прощальной записке было написано, что многолетняя работа подорвала его силы и, что он сам себе поставил самый неблагоприятный диагноз. Полиция нашла свидетельство того, что незадолго до смерти у доктора Криндла был посетитель,

но пока его личность установить не удалось".

Дейк ел механически, не обращая внимания на вкус или качество пищи.

Если самый разумный человек, из всех кого Дейк знал, не смог принять неоспоримые доказательства сверхчеловеческих возможностей Дейка, поверить в присутствие иных цивилизаций, доказывающее правдивость легенд и волшебных сказок, кто же тогда сможет сделать это? Что скажут другие? Посчитают его шарлатаном и все!

Он вспомнил один очень старый фильм, на который его затащил Дарвин Брэнсон. Старые фильмы завораживали Дарвина. В том фильме бродяге дали чек на миллион долларов. У него в руках было состояние, но никто ему не верил. Еще бы — бродяга с манией величия. В конце концов, чтобы не сойти с ума, ему пришлось разорвать чек.

И еще он вспомнил случай из своей юности. Однажды летом, он отправился на рыбную ловлю в полосе прибоя, под Марблехэдом. У него был дорогой спиннинг, взятый напрокат. На пляже никого не было. Зайдя поглубже в воду, Дейк изо всех сил забросил наживку. Он использовал очень прочную леску, рассчитанную на сто футов. Он

потихоньку выбрал леску, как вдруг мощный рывок чуть не вырвал спиннинг у него из рук. Леска стала бешено разматываться. Он изо всех сил вцепился в спиннинг, с мрачным сожалением раздумывая о компенсации, которую ему придется выплатить за леску и блесну. Он заскользил по песку, пытаясь зацепиться за что-нибудь и обрезать леску, но тут катушку заело, его сразу бросило в воду и потащило вперед с невероятной скоростью. Он сразу понял, что ему придется бросить спиннинг и плыть назад, если он не хочет утонуть. Тут-то он и обнаружил, почему заело катушку. Край его промокшего свитера намотался на катушку и заклинил ее. Он попытался оторвать кусок свитера, но тот не поддавался. От ужаса он закричал, и его крик эхом прокатился по пустому пляжу. Дейка тащило быстрее, чем мог плыть любой тренированный спортсмен. Чудище на другом конце лески неслось вперед и вперед, но потом, когда он уже начал терять последнюю надежду, неожиданно сделало плавный поворот назад, к берегу. Наверно, оно решило оборвать леску у прибрежных скал. Дейка больно бросило на берег всего в синяках и кровоподтеках, он сжимал в руках проклятый спиннинг. Это было волнующее переживание… пока он не попытался

рассказать кому-нибудь о нем. На него сначала недоверчиво смотрели, а потом начали смеяться. У него не было никаких доказательств. Только промокшая одежда да синяки. Да парень просто споткнулся и упал в воду, а рыба порвала леску. И нечего придумывать всякие глупости.

Никто так ему и не поверил. Никогда. Никто не верил бродяге с чеком на миллион долларов. Никто не поверит в его новые возможности. Вдобавок он не сможет пользоваться ими и оставаться в живых. Если только…

К полудню он нашел то, что искал. Старое, проржавевшее еще со Второй мировой войны суденышко, под Панамским флагом, что обозначало, естественно, контроль Бразилии. Они взяли его как разнорабочего: их очень устроило его могучее телосложение. Им не помешало даже отсутствие у него каких бы то ни было документов. В сумерки они медленно проплыли мимо остатков статуи Свободы, направляясь по маршруту Джексонвилль — Гавана — Порт-о-Пренс — Рио. Дейк знал, что максимальная дальность Блока Б — десять тысяч ярдов. Он знал также, что существует расстояние, далее которого они не смогут воспринимать психическое излучение, которым сопровождается любое использование иллюзий

или Блока Б. Он ни секунды не сомневался, что если смогут, они убьют его — лгать параголосом очень трудно. Ему необходимо время чтобы собраться с мыслями. Ему нужна была работа, которая утомит его тело. У него начинала возникать слабая, еще несформировавшаяся до конца идея: взять изолированную группу людей, ну скажем — команду корабля, и каким-то образом убедить их в собственной правоте.

Капитан был странным маленьким человечком, с дергающимся в тике лицом. На каждой руке у него не хватало двух пальцев. Его звали Рейсон.

Командовал кораблем первый помощник — крупный рыжий мускулистый датчанин, со следами радиационных ожогов на лице и горле, по имени Хаггер. Судно было старое, замызганное и неповоротливое, отовсюду доносились запахи гниения и разложения. До поздней ночи они работали, обшивая досками крышки люков, подгоняемые чудовищными проклятиями первого помощника. В неверном свете фонарей забивали клинья и плотно привязывали брезент. На следующее утро Дейк, все тело которого болело после ночи, проведенной на узкой и короткой койке, был поставлен Хаггером счищать проржавевшую

краску. Вместе с ним работал еще один новичок. Ему было под сорок, и его руки дрожали от алкоголизма, усугубленного приверженностью к проно. Его звали Грин, и он больше помалкивал. Его движения были так плохо скоординированы, что он раз за разом попадал себе по рукам, правда удары его были настолько слабыми, что серьезных повреждений он просто и не мог себе нанести.

Дейк разделся до пояса, чтобы загореть под теплым июньским солнцем. Работа была монотонной, и он смог сосредоточиться на своих планах. У него нет выбора. Ему придется прятаться до конца своих дней. Никогда не пользоваться новыми способностями. Тихо и незаметно жить в отдаленных местах, пока его сверхъестественные навыки не умрут вместе с ним. Нет, такое решение его не устраивало. Интересно, как Уоткинс воспринял свое возвращение на Землю. Видимо, Уоткинс смирился с положением, в которое он попал. Дейку казалось, что в процессе бесконечных тренировок Уоткинс утерял способность к сопротивлению.

Он так погрузился в свои мысли, что перестал работать, и, раскачиваясь на каблуках, смотрел в бесконечную морскую даль. Тяжелый удар в пле-

чо сбил его с ног на грязную палубу. Дейк вскочил на ноги и увидел перед собой раздраженное лицо первого помощника.

— Ты будешь делать перерыв тогда, когда я тебе разрешу. А до тех пор я должен слышать стук твоего молотка.

— Я буду работать. Но больше никогда не делайте так, мой друг. Первый помощник стоял совсем рядом с Дейком. Он посмотрел на молоток, зажатый в руке Дейка, пожал плечами и медленно отвернулся. А затем, вкладывая в удар всю свою массу, он сбил Дейка с ног тяжелым ударом огромного кулака. Дейк попытался подняться, но Хаггер ударил его ногой вниз живота. Сквозь кровавую пелену Дейк видел широкую кривую усмешку на обожженном лице Хаггера. Он снова замахнулся ногой и Дейк, еще не пришедший в себя после первых ударов, понял что сейчас Хаггер ударит его в лицо.

Дейк, взяв полный контроль над телом Хаггера, заставил его повернуться и зашагать прочь. С трудом поднялся, прижимая одну руку к животу, и стал жадно ловить ртом воздух. Глаза первого помощника остекленели.

— Что там у вас происходит? — раздался с мостика голос капитана, который смотрел оттуда

вниз, на палубу. Голос казался ужасно удивленным. Посмотрев наверх, Дейк быстро отпустил Хаггера. Тот покачнулся, что-то прорычал и, собравшись с силами, вновь бросился на Дейка, который поневоле восхитился таким упрямством.

Дейк снова поймал Хаггера и, все еще разозленный болью, не думая о последствиях, заставил бежать к борту. Хаггер с разгону ударился о леер и упал в воду. Как только первый помощник оказался в воздухе, Дейк перестал контролировать его движения. Рыжая голова Хаггера закачалась за кормой.

Желтый спасательный жилет полетел в воду, брошенный кем-то из моряков, услышавших неожиданно громкий крик капитана:

— Человек за бортом!

Они спустили шлюпку на воду и, неуклюже управляя ею, подобрали помощника капитана. Он, казалось, заметно успокоился. Дейк снова взялся за работу. Краем глаза он видел, как на мостике капитан и его первый помощник о чем-то негромко разговаривают. Он чувствовал, что они на него смотрят.

— Эй ты, встань! — сказал капитан, который неожиданно оказался прямо за спиной у Дейка.

Капитан твердой рукой держал старинный автоматический пистолет, дуло которого направлял прямо Дейку в живот. Дейк чувствовал, что все на корабле насторожились. Футах в сорока от них несколько матросов застыли в неподвижности. Первый помощник стоял чуть сбоку, за спиной у Рейсона.

— Мистер Хаггер сейчас немного вправит тебе мозги. Я хочу посмотреть на это. Он говорит, что ты заставил выпрыгнуть его за борт. Попробуй что-нибудь подобное, и я проделаю в тебе пару дырок.

— Давайте-ка лучше забудем обо всем, капитан, — спокойно сказал Дейк.

— Такие вещи могут разволновать людей. Давайте, мистер Хаггер. Вся команда смотрит.

Хаггер сжал кулаки, облизал губы и медленно и неуверенно пошел к Дейку.

— Пожалуйста, капитан, забудьте об этом. Он не сможет избить меня. И я снимаю с себя… ответственность за возможные последствия.

— Я должен знать, что происходит у меня на корабле, — сказал капитан. В этот момент Дейк почувствовал, какой ужас и страх возникает у каждого человека при контактах с необъяснимыми явлениями. Он понял, что если они не смогут

понять его, то они уничтожат его. Он должен, не теряя ни одного мгновения, смертельно напугать их.

Хаггер сделал еще один осторожный шаг вперед, напрягая плечи. Отказ Дейка защищаться вызывал у Хаггера беспокойство.

Капитан быстро повернулся в сторону: за его спиной свернулась в кольцо гремучая змея. Она прыгнула на него и капитан выстрелил. Пуля с визгом отскочила от железной палубы высоко в воздух. Змея исчезла, а дуло пистолета снова было направлено на Дейка. Он взял разум капитана под контроль, и оказалось, что с помощником было гораздо легче управляться. Глаза Хаггера начали вылезать из орбит, когда он увидел, что капитан засунул дуло пистолета себе в рот, сомкнув на нем губы. Из воды с шумом выпрыгнула голова огромного морского змея и застыла над бортом. Дейк был доволен своей работой. Змей получился впечатляющий. Помощник, в ужасе, застыл на месте. Дейк отпустил капитана, который вытащив дуло пистолета изо рта, попытался снова навести его на Дейка. Тогда Дейк заставил капитана выбросить пистолет за борт. Дейк отступил назад и уперся спиной в шпангоут. Через мгновение он заселил капитан-

ский мостик иллюстрациями из книжек своей юности: Черная борода, Джон Сильвер, стучащий деревянной ногой по обшивке мостика, капитан Блад с голубыми, холодными как лед глазами, мертвый матрос, позеленевший и покрытый морскими водорослями. И в завершении он добавил еще одно существо собственного изобретения: дубликат капитана Рейсона, который как две подушки, держал подмышками две одинаково ухмыляющихся огненно-рыжих головы первого помощника Хаггера.

Потом он заставил всех наклониться вперед, держась за леер капитанского мостика, посмотреть вниз и захохотать громким, визгливым и непотребным смехом.

Дейк повернулся назад. Помощник снова прыгнул за борт, в сторону противоположную от морского змея. Капитан стоял, плотно зажмурив глаза. Дейк увидел, как матросы, один за другим стали прыгать за борт, в синее море. Несколько матросов попытались спустить шлюпку, но она застряла, и они тоже попрыгали за борт.

Дейк убрал все иллюзии, сообразив, правда с опозданием, что он зашел слишком далеко. Матросы плыли на запад, прочь от ужаса, к далекой береговой линии. Он попробовал управлять

несколькими из них, но плавание для него было слишком трудной задачей. Всякий раз, когда он отпускал их, чтобы они не утонули, они поворачивались и снова начинали плыть прочь от корабля. Они уплывали все дальше, выходя из-под сферы его влияния.

Капитан упал на палубу. Его лицо стало синеть. Он умер через несколько минут на руках у Дейка. Дейк бросился к рулевому колесу, чтобы развернуть корабль. Он только еще начал поворачиваться, когда двигатель заглох. Корабль застыл на месте. Головы моряков медленно удалялись. Он нашел бинокль капитана, и стал смотреть им вслед. Пока он смотрел, не в силах хоть как-то помочь им, они начали один за другим уходить под воду. Ужас заставил их быстро растратить все силы. Яркая голова помощника держалась на поверхности моря дольше других, но вскоре и она исчезла. Море опустело.

Дейк медленно и внимательно осмотрел весь корабль. На койке в кубрике он нашел кошку, которая старательно вылизывала лапы. В машинном отделении было пусто. Они с кошкой остались на корабле вдвоем. Корабль слабо покачивался на волнах, на столе негромко позвякивали тарелки, в которых остывал несъеденный

обед. Дымилась в пепельнице незатушенная сигарета. Он переоценил их силы. Они не смогли перенести весь этот ужас. Дейк взял капитана подмышки, оттащил его в каюту, положил на койку и сложил ему руки на груди. Корабельный сейф оказался открытым. Он распихал деньги по карманам, расправил запутавшийся канат и с трудом спустил шлюпку на воду. Потом он и сам спустился в нее по канату.

Старый мотор, наконец, завелся. Дейк плыл в полном оцепенении. Непреднамеренное убийство двадцати одного человека. Он вспомнил одного из матросов, начавшего тонуть, который из последних сил, повернувшись к дьявольскому кораблю, сотворил крестное знамение.

Голубая вода плясала и сверкала под ярким летним солнцем. Лодка послушно плыла к далекой полоске западного берега. Приблизившись к берегу, Дейк по широкой дуге обогнул рыбачьи лодки. Он поплыл на юг, подальше от пляжей с яркими пятнами купальников, пока не нашел места, где смог бы незаметно выбраться на берег. Ему уже не был виден корабль, оставшийся в милях позади. Теперь море обогатится еще одной тайной. Еще одна "Мария Селесте", тайна которой тоже никогда не будет раскрыта. И все, что ему

удалось узнать ценой двадцати одной смерти, что нет ничего проще, чем переоценить способность людей воспринимать ужасные видения, в особенности, если они возникают при ярком солнечном свете.

Он направил нос лодки к берегу, в песок, выпрыгнул из нее и, не оборачиваясь, пошел через дюны. Вскоре он нашел узкую дорогу, ведущую на север, и зашагал по ней, одетый в старую рабочую одежду, позаимствованную на борту корабля. Мимо проезжали машины. Он обнаружил, что находится поблизости от Пляжа Нищих, чуть севернее Кейп Мэй. Он пошел в Вилдвуд. К середине дня он был уже в Атлантик-Сити. Там он купил себе дешевый полушерстяной костюм, нуждающийся в починке. Сумерки застали его в переполненном автобусе, въезжающем в предместье Филадельфии. Сожаление и раскаяние переполняли его. Если бы он вел себя тогда, на корабле, сдержанное… кто знает, может быть, ему удалось бы реализовать свой план. Постепенно переубедить всю команду. Показать им сущность противника.

Но если Криндл не смог принять новую для него реальность, мог ли Дейк рассчитывать хоть когда-нибудь на успех с невежественными людь-

ми на борту корабля? Кто поверит ему? Слепой инстинкт толкал его сюда, в Филадельфию, к Патриции. Столкновение с необъяснимым сломало ее. Может быть, она исцелится, если узнает все факты? Она ведь наверняка хочет поправиться. Она верила только в себя, воспринимая остальной мир, как джунгли. Когда же ее сила изменила ей, у нее не осталось других внутренних ресурсов. Ей стало не во что верить.

Он знал, что существовала опасность, что "они" предвидели его желание повидать Патрицию, и поджидают его тут. Чувствуя грозящую ему опасность, Дейк в то же время понимал, что в их отношении к нему не было ничего личного. Наверно, они уже знали, что некоторые люди так нерасторжимо связаны со своим собственным миром, что даже пройдя специальную подготовку, они были не в состоянии принять свое новое назначение, которое в сущности было просто дурацкой игрой с неясными правилами и непонятной целью. Детская игра, в которой у всех, кроме самих агентов, были завязаны глаза.

Когда ночь опустилась на Филадельфию, ее улицы стали наполняться искателями приключений. Электроника сыграла очень злую шутку с жителями Соединенных Штатов. С тысяча де-

вятьсот пятьдесят пятого года телевидение из интересного времяпровождения, превратилась во всеобщее помешательство. Детей стало вообще не оторвать от экранов. Отпала необходимость в поисках друзей, партнеров для игр. Исчезла всякая тяга к интеллектуальным развлечениям. Достаточно было сидеть, смотреть и получать удовольствие. Электронная промышленность выпускала миллионы телевизоров, были построены сотни телестанций. Война заставила электронную промышленность переключиться на другие цели. Одна за другой стали закрываться телестанции. Замолкли сотни, а потом и тысячи телевизоров в домах. И уже не было запасных частей для их починки. После войны последовал недолгий период всеобщего подъема, когда многие станции снова начали работать, понемногу стали чинить и телевизоры на дому. Но постепенно все снова стало погружаться в молчание. Оставшихся мощностей электронной промышленности хватало теперь лишь на тридиториумы. В больших городах еще продолжали функционировать несколько каналов, но общая телевещательная сеть распалась. Отдельные станции просто снова и снова показывали старые фильмы.

В миллионах комнат стояли кубические предметы из полированного дерева с белыми, мертвыми экранами. Но люди, выросшие у этих экранов, уже в основном утратили способность развлекаться самостоятельно. Поэтому они выходили на ночные улицы из своих молчащих домов, чтобы не сидеть в тишине, но сказать им друг другу было нечего. Пустоту и скуку что-то должно было заполнить. Появились фленг, проно и тридиториумы. И, конечно, насилие. Десятиминутные разводы и как результат — детские банды. В то же время нельзя было критиковать систему слишком резко. Критика подпадала под Статью о Нанесении Ущерба Государству.

В телепередаче из Индии рассматривалась возможность восстановления телевизионной промышленности США. Но теперь, когда коммуникационная сеть была разрушена, когда уже почти не оставалось людей с соответствующим образованием, когда не было мощных индивидуальных спонсоров, способных вложить деньги в воссоздание телесети, эта идея выглядела весьма проблематичной. А в Индии не собирались заниматься сомнительными проектами.

Высокий и одинокий, шел Дейк по шумным ночным улицам Филадельфии. Некоторые квар-

талы города были погружены в темноту. Он попытался дозвониться до Патриции и потратил полчаса, прежде чем узнал нужный номер. После десяти протяжных гудков Дейк повесил трубку. Наконец он вспомнил фамилию одного из ее адвокатов и нашел его домашний телефон.

Адвокат некоторое время колебался, прежде чем дал адрес Патриции.

Дейк представился, как мистер Ронсон из Акапулько, который хочет поговорить о продаже отеля, поскольку этим интересовалась мисс Патриция.

— Я полагаю, вы можете поговорить с ней, мистер Ронсон. Но она последнее время совершенно не интересуется делами. Она доверила нам ведение всех ее дел.

— Она была очень заинтересована нашим отелем.

— Если это действительно так, мы будем очень рады. Нам очень трудно удовлетворять желания клиента, который… никаких желаний не имеет. Она сейчас в Глендон Фарм, мистер Ронсон. Это частный санаторий в предместье Веллингтона. Но сегодня вас туда все равно не пустят. Посетителей она принимает только днем. Дейк поблагодарил его и повесил трубку. Он поел —

скорее из необходимости, чем из чувства голода, и снял номер в дешевом отеле. Он лежал на постели в темной комнате и думал о том, почему он хочет увидеть Патрицию. Найти хотя бы одного человека, который поверит ему, которому можно будет рассказать о том, что представляет из себя враг…

Пройдя такую невероятную переделку, он стал совершенно одиноким. Он никогда особенно не зависел от эмоциональных привязанностей. Но иметь полную уверенность, что для любого человеческого существа он стал объектом отвращения и ужаса, а для сверхлюдей бунтарем, подлежащим немедленному уничтожению — вызывало у него такое чувство пустоты и одиночества, что это поразило его самого. Он знал, что может выйти на улицу, найти женщину и вернуться с ней в номер. Но теперь подобное времяпровождение становилось для него фарсом. Это было бы также отвратительно и непристойно, как на фотографиях, где канарейка и кошка объединены сомнительной дружбой. Он мог спуститься в бар, познакомиться с кем-нибудь и проболтать всю ночь, не обменявшись при этом ни единой стоящей мыслью.

Теперь Дейк знал, что по-настоящему общаться

он сможет только с людьми, прошедшими такую же, как и он, подготовку. Только с ними, людьми, которые научились фокусировать и направлять эту невероятную энергию мозга.

Со всеми остальными он будет чувствовать себя, как цивилизованный человек, попавший к дикарям. Он, конечно, снова может стать аборигеном, но тогда ему придется отказаться от удивительных возможностей. Принести в жертву этому невежественному племени знания и качества, которые они не в состоянии даже воспринять, не говоря уже о том, чтобы понять. И всегда его будет преследовать мысль о бездарно утерянных способностях, об отказе от своего истинного предназначения.

Самые близкие отношения, которые у Дейка возникали когда-либо, были с Уоткинсом, во время их короткого совместного тренировочного периода. Доверие и дружба позволяли им убирать защитные экраны и общаться напрямую, не искажая мысли семантическими тонкостями. Говорить обычным способом было легче, да и затраты энергии были несравнимые, но при возникновении каких-то сложных концепций, там где могло возникнуть непонимание, параголос становился незаменим.

Может быть, подумал Дейк, агенты и правы. Если человек, прошедший подобное обучение, не в состоянии принять правила игры, ему лучше умереть. Смерть не может быть большим одиночеством, чем знание, что ты навсегда отрезан от людей, разум которых теперь так не похож на твой. Один раз испытав нечто подобное, отказаться от этого навсегда…

Но он все еще не мог признать своего поражения. Ответ был ясен. Нужно заставить Патрицию понять, и она обратит все свои колоссальные возможности на то, чтобы весь мир узнал о происходящем, о том, что творилось многие, многие годы. Может быть, будет найден какой-то способ для борьбы с ними. Может быть, удастся помешать им играть с будущим земной цивилизации, как с дешевой игрушкой. Но главное — убедить мир в том, что они существуют.

Дейк вспомнил о головах плывущих матросов, крошечных на фоне бескрайнего моря. Он подумал о тех, кто ждет с максимальным напряжением малейших проявлений его новых способностей, чтобы обнаружить его местонахождение, с холодным спокойствием ожидающих его неизбежных ошибок. И Дейк был достаточно честен с собой, чтобы спросить себя, пошел бы

он против них, если бы Карен встретила его с той теплотой, на которую он так рассчитывал.

Глава 14

Сиделка с простым спокойным лицом встретила Дейка в дверях коттеджа, в котором жила Патриция. Коттедж стоял на огороженной территории Глендон Фарм. Сиделка взяла разрешение на посещение, протянутое ей Дейком, и вежливо попросила следовать за ней. Ее накрахмаленная униформа негромко шуршала, ослепляя своей белизной.

За коттеджем был длинный пологий спуск в маленький аккуратный садик.

На темно-голубом одеяле, постеленном поверх упругой, подстриженной травы, лежала Патриция. На ней был изящный черный купальник.

Сиделка остановила Дейка так, чтобы Патриции не был слышен их разговор, и сказала:

— Пожалуйста, постарайтесь не раздражать и не волновать ее. Если вы увидите, что она начинает нервничать, позовите меня. Я буду ждать здесь. Дейк подошел поближе. Патриция лежала лицом вниз, ее загорелая спина золотилась в лучах солнца. Он присел на корточки рядом с одеялом и негромко позвал:

— Патриция?

Она быстро повернулась, приподнявшись на локтях. Прядь блестящих волос упала ей на глаза, и она, встряхнув головой, отбросила ее назад.

— Дейк, дорогой, — сказала она нежно. — Как я рада тебя видеть!

— Ты чудесно выглядишь, Патриция.

— Да, я отлично себя чувствую.

Он с любопытством разглядывал ее. В ее лице что-то неуловимо изменилось, что-то было не так. В нем появилась какая-то нежная детскость. Ее рот и глаза стали мягкими, но что-то ушло безвозвратно. И Дейк понял, что с ней произошло: исчезла твердость характера, уверенность, сила воли. — Патриция, — сказал он смущенно, — ты помнишь… нашу последнюю встречу?

— В ту ночь, когда я заболела? Они сказали, что ты был при этом, дорогой. Я вела себя ужасно?

— Нет. Я имею в виду, что на самом деле ты совсем не больна, Патриция. Ты просто увидела то, что не смогла понять. Но я могу все тебе объяснить.

Она посмотрела туда, где в пятидесяти футах от них, на страже стояла сиделка, выделяясь ярким белым пятном на фоне зелени, и негромко сказала:

— Только не говори ей, что в действительности я ничем не больна. Они ведь делают деньги на моей болезни.

— Что ты имеешь в виду?

Она по-детски улыбнулась Дейку.

— Не будь таким занудой. Если они обнаружат, что я знаю, какую игру они ведут, меня убьют. Ты, конечно, знаешь об этом. — Ее голос был совершенно спокойным. Она просто констатировала факт.

— И что же… ты собираешься делать?

— О, их слишком много! Я ничего не могу поделать. Ты же знаешь! Мне нужно убедить всех, что я им верю. Ты знаешь, они меня уже предупреждали. Они пускают мне в голову электричество и уверяют, что это должно помочь, но это они просто предупреждают о том, как меня убьют, если я не буду делать все, что они мне приказывают. Теперь, когда ты пришел сюда, они и тебя будут здесь держать. Потому что теперь ты все знаешь и сможешь рассказать про них всем. Ты поступил глупо, Дейк, когда решил прийти ко мне. Ужасно глупо. Их слишком много.

— Патриция, я…

Она села, ее голос стал пронзительным, а глаза наполнились волнением.

— Беги, Дейк! Беги, пока не пришли мужчины!

Сиделка быстро спустилась к ним. Дейк встал и отошел в сторонку.

Сиделка сказала Патриции:

— Ну-ну, ляг полежи, позагорай еще. Будь хорошей девочкой, Патриция. Патриция улыбнулась сиделке и послушно вытянулась на одеяле. Она зевнула и, закрыв глаза, сонно пробормотала:

— Пока, дорогой Дейк.

Дейк вместе с сиделкой пошли назад к коттеджу.

— Как она? — спросил Дейк.

Сиделка пожала плечами.

— Время от времени у нее бывают заметные улучшения, но потом, буквально за ночь, все идет насмарку. Видимо существует какое-то воспоминание, которое не дает ей покоя. Мы провели ей два сеанса шоковой терапии. Они приносят ей некоторое облегчение, но не надолго. Вообще-то она ведет себя спокойно и послушно. За все время она только раз вела себя буйно — когда узнала, что ей предстоит еще один сеанс шоковой терапии. Она думает, что ее держат здесь, как в тюрьме. Так часто бывает, вы знаете.

— Она всегда была такой… энергичной, активной.

— Сейчас она охотно ничего не делает. Это тоже часто бывает. Она старается не принимать никаких решений, всячески избегает ситуаций, когда это необходимо.

Дейк вернулся в Филадельфию, назад в свой дешевый номер. Брэнсон смог бы его понять. Но он мертв. Патриция, настоящая Патриция, тоже мертва. И Оливер Криндл. И даже, в некотором смысле, Карен.

Он сидел у края столика, скрестив длинные ноги, и попытался спланировать дальнейшие действия. "Они" не могут быть всюду. В мире должно быть не мало мест, да, наверное, и в Штатах таких мест хватает, где он вне досягаемости, где он сможет спокойно решить, что же ему делать дальше со своей жизнью.

Кто-то должен ему поверить! Странно, каким важным это для него стало.

Он больше не может рисковать, пробуя заставить поверить ему знакомых. Это должен быть совершенно посторонний человек. Его нужно будет самым тщательным образом выбрать. И демонстрацию своих сверхъестественных способностей он должен будет произвести там, где вероятность перехвата будет минимальной.

Он шел по городу, рассматривая лица прохо-

жих, вглядываясь в их глаза столь внимательно, что они начинали чувствовать беспокойство. Его подготовка позволяла ему теперь лучше читать лица. Он видел их пустые заботы, страх, отсутствие цели, стержня. Он отмеривал одну милю за другой. Он не смог найти ни одного человека, чья надежность не вызывала бы у него сомнений. В сумерках он забрел на старый ржавый мост через реку Делавэр. Неужели, думал он, ни в одном городе не найдется человека, лицо которого будет внушать безоговорочное, инстинктивное доверие.

Огни на мосту не горели. В нескольких ярдах впереди Дейк увидел девушку, которая серой тенью стояла у перил моста. Белым пятном мелькнуло ее лицо, когда она стала перелезать через перила.

Он бросился вперед так быстро и бесшумно, как только мог. Она услышала его и попыталась ускорить движения. Дейк крепко обхватил ее за тонкую талию и стащив с перил, поставил рядом с собой. Она стояла очень тихо, с опущенной головой, и слегка дрожала.

— Вы уверены, что хотите сделать это? — спросил Дейк.

— Да, — ответила она еле слышно.

Дейк зажег спичку, защищая ее ладонью от ветра, и, мягко взявшись за подбородок, поднял ее лицо к свету и внимательно посмотрел на нее. У девушки было тонкое юное лицо, измученное и хрупкое. Она отвернулась от него.

— Я все равно сделаю это, — тихо сказала она, — рано или поздно.

— Причина настолько серьезна?

— Конечно.

— Не буду с вами спорить. Я принимаю ваш ответ: да, у вас действительно есть все основания для самоубийства. Как вас зовут?

— Мэри.

— Предположим, у вас будет шанс сделать что-нибудь… что может оказаться полезным, а потом позднее, вы сможете завершить начатое дело. Вас не заинтересует такое предложение?

— Что-нибудь полезное. Странно, что вы употребили именно это слово. У нее был тихий голос, но речь была чистой, артикуляция четкой.

— Вы должны будете принять мои слова на веру. Пока я ничего не могу вам объяснить.

— Осветите свое лицо, я хочу посмотреть на вас.

Он зажег еще спичку. Она взглянула на него.

— Скорбь всего мира, — мягко сказала она.

— Что вы имеете в виду?

— В вашем лице. В ваших глазах. Я работаю… раньше работала в дереве, камне и глине, в любых материалах, которым может быть придана форма. — В последних отблесках заката он увидел, как она подняла руки, сжатые в кулаки. — Ваше лицо подошло бы какому-нибудь древнему герою. А как вас зовут?

— Дейк.

— Я сделаю то, что вы хотите. Но никаких вопросов. Это займет много времени?

— Неделю, или немного меньше. Я пока не знаю.

— Я не знала, что потребуется так много времени.

— Должен сказать вам одну вещь, Мэри. Вы должно быть человек, которому… нечего терять.

— У меня есть один вопрос. В этом есть что-то криминальное?

— Нет.

— Хорошо. Но сначала мне нужно что-нибудь поесть. Я очень голодна.

Они нашли маленький, ярко освещенный ресторанчик, и здесь Дейк впервые смог как следует ее рассмотреть. У нее были длинные, прямые, темные волосы. Она была одета в серый костюм и

белую блузку — все вещи хорошего качества, но помятые. Она была совершенно не накрашена. Дейк почувствовал, что она лишена претензий и тщеславия. Она имела свой собственный стиль. Больше всего Дейка заинтересовали ее руки. Это были хорошие твердые руки, с короткими уверенными пальцами и безукоризненно чистые, как у хирурга.

Она ела с громадным аппетитом, но ее движения не теряли точности. Она была аккуратна, как домашняя кошка. Дейк сидел, курил и смотрел на девушку.

Наконец, он сказал:

— Я не буду вас ни о чем расспрашивать. Но для того, чтобы объяснить вам мое положение, я должен опираться на привычные для вас понятия. Иначе наш разговор не будет иметь никакого смысла. Как вы… воспринимаете жизнь, какое место вы отводите человеку в его среде обитания?

Она сделала гримасу, потягивая суррогатный кофе.

— Человек, — сказала она, — как свободный дух, никогда не имел той свободы, которую он заслуживает, в том мире, где он живет. Он просто дрейфует от одной формы коллективизма к другой. Запреты меняются — а отсутствие свободы

самовыражения остается постоянной.

— А чем вызвано отсутствие свободы?

Она пожала плечами.

— Невежеством, я полагаю. Предрассудками. Тяга к общению на уровне господин-раб. Или самая обычная упрямая тяга к извращениям. Стоит только кому-то выступить с позиции свободного человека, и толпа начинает топтать его.

— Прогресс?

Нас болтает взад-вперед по желобку, как иглу проигрывателя. По плоской поверхности.

— А что, если это входит в чьи-то планы?

— Вы мистик?

— Нет. Предположим существует некий общий план сдерживания человечества, с неизвестной целью?

— Предположим тогда, для определенности, что это некий мыслящий огненный шар или венерианин о девяти ногах?

— Нет. Людьми, которые прошли такую подготовку, что их возможности покажутся вам невероятными.

Мэри всплеснула руками.

— Какое замечательное объяснение всем нашим неудачам! У нас все равно ничего не получится, потому что мы — опытный материал или

что-то подобное. Надо сказать, управляется, в таком случае, наш инкубатор не лучшим образом.

— Я прошел подготовку на другой планете.

Она долго внимательно смотрела на Дейка. Потом взяла в руки ложечку и снова положила ее на стол.

— Самое время сказать, что я — Мэри, Королева Шотландии.

— Если вам это понравится…

— Говорят, что сумасшедшие могут выглядеть как самые серьезные и респектабельные люди. Я ведь тоже, наверное, сумасшедшая. Суицидный комплекс. Кстати, вам известен список существ, которые кончают с собой? Лемминги, конечно. Это общеизвестно. И человек, благослови его Господь. Скорпион, находящийся в ярости, может покончить с собой. И существует еще вид белых бабочек, которые летят прямо в море. Это смерти, не вызванные необходимостью, как скажем смерть паука-самца или крылатого муравья. И все же… я почему-то не могу поверить, что кто-то из нас сошел с ума, Дейк. — Она улыбнулась, достала маленькую потертую фотографию из кармана и протянула Дейку.

Он взял и стал рассматривать ее. Это была фотография, вырезанной из темного дерева фигурки

голодающего ребенка. Торчащие ребра, раздутый живот, а на лице выражение тупого смирения, лишенное и боли и страха.

Мэри негромко и спокойно сказала:

— Я не собиралась ничего рассказывать вам. У меня и в мыслях этого не было. Я очень напряженно работала, слишком напряженно. Я сделала слишком много вещей, которые… стали беспокоить моих почитателей. Очевидно в моих работах было слишком много критики. А критика — подпадает под закон о Нанесении Государственного Ущерба. Вчера они пришли ко мне с постановлением суда. Они разбили все мои работы. Все до единой. И дали мне судебную повестку на сегодняшнее утро. Я не пошла туда. Самоубийство не является жестом протеста. Во всяком случае для меня, Дейк. Это просто утверждение очевидного: я отказываюсь существовать в этом мире. Я что, сошла с ума?

— Не думаю.

— Я не боюсь исправительных работ. И я не боюсь быть осужденной, вы должны поверить мне.

— Я верю вам.

Мэри подняла подбородок с трогательной гордостью.

— Я никогда не боялась ни тех, кто ходит на двух

ногах, ни тех, кто ползает или пресмыкается.

— Для себя я бы сделал небольшое уточнение.

— Какое?

— Меня можно напугать, но запугать меня нельзя.

Она склонила голову набок.

— Пожалуй, мне нравится то, что вы сказали. Ну, а теперь расскажите мне в чем заключалось ваше обучение? Вы теперь можете расправить прозрачные зеленые крылья и взлететь? Простите мне мое нахальство. Все дело в еде. Я опьянела от ощущения сытости. Я ничего не ела со вчерашнего утра, после того, как они пришли.

Дейк наклонился к ней поближе.

— Видите ли, мне необходимо хоть кого-нибудь заставить поверить мне.

— Иначе вы сами потеряете веру? Наверное, для вас, необходимо продолжать верить во все это.

— Похоже, что вы опять думаете о безумии.

— И вы вините меня за это?

— Нет. Но я хочу, чтобы вы были… объективны, когда я предъявлю доказательства.

— Начинайте доказывать.

— Здесь я не могу. И я даже не могу вам объяснить, почему это невозможно именно здесь и сейчас. Вы сразу же подумаете, что у меня мания

преследования, причем в острой форме. Если вы закончили, нам нужно уходить. Мы полетим на запад.

— Взмахивая руками? О, простите меня! Я чувствую, что я на грани истерики. Пошли отсюда.

***

Они сидели в глубоких удобных креслах самолета индийской авиакомпании и ждали взлета. Дейк заметил, что отъехавший было трап, снова подкатывается к самолету. Двое мужчин вошли в самолет, и по проходу направились к ним. Мэри тихонько вскрикнула. Дейк увидел плоские, ничего не выражающие лица полицейских агентов, увидел, что они оба смотрели на Мэри, увидел, как расширяются зрачки у одного из них, когда его взгляд упал на Дейка. Агент быстро сунул руку в карман пиджака, облизывая маленьким розовым языком губы.

Дейк быстро рассчитывал варианты. Вылет на несколько секунд задерживался. Пилот-индиец уже несколько раз поглядывал на часы.

Дейк сжал тонкое запястье Мэри.

— Мне придется продемонстрировать свои возможности раньше, чем я собирался, — сказал он, еле шевеля губами.

Пассажиры были бы сильно удивлены, если бы двое мужчин, чья профессия ни у кого не вызывала сомнения, просто повернулись бы и ушли, не сказав ни единого слова. Дейк выбрал человека, сидящего через проход — разодетого мужчину с наглой белозубой улыбкой. Дейк увидел, как изменяется выражение глаз агентов, когда он безжалостно и мгновенно взял контроль над их разумами. Они повернулись и, меняя координацию движений, схватили разодетого мужчину и вытащили его в проход.

— Эй! — завопил тот, — эй, что вы делаете?

Дейк заставил агентов еще крепче ухватить свою жертву и потащить по проходу к выходу. Разодетый мужчина отчаянно сопротивлялся, делая задачу Дейка еще более сложной. Ему пришлось встать, чтобы лучше видеть, что делается в проходе. Дейк не смог удержать их всех в равновесии, и они покатились вниз по ступенькам трапа. Жертве удалось вскочить на ноги. Но агенты вновь схватили мужчину и потащили дальше, к главному зданию аэропорта.

Трап отъехал в сторону, люк снова задраили, двигатели самолета взревели и он стал выруливать на взлетную полосу. Вскоре они уже были в воздухе, набирая высоту. Дейк понял, что продол-

жает держать Мэри за руку. Он отпустил ее. Она смотрела на него и в ее глазах не было страха.

— Они пришли за нами, да?

— Да.

— Вас они тоже хотели арестовать. Я видела это в их глазах.

— Да.

— Вы загипнотизировали их. Я поняла это по тому, как они двигались. У них была такая странная походка. Они еще долго… будут такими?

— Как только они выйдут из сферы моего влияния, они придут в себя.

— А они не потребуют вернуть самолет назад?

— Не думаю. В любом случае, они не захотят связываться с авиакомпанией Индии. И я знаю, как эти люди рассуждают. А что касается человека, которого они вытащили из самолета, то мне пришлось почти мгновенно выбирать. Агенты не смогут объяснить, зачем и почему они сделали это. Значит, они постараются изо всех сил найти в его прошлом что-нибудь, подпадающее под Закон о Нанесении Государственного Ущерба. Могу спорить, что в своем рапорте они и не упомянут, что вы были в самолете или, тем более я. Всякая неудача подобных агентов расценивается, как Нанесение Государственного Ущерба, вы же

знаете.

— Значит, мы в безопасности?

— Только от полицейских агентов. Но не от… других.

— Кто они?

(Вы верите мне, когда я утверждаю, что проходил подготовку на другой планете?) — Да, Дейк, я… как, черт возьми, вы это сделали?

(Я ведь побывал там, где возможно еще и не такое.) — Возьмите меня за руку. И сожмите покрепче, чтобы я могла почувствовать боль.

— Зачем?

— Я хочу убедиться в том, что я все-таки не спрыгнула с моста через Делавэр. Что все происходит здесь, на Земле, а не в серой мгле, которая наступает после жизни.

Дейк сильно сжал ее ладонь, так что она даже негромко застонала.

— Теперь мне стало немного лучше, — сказала Мэри с улыбкой.

— Это те, кто прошел такую же подготовку, как и я. Они управляют нашим миром. Я не могу заставить себя поверить в… их мотивы. Я думаю, за ними стоит зло. И, несомненно, наказание за непослушание — смерть.

— Кажется есть миф о боге, который спустился

с Олимпа, чтобы жить среди людей.

— Люди ненавидят богов и боятся их. Я быстро понял это.

— Но я не боюсь вас. И я не испытываю к вам ненависти. Просто… что-то вроде благоговейного восхищения. Могут ли они… найти вас?

— Они могут поджидать нас в аэропорту Денвера, там где будет наша первая остановка. Так что у нас остается мало времени.

— Что еще вы можете делать?

— А что мы делали в аэропорту, пока ждали вылета?

Она нахмурилась.

— Гуляли, разговаривали.

— Вы в этом уверены?

Дейк быстро взял контроль над ее разумом. Ее глаза померкли. Ее руки неподвижно застыли на коленях. Он дал ей новые, лучшие воспоминания. Огромная сверкающая зала под открытым небом, оркестр, играющий только для них двоих. Дейк одел ее в серебристо-голубое бальное платье, идеально подчеркивающее совершенство ее фигуры. Музыка Вены, небо со множеством звезд и долгий танец, глаза в глаза.

Потом Дейк отпустил ее. Глаза Мэри медленно сфокусировались. Она с нежностью посмотрела

на него. Потом вздрогнула и покраснела.

— Изумительно, Дейк. Я танцевала как во сне. Легко, безо всяких усилий. В жизни я всегда наступала партнерам на ноги.

— Но все было по-настоящему Мэри. Вы ведь верите, что это произошло. Значит, так оно и было.

Она кивнула, серьезно как ребенок.

— Да, все это было.

— Сделать что-нибудь волшебное?

— Да, все что только возможно!

— Посмотрите на ваши руки.

Он покрыл ее руки кольцами с огромными изумрудами и бриллиантами. Она потрогала камни.

— Они… настоящие.

— Конечно. Но не всякое волшебство приносит радость.

Все кольца, кроме одного с изумрудом, исчезли. Он превратил его в маленькую зеленую змею, которая плотно обвилась вокруг ее пальца, подняв маленькую головку с неподвижными глазами и трепещущим раздвоенным розовым язычком.

Мэри резко вздрогнула, но потом стала спокойно смотреть на свою руку.

— Да, волшебство вовсе не обязательно должно быть радостным. Просто оно должно быть… волшебным.

— Вы в него верите?

— По легенде, Дейк, нужно было продать дьяволу свою душу, чтобы овладеть сверхъестественными силами.

— Я отказался продать душу. Вот почему мне придется расплачиваться жизнью.

— То есть отдать то, с чем я готова расстаться добровольно, — она прикусила губы и продолжала, — я как ребенок с новой игрушкой — никак не могу с ней расстаться. Те двое, из аэропорта — они будут помнить то, что случилось?

— Только то, что произошло до того, как я начал контролировать их действия.

— Признается ли команда самолета, что они совершили незапланированную посадку.

— Трудно сказать… но…

— Вы можете контролировать всех пассажиров?

— Одновременно — нет. Но я могу усыпить их, одного за другим, и дать им мощный импульс, чтобы они продолжали спать. Но я не умею управлять самолетом. Поэтому, я не могу контролировать пилота.

— А можете ли вы заставить его поверить, что он слышал приказ о посадке, так, как вы заставили поверить меня в этот… танец.

Дейк обдумал ее предложение.

— Да, так можно сделать. Правда потом возникнет необходимость стереть весь этот эпизод из их памяти.

Когда-то рядом с Чейн Велли была большая военная база. Теперь осталась одна посадочная полоса для экстренных посадок. Самолет коснулся колесами земли и, через некоторое время, остановился. Обильный пот выступил у Дейка на лбу от интенсивности и разнообразия усилий, которые ему пришлось приложить. Люк самолета, не без помощи Дейка, открылся. До жесткой поверхности посадочной полосы было футов тридцать. Все пассажиры самолета заснули, экипаж тоже крепко спал. Они на цыпочках шли по проходу, разговаривая шепотом. Дейк нашел лесенку для аварийных посадок и опустился по ней вниз. Потом помог Мэри.

Откуда-то появился мигающий свет фонарика. Из тени появился плотный человек в полувоенной форме цвета хаки.

— Что здесь происходит? — спросил он.

Дейк не стал тратить на него много времени. Он сразу резко овладел его сознанием и заставил отойти в сторону и застыть с остекленевшими глазами. Он взял Мэри за руку и побежал с ней

через посадочную полосу. На бегу он оглянулся и посмотрел на освещенную кабину пилота. Команда стала просыпаться, недоуменно озираясь.

Дейк и Мэри спрятались в траве, наблюдая за самолетом. Через несколько минут самолет развернулся и, пробежав по посадочной полосе, взлетел в небо.

Глава 15

В пустыне ночи прохладные и сухие, а дни яркие, ослепляющие. Они жили в старой шахтерской хижине, заброшенной, еще когда была выработана жила. Мэри раз в неделю ездила за продуктами в городок, расположенный в восьми милях от их жилья. Топливо было проблемой, не хватало воды, да и деньги скоро должны были кончится. Но идиллический день сменялся бледно-серебряной ночью, полной звезд. Они садились на отколовшемся куске скалы, еще теплом от лучей солнца. И он гадал, где же он все-таки был, на какой из далеких планет, плывущих в бескрайнем небе. Мэри носила джинсы и белую рубашку и ходила босиком, пока ее стройные ноги не загорели до черноты, а ступни не задубели. Под горячим солнцем у нее выгорели брови и ресницы, а кончики волос порыжели. Ее лицо стало красновато-коричневым. Дейк любил наблюдать за ней. Они часами бродили по выжженной, твердой земле. И они разговаривали, разговаривали обо всем на свете.

Мэри никогда не пыталась заставить его что-ни-

будь сотворить. Крошечный Блок Б завораживал ее. Он рассказывал ей в какой последовательности нужно крутить колесики, попытался научить ее пользоваться им. Она пробовала и пробовала до тех пор, пока не доходила почти до слез.

— Я никак не могу отделаться от ощущения, что это невозможно. Вот если бы я смогла принять эту мысль безоговорочно… Сделай это еще раз, Дейк. Я хочу еще раз посмотреть.

И, наконец, она отказалась от дальнейших попыток. Ее улыбка казалась немного вымученной.

Они придумали другую игру. Мэри говорила:

— Я встретилась с ним, когда занималась в Сарасате, сразу после Кореи. Рост около пяти футов и шести дюймов, вес сто семьдесят фунтов. Лысеющий, с мягкими светлыми волосами. Большие нежные голубые глаза, нос картошкой, сморщенный маленький рот и два подбородка. Он стоял очень прямо, так что живот сильно выпирал вперед, а когда он думал, как он будет что-нибудь объяснять, он начинал посасывать зубы. Он носил белые брюки с широким поясом и темные рубашки с короткими рукавами.

— Похоже? — спрашивал Дейк.

И она с неожиданным восторгом всплескивала

руками или вдруг жмурилась и говорила:

— Что-то здесь не то. Дай-ка мне подумать. Да, у него лоб был не такой.

И Дейк исправлял иллюзию до тех пор, пока она не была удовлетворена, а он фиксировал этого человека в памяти, так что мог в любой момент, по ее желанию вновь воспроизвести его. Однажды они устроили прием. Дейк сделал иллюзию всех людей, которых она описала за все время. Ему пришлось напрячься почти до предела своих возможностей. А Мэри ходила между ними, то изображая радушную хозяйку, то говорила им что-нибудь совершенно невозможное.

Потом она вдруг начала смеяться, села на песок и смех превратился в слезы, и она спрятала заплаканное лицо в колени. Дейк уничтожил все иллюзии и, подойдя к ней, встал рядом на колени и погладил ее по плечу.

— Что случилось?

Мэри подняла к нему заплаканное лицо и попыталась улыбнуться.

— Я… не знаю. Я вдруг почувствовала как будто я… здесь с тобой, как любимый щенок или забавный котенок, или еще что-нибудь в таком роде. А ты бросаешь мячик или палку, чтобы я принесла ее тебе, виляя хвостом.

— Нет, все совсем не так.

— Дейк, что мы здесь делаем?

— Мне нужно, чтобы кто-нибудь поверил мне. Принял бы меня без страха и без ужаса. Мне было совершенно необходимо найти кого-нибудь, найти тебя. — Но я не могу ничему научиться. Я… как тот щенок.

— Ты хочешь получить ответ, честный до конца?

— Да, до конца, Дейк, — мрачно сказала Мэри.

— Я ощущаю вину, так как есть вещи, которые я могу делать, а ты нет.

Вина заставляет меня негодовать. Я страшно огорчен из-за твоей неспособности научиться всему этому.

— Я тоже буду честной. Я завидую тебе. А от зависти — один шаг к раздражению, от раздражения — к ненависти. Я все время повторяю себе: "Почему они выбрали его? Почему они обучили именно его? Почему не меня?" Понимаешь?

— Понимаю, Мери. Я рассказал тебе… всю свою жизнь. День за днем. Ты знаешь, как все произошло.

— Да, я знаю, как все произошло. И я наблюдала за тобой, Дейк. Я наблюдала, как ты сидишь, уставясь в пустоту, а на лице у тебя такое странное,

немного удивленное выражение. Ты ведь не все мне рассказал, не так ли?

Сидя на корточках, Дейк набрал полную пригоршню горячего от солнца песка и медленно пропустил его между пальцами.

— Эти недели, проведенные здесь... я впервые за все последнее время получил передышку. Первый раз у меня появилась возможность спокойно поразмышлять. Мой разум двигался снова и снова по какому-то безумному кругу, и всякий раз я оказывался перед парадоксом, который был не в силах разрешить, натыкаясь на непроходимую стену.

— Мне кажется, я знаю, о чем ты говоришь. Но лучше скажи об этом сам.

Он набрал в руку еще одну пригоршню песка и с раздражением отбросил его в сторону.

— Вот в чем здесь дело. Разум и дух вероятно... неразделимы. На тренировочной базе Т меня обучали люди, пользуясь неземной системой обучения. Их способ покорения пространства, этот Блок Б, странные черные здания — все это пришло из иной чуждой нам цивилизации, намного превосходящей нашу, земную. Но их главные достижения сделаны в области мозга, его огромной, неиспользуемой энергии. Если ра-

зум и дух — даже, я думаю, лучше сказать разум и душа — если они неразделимы, тогда всякое увеличение мощности разума должно предполагать большое благородство души. И если это так, то почему же тогда люди, прошедшие такую подготовку, оказывают столь неблагоприятное влияние на человечество. Большее знание должно порождать еще большее понимание добра и зла. Почему же тогда они не превратили Землю в достойное, безопасное место, где можно было бы безопасно жить? Я знаю, что обладая теми качествами, которые у меня сейчас есть, если бы к тому же я был единственным человеком на Земле с этими качествами, я мог бы привести эту планету к невиданному в ее истории процветанию. Если я это в состоянии сделать один, почему они этого давно не сделали раньше? Я думаю, что я не единственный, кто способен на проявление доброй воли. Я видел, как люди проходили обучение одновременно со мной. Я видел, как они изменялись. Я видел невежественную испанскую девушку-цыганку, которая из существа, действовавшего на инстинктивном, животном уровне, превратилась в разумного человека, тонкого, искреннего, способного воспринимать абстрактные идеи и концепции. Я решил, что вся операция в

целом несет зло. Но теперь я начал сомневаться в своей правоте. Я чувствую — что-то все время ускользает от меня.

— У меня уже давно такое чувство, Дейк.

— В чем же тогда заключается ответ?

— Ответ должен быть. Ты просто не смог найти его.

— Почему тогда они сами мне его не дали?

— Может быть, ты должен сделать последний шаг сам. Может быть, они и так дали тебе достаточно фактов. Он криво улыбнулся.

— Значит, мне нужно продолжать думать?

— Конечно. И если ты найдешь ответ, тебе нужно будет вернуться к ним.

— Она встала и стряхнула с себя песок. Пройдемся?

— Давай.

— Сделай мне мираж, Дейк.

— Какой?

— На том склоне. Что-нибудь прохладное, манящее.

Он сделал большие старые деревья, дающее густую почти черную тень, и прозрачный фонтан. Мэри взяла его за руку и они пошли по сухому сыпучему песку.

— Нет, не щенок, — сказал он вдруг. — Что-то

очень важное, в чем я нуждаюсь. У Патриции была часть этого, когда-то. Что-то было у Карен. И у цыганки что-то было. Я даже не знаю, как правильно сформулировать, в чем это заключается. Сила и нежность. Но сильным людям почему-то всегда не хватает нежности и теплоты. А у теплых, мягких людей слишком часто абсолютно отсутствует воля. Моя жена была… такая, как надо. И ты такая же. Я люблю тебя.

— Почеши мне за ухом и брось палку, я принесу ее тебе.

— Прекрати!

— Ну как же ты не понимаешь? Вспомни, что тебе говорили, когда ты учил арифметику. Нельзя складывать апельсины и яблоки. Прежде чем складывать дроби, нужно сначала привести их к общему знаменателю. Я не могу стать такой как ты. Ты не можешь деградировать и стать таким как я. Я буду с тобой до тех пор, пока ты будешь нуждаться во мне, но мое отношение будет… жертвенным.

— Ты говоришь страшные вещи.

— Я хочу, чтобы ты понял свою отъединенность. Ты способен любить обычного человека только снисходительно. Тебе отчаянно хочется, чтобы я могла говорить с тобой параголосом, как

ты со мной. Но я не могу. Так что мы никогда не сможем общаться на том уровне, который стал тебе так необходим. А без этого я просто теплая, говорящая кукла. Нажми на нужную кнопку, и я скажу: "Я люблю тебя, Дейк". Механически и без всяких чувств. Но я никогда не смогу сказать это… так, как ты.

— Но ты любишь меня?

— Естественно. Щенки всегда привязаны к своим хозяевам. С дурацким обожанием.

Разозлившись, Дейк быстро пошел вперед. Потом он остановился и посмотрел на Мэри. Она стояла неподвижно и смотрела на него. Он отвернулся и полез через большой коричневый камень.

(Осторожно! Змея!) Краем глаза он увидел свернувшиеся на солнце кольца и отчаянно отпрыгнул в сторону, почувствовав сквозь брюки прикосновение плоской головы с разинутой пастью. Это оказалась гигантская гремучая змея, толщиной с бицепс. Змея свернулась кольцами, неспешно повернулась и поползла под коричневый камень — медленная тягучая смерть.

И только, когда змея уползла и сердце его еще продолжало бешено колотиться, Дейк понял, что все это означает. Он посмотрел на Мэри, стоящую

в сотне футов от него. Она высоко подняла подбородок, а ее руки неподвижно висели вдоль тела.

Дейк медленно подошел к ней, неотрывно глядя в лицо. Но по выражению ее лица ничего нельзя было понять.

— А как же та ночь, на мосту?

— Я все время была с тобой, Дейк, с того момента, как ты посетил Глендон Фарм.

Он почувствовал отвратительный вкус во рту.

— Значит я был для тебя очередным заданием, не так ли?

— Да. Я сейчас должна была просто закричать. Но я не успела подумать. Параголос быстрее и… это тебя спасло. Я успела подумать только об этом. — Ты объяснишь мне… все?

— Пошли обратно.

В молчании они пошли назад, к своей хижине. Там они сели в густую прохладную тень у стены.

Дейк грустно усмехнулся.

— Наверное, тебе было очень смешно, когда я демонстрировал свои маленькие трюки.

— Это было очень мило, трудно только было так долго жить, не используя экраны.

— Какое замечательное слово — "мило". И ты была очень милым щенком.

— Давай-ка избавляйся побыстрее от горечи,

Дейк.

— Но самое смешное, что предмет твоего задания влюбился в тебя.

— Ты закончил?

— Что все это, наконец, значит?

— Тебя очень тщательно изучали. Существует парадокс, о котором ты не знаешь. Те, кто с наибольшим трудом проходит через все испытания, кому приходится балансировать на грани безумия — они-то и представляют для нас главную ценность. Взять, например, цыганку. Она очень легко прошла испытания. И скорее всего она так и не продвинется дальше Первой Ступени. Только те, кто прошел по самому краю, со временем достигают Третьей Ступени. Когда-нибудь, Дейк, и ты добьешься этого. Я знаю, что мне никогда не подняться выше Второй Ступени. Теперь ты знаешь, что такие, как ты попадаются крайне редко и представляют очень большую ценность.

— Большое тебе спасибо, — сказал Дейк с иронией.

— Карен должна была запустить тебя. И она прекрасно справилась со своей задачей. Ты не столько боишься смерти, сколько боишься умереть, не узнав ответа на вопрос, который Уоткинс называл главным, великим откровением.

— Почему мне разрешили сбежать?

— Потому что существует позиция, которую ты должен сохранять многие годы. Она не может быть навязана тебе, без ограничения твоей эффективности. Это такое равновесие и философия, которые ты должен обрести сам. Только тогда ты будешь готов для работы. Ты уже немало приобрел здесь, в пустыне, со мной.

— Эта философия состоит из каких-то определенных частей?

— Все меняется для каждого индивидуума, Дейк. Но одно из самых фундаментальных положений, однако, общее: ощущение и правильное понимание собственной отчужденности. Я думаю, ты достиг этого. Люди ненавидят и боятся любых отклонений от нормы, и, если могут, уничтожают их. Так что твои отношения с людьми, после произошедших с тобой мутаций, должны напоминать отношение родителей к детям.

— Я чувствовал… жалость, отстраненность.

— Ты сможешь достигнуть взаимопонимания только с теми из твоих детей, которые смогут под твоим влиянием стать… взрослыми. Ты сам только теперь стал по-настоящему, взрослым.

— При весьма бессердечном отношении к детям?

— Только время постепенно может изменить твое отношение к ним, стирая старые, привычные границы восприятия.

— Почему?

— И какого ответа ты ждешь на свой вопрос?

Дейк немного подумал.

— Не будет ли это главным вопросом-откровением Уоткинса?

— Да.

— Где он сейчас?

— В бегах, как и ты. Может быть, он уже вернулся. Он убежал не от страха смерти, а из-за болезни никогда не узнать правильного ответа.

— Ты можешь дать мне ответ?

Мэри долго смотрела на него.

— Я должна убедиться в том, что ты готов, Дейк. Я должна быть уверена, что ты сможешь принять его. Возьми меня за руки.

Они повернулись, глядя в лицо друг друга. Ее губы медленно задвигались.

— Убери экраны, Дейк.

Он совершенно потерялся в ее глазах. Исчез. И оказался в удивительном месте. Он ощутил невиданную близость, слияние с другим существом, такую теплоту, существование которой он и представить себе не мог. Это была близость, далеко

превосходящая близость слияния тел. Это было слияние разумов, когда души стали одной душой; высокое невероятное переживание, поднявшееся над временем и пространством.

Потом он почувствовал, что они отпускают друг друга, снова разделяясь на два различных существа.

— Я так давно этого ждала, — мягко сказала она. Ее голос дрожал, а глаза были полны слез. — Я знала, что все у нас… получится.

— Теперь я готов?

Ее губы искривились.

— Главный ответ будет совсем не таким, Дейк.

— Мне кажется, я предчувствовал это. Может быть, очевидные ответы всегда разочаровывают.

— Подожди. Это история, Дейк. Человеческая история. История галактического человека, его борьбы с окружающим миром, с вырождением. Галактическая цивилизация насчитывает более ста тысяч лет. Когда-нибудь ты сможешь подробнее ознакомиться с ней. Это часть обучения на Второй Ступени. Центральные миры росли, учились, воевали друг с другом, объединялись, заключали мирные договоры, поглощали планеты и целые звездные системы, пока, наконец, не достигли культурной зрелости. Каждая гу-

маноидная культура сделала свой вклад. Для простоты, будем называть весь союз — Империей. Теперь, что касается термина "гуманоид". Если уж говорить по существу, я не должна была бы использовать именно это слово. Во всей Галактике отличия среди обитателей разных планет очень невелики. Мы все люди. Ты видел несколько видов на тренировочной Базе Т.

— Они вели себя немного… подобострастно.

— Естественно. Одна культура, которая является частью Империи, называется Сенарианской. Именно они смогли развить математику до такого уровня, что появилась возможность предсказывать будущее: совершенство экстраполяции, неизбежный конечный результат всей математической науки. Время шло. Много тысяч лет назад Сенариане пытались решить проблему, которая становилась все более серьезной. А началось все очень просто. Было замечено, что когда новые культуры начали входить в состав Империи, главные административные посты Империи, где требовалось принимать важнейшие решения, стали занимать представители тех культур, которые последними вошли в состав Империи. После смены нескольких поколений мирного и спокойного существования, новички теряли вкус

к конкурентной борьбе, и больше не годились не ведущие роли. Все шло хорошо, пока оставалось достаточное количество новых цивилизаций, еще не вошедших в Империю: они обеспечивали достаточный приток новых лидеров, жизненная энергия которых позволяла избежать стагнации. Но Сенариане спросили у своих огромных компьютеров, что будет, когда приток новых лидеров из новых миров истощится?

Ответ оказался обескураживающим для Империи. Лидеры не могут появится там, где царит мир и благоденствие. Настоящие лидеры формируются только там, где существуют конфликты, процветают невежество, насилие, ненависть. Только там, где есть борьба за выживание, конкуренция, могут возникнуть новые лидеры. В Империи нет конкуренции. Скоро в Империи не останется людей, способных достойно управлять ею. Прогресс прекратится.

Тогда был задан следующий вопрос. Каковы будут результаты прекращения прогресса? Уничтожение, распад Империи. Чуждые жизненные формы из других галактик уничтожат нашу цивилизацию. С ними невозможно будет вступить в контакт, настолько чуждой окажется их культура. Только движение вперед обеспечит

необходимое увеличение мощи Империи, которое позволит защитить нашу Галактическую Цивилизацию.

Тогда компьютеру был задан третий, последний вопрос: что можно сделать? На сей раз машине потребовалось на размышление гораздо больше времени. И логика последнего ответа была несокрушимой. Нужно оставить одну из планет в варварском состоянии. Поддерживать на ней непрекращающиеся конфликты. Исключить проникновение любой информации о существовании Империи и о назначении самой планеты. Но в тоже время не давать ей уничтожить саму себя. Не дать ее обитателям выйти в космос далее их собственной солнечной системы. И пусть на планете не прекращаются бесконечные бессмысленные конфликты, и тогда она обеспечит Империю лидерами. Берете тех мужчин и женщин, которые будут оказываться в самом горниле кипящего котла конфликтов, изымайте их, обучайте их, — и вы получите настоящих лидеров для Империи.

Дейк в молчании долго смотрел на нее.

— Значит все эти… тысячи жертв, на протяжении всей нашей истории… это просто результат вашей деятельности? Питомник для выведения

нового вида? Тренировочная площадка?

Мэри гордо посмотрела на него.

— Много больше, Дейк, много больше. Земля — сердце Империи. Правитель. Судьба всей Галактики. Люди Земли правят бесчисленными звездами. Они правят справедливо, твердо, безжалостно. Под предводительством Земли Империя движется вверх по бесконечной лестнице прогресса, набирая силу и мощь, которые сделают нас свободными навсегда.

— Почему для этих целей была выбрана именно Земля?

— Потому что, здесь люди сильнее, чем где бы то ни было. Все естественные условия сложнее, гравитация выше нормы, климат изменчивее, природа более жестока.

— Но я…

— Хватит, Дейк. Не сейчас. Ты должен обдумать все, что я тебе рассказала. Ты должен понять, что твоя лояльность теперь должна принадлежать людям Империи, а не людям Земли. Но ты всегда должен гордится и Землей, и своим происхождением. Мы поговорим с тобою позже, когда ты все спокойно обдумаешь.

Глава 16

Он одиноко и бесцельно шел куда-то. Он стоял на вершине холма и смотрел, как красное солнце садится за далекими голубыми скалами. То, что он узнал, полностью перевернуло его представления об окружающем его мире, его политические взгляды и мораль, как будто кто-то сжав его мозг, могучими руками, выжал его, как губку.

Все теперь в его убеждениях нуждалось в уточнении и переосмыслении.

У Земли была своя история, свои имена, вехи. Александр, Ганнибал, Наполеон, Гитлер, Сталин, Муссолини. И, подумал он, Христос. И Будда, и Мохаммед, и Вишну. Добро и зло, ведущие бесконечную битву, которая обречена на ничью. Котел должен непременно кипеть. Четыре всадника продолжают свой длинный, не знающий конца путь по растерзанной земле. Миллион людей гибнет в мучениях за каждого, кого отберет для своих нужд Империя. Массовая, холодная и рассчитанная жестокость, во имя… блага бесчисленных цивилизаций Империи.

Он сидел на камнях и, с вершины, наблюдал

за появлением звезд, за тем, как быстро наступает ночь в пустыне. О люди Земли, ведомые в безумном танце смерти, для того, чтобы никогда не прекращался бал на небесах… Дейк услышал легкие шаги. Мэри подошла и встала у него за спиной.

(Я знаю, как это трудно.) (Что я буду чувствовать потом, когда я смогу окончательно принять новую реальность?) — Радость, Дейк, восторг. Гордость и смирение. Все лучшие проявления человеческого духа.

— Ответишь на мои вопросы? Я опять зашел в своих рассуждениях в тупик.

— Конечно.

— Зачем меня отправили обратно на Землю?

— Здесь ты проходишь подготовку для выполнения будущих обязанностей. Логика, умение анализировать, действовать, быть гуманным. Все это будет необходимо потом. За хорошую работу ты будешь получать очки. Когда наберешь достаточное количество очков, ты пройдешь обучение на Вторую Ступень, и снова вернешься на Землю. Позднее, если все пойдет для тебя хорошо, ты будешь послан для обучения на Третью Ступень. И, снова успешно потрудившись на Земле, ты получишь административный пост

в Империи, которому ты будешь лучше всего соответствовать.

— Сколько мне еще придется пробыть здесь?

— Это будет зависеть от твоих успехов. От двадцати пяти до тридцати лет.

— Их лет?

— Земных лет. Или от двух с половиной до трех наших, по реальному воздействию времени на нас.

— Это вызывает у меня восторг. И чувство вины. Я получил слишком драгоценный дар.

— Но в нем нет ничего мистического. Это просто результат развития медицины. Продолжение того, что делается здесь на Земле.

— Еще вопрос. Похоже, что существует две или даже более противоборствующие группы. Я не понимаю, зачем это нужно?

— Может ли человек, не прошедший нашей подготовки, быть для тебя достойным противником?

— Н-нет, но…

— Может ли человек сыграть прекрасную партию в шахматы сам с собой?

— Нет.

— Конфликт порождает изобретательность. Противоборство приводит к самым случайным,

непредсказуемым ситуациям, которые обычному человеку вряд ли придет в голову трактовать, как вмешательство иных цивилизаций. Ты набираешь очки за победы, и ты платишь штраф, как Карен, за неудачи. И всегда ты должен наблюдать. Наблюдать за людьми, достигшими максимума во всех областях человеческой деятельности. Лучшие сенаторы и политики, артисты и ученые, торговцы и инженеры. А еще люди, оказавшиеся наверху в результате конкурентной борьбы, сумевшие преодолеть последствия тяжелой психической травмы. И если необъяснимое не сводит их с ума, из них получаются лучшие рекруты.

— Почему же тогда не был привлечен Дарвин Брэнсон? Его ведь убили, не так ли?

— Он был очень серьезно болен, и болезнь зашла уже слишком далеко. Мы ничего уже не могли сделать, ему оставалось не более шести месяцев. А самое главное: только последние три года своей жизни он достиг заметных успехов и стал выделяться среди других. Поэтому и мы обратили на него внимание слишком поздно.

Дейку потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить услышанное. Наконец, он беспокойно зашевелился. Мэри присела рядом с ним.

— Мне нужно так от многого отказаться, —

сказал Дейк. — От лояльности к своей стране. Это очень трудно, ты же понимаешь. И теперь я знаю, что она была ослаблена из-за… того, что мы сделали.

— Приятно услышать это слово. Мы. Теперь ты стал гражданином Империи.

А сейчас ты вот о чем должен подумать. Количество новых рекрутов из каждой страны прямо пропорционально количеству трудностей, которые эта страна переживает. Когда в Индии была нищета, голод и смерть, мы нашли там множество подходящих для нас людей. А во времена процветания в Соединенных Штатах было трудно найти людей, закаленных тяжелыми испытаниями. Сталь закаляется в огне. Цивилизации расцветают и гибнут. Страны, переживающие период расцвета, крайне редко порождают достойных лидеров. Видишь, тебе придется изменить все твои взгляды, Дейк. Добро становится слабостью. Зло — силой.

— Не слишком ли такой подход рационалистичен?

— Жизнь так устроена. Только такой подход позволяет выжить.

Они пошли назад к хижине, ступая по песку, серебристому под светом звезд. Где-то далеко завыл

койот, завыл с непередаваемой горечью и тоской. Дейк почувствовал, как вздрогнула Мэри.

— Утром мы отправимся назад, — спокойно сказала она.

— Да, завтра утром, — ответил Дейк.

Они остановились перед входом в хижину, чтобы посмотреть на звезды.

Он держал ее за руку, чувствуя мягкое прикосновение ее разума. Они стояли, снова слившись в одно целое, и он впервые почувствовал себя посвященным. Он начал постигать новое мироощущение и новую философию, которая должна будет поддерживать его среди жестокости все долгие годы служения труднодостижимой мечте.

Глава 17

Шофер такси был полный, раздраженный и разговорчивый.

— Похоже, ребята, вы были на западе. Это видно по загару. Здесь, или во Флориде никогда такого загара не будет. Господи, ну и жара здесь стояла в августе. А влажность! Как бы я хотел оказаться там, где нет такой влажности.

— Да, там жара гораздо легче переносится, — сказала Мэри.

— Это уж точно, леди. Этот город летом сходит с ума. Все алкаши начинают спать в парках. Банды любителей проно шныряют по городу и режут всех подряд. Началась новая война между продавцами фленга, они знай бросают друг в друга бомбы. Боже, что это был за месяц! Слышите, как стучит движок? Приходится заправляться керосином, да и керосин совсем паршивый.

Водитель выругался и стал отчаянно крутить руль, чтобы не столкнуться с большим, красивым автобусом с туристами из Пак-Индии.

— Они думают, что им принадлежит все, — злобно сказал он. Потом пожал плечами, и

мрачно добавил. — Может, так оно и есть, если подумать.

— И много туристов летом? — спросил Дейк.

— По мне, так даже слишком. Я не знаю, зачем они сюда приезжают. У меня есть приятель со связями. Он все старается эмигрировать. Хочет держать такси в Бомбее, с партнером-сикхом. Но у него ничего пока не получается. У них на таксистов маленькие квоты, туда почти невозможно попасть.

— А вы хотели сделать то же самое?

Водитель повернулся назад и сердито посмотрел на них.

— А почему бы и нет? Что я здесь забыл? Только три дня в неделю у меня есть топливо. У меня четыре пустых поездки на одну по делу. И даже эта развалина не принадлежит мне. А какое здесь будущее? Я у вас спрашиваю. Когда я был мальчишкой, все было по другому. Мой старик имел шесть машин. И он держал их в порядке. А бензину было — залейся. — Он остановился перед светофором и, повернувшись к Дейку, вопросительно посмотрел на него. — Что с нами случилось? Вы когда-нибудь пытались понять? Куда все исчезло?

— Это война.

— Так все говорят. Не знаю. Но, похоже, если у нас дела пойдут получше, нам опять дадут по мозгам. Что-то нам все время мешает. Кто-то все время мешает. Кто-то все время раскачивает лодку.

— Но потом ведь кто-то собирает осколки? — спросила Мэри, улыбаясь.

— Леди, в этом мире ты должен помогать себе сам. — Он снова медленно поехал, ругаясь на проезжающие мимо машин. — Вы знаете, что я понял?

— Что же? — послушно спросила Мэри.

— Я понял, что мы теперь можем рассчитывать только на этих парней, которые строят атомные ракеты. Они работают день и ночь. Что нам не хватает — так это ресурсов. Возьмем, скажем, Марс или Венеру. Могу спорить, что там полно угля, нефти, железа, меди и всего, что только нам может потребоваться. Необходимо лишь первыми добраться туда и застолбить это дело. Тогда с нами все будет в порядке.

— А если нам никогда не удастся покинуть Землю?

Плечи таксиста опустились. Он сказал устало:

— Вы знаете, мистер, я даже и думать об этом не хочу. Это будет означать, что мы застрянем

здесь. Но теперь все совсем не так, как было раньше. Мой старик часто брал меня на стадион. И орал там так, что голос срывал. А я могу теперь? Кто будет болеть за этих пустоголовых девиц, играющих в софтбол, я вас спрашиваю? Это прекрасное старое время прошло, поверьте мне. У нас было телевидение, и бейсбол, и бензину сколько хочешь. Всякий раз, когда я вижу этих индийцев, я чувствую, как будто мы какие-то дикари, у которых из носа торчат кольца. Мы для них — экзотика, мистер. Некоторое время они ехали молча. Когда они уже подъезжали к дому, водитель сказал:

— Когда кругом были летающие тарелки, мой старик говорил, что пришло время марсианам брать власть. Старик кое-что понимал, не так ли? Знаете о чем я думаю?

— Что? — спросил Дейк.

— Я думаю, что марсиане посмотрели на нас как следует и сказали друг другу: ребята, давайте-ка свалим от греха подальше, а вернемся этак через десять тысяч лет и посмотрим, может быть тогда они немного повзрослеют. Мистер, а тут опасно. Вам здесь остановить, посередине квартала?

— Да, здесь, справа, — сказала Мэри.

— Классное местечко. Кажется в этом доме жил

этот знаменитый рэкетир? Ларнер? Миг Ларнер?

— Да, именно здесь.

Они вышли. Водитель взял деньги и усмехнулся.

— Я и не сомневался, что вы заплатите как следует. Я это всегда чувствую. Ну, счастливо. И не прозевайте марсиан.

Они вошли в прохладный вестибюль. Джонни вышел из-за стойки, протягивая Дейку руку.

— Ну теперь, я полагаю, ты к нам надолго, Дейк?

— Надеюсь.

— Он оказался упрямым, да, Мэри?

— Нас не было слишком долго?

— Вы последние, дорогая. Мартин Мерман вчера вдруг заинтересовался вашим местонахождением.

Мэри улыбнулась.

— Он ужасный тип. Чего он не знает, о том он догадывается.

Джонни вернулся назад, к своему столику.

— Вы оба будете жить в номере 8-С?

(Перестань так ужасно краснеть, милый.) — Да, Джонни, — ответила за них обоих Мэри.

— Тогда он даст общее задание. Из вас получится сильная команда. Шарду будет нелегко

подыскать вам достойных противников. Ну, а теперь Мартин ждет вас для короткой, но торжественной церемонии.

Они спустились в сад-диораму, где Дейк впервые встретился с Мигелем Ларнером. Мерман встал, его юношеское лицо с глазами старика улыбалось, его рукопожатие было теплым и твердым.

Он сказал:

— Этого мы не могли тебе дать, Дейк. Это ты должен был найти сам. И ты нашел, с помощью Мэри. Ты готов принять нас?

— Да, полностью.

— Только так и мы можем... принять тебя в нашу семью. Без всяких сомнений и колебаний. Подними, пожалуйста, правую руку. Повторять за мной не обязательно. Просто скажи: "Я согласен", когда я закончу. Согласен ли ты, Дейк Лорин, с чистым сердцем, разумом и духом, оставаясь в вечном долгу перед Землей, твоей родной планетой, обеспечивать лидеров для Империи? Согласен ли ты выполнять все порученные тебе задания, зная, что их выполнение приведет к тому, что Земля, твоя родная планета, будет оставаться в диком и отсталом состоянии, когда ни дальнейший прогресс, ни регресс будут

невозможны? Обещаешь ли ты использовать для выполнения этих заданий все ресурсы своего разума и духа, причем не только те, которыми ты овладел, обучаясь у нас, но и те, которые ты приобрел еще до знакомства с нами?

Глаза Мартина Мермана были внимательны и серьезны.

— Да, я согласен, — сказал Дейк.

— Во имя будущего всего человечества, — сказал Мартин Мерман.

— Во имя будущего всего человечества, — повторила Мэри тихо.

— Теперь ты один из нас, Дейк. И с этих пор я по сто раз в году буду разбивать твое сердце. Иногда тебе будет больно, ты будешь презирать нас и себя. Тебе придется делать вещи, которые ты, в своей предыдущей жизни считал отвратительными. Но ты будешь их делать. Холодно. Неотвратимо. Потому что цель ясна. — Неожиданно Мартин улыбнулся. У него была удивительно мальчишеская улыбка. — Что-нибудь еще, Мэри? — спросил он.

— Еще одна… маленькая церемония, Мартин. (Ну, а теперь, кто стал похож на помидор?) — Это наша собственная, фирменная церемония, Дейк, — сказал Мартин. — Единение. У нее нет

официального статуса. Только моральный и эмоциональный. Любой из вас может в любой момент расторгнуть этот договор, для этого достаточно просто сформулировать такое пожелание. Однако за всю нашу историю ни один подобный договор не был расторгнут. Ведь это, если вы простите мне мой неудачный каламбур, любовь разумов. И здесь не может быть никакого обмана, никакого досадного непонимания, никаких секретов друг от друга. Вы будете жить и работать вместе, как одна необычайно сыгранная команда. Вы будете радоваться успехам друг друга и утешать друг друга при неудачах. Если у вас будут дети, их заберут от вас, и они будут жить в одном из центральных миров Империи, а вы воссоединитесь с ними только тогда, когда все ваши дела здесь будут закончены. Они все еще будут детьми и по-прежнему будут нуждаться в вас. И ваши должности в Империи будут также взаимосвязаны, как и здесь. Вы согласны?

— Если Мэри согласна, — ответил Дейк.

Мэри молча кивнула. Мартин улыбаясь сказал:

— Тогда нам нужны свидетели.

Послышался слабый шум, и рядом с ними появилась Карен. А потом и Джонни, и Уоткинс, а следом один за другим и все остальные товарищи

по обучению. И люди, которых он видел в вестибюле той далекой страшной ночью. И множество других, незнакомых. Они разбились на группы в этом тихом, благоухающем саду, и их лица отражались в воде бассейна.

Дейк всегда был одиноким человеком. У него никогда не было своей компании, за исключением месяцев, проведенных на Базе Т. Там он впервые испытал чувство локтя, общность интересов. И, теперь, тепло всех этих собравшихся людей окружило и поглотило его. У них были гордые лица, честные глаза, и было в них еще что-то… сверхчеловеческое, что ли. Сверхсущества, которые жили среди людей с грустью, гордостью и смирением. Он почувствовал удивительное единение со своей группой, он стал ее частью. Он понял, что никогда более он не будет одиноким.

Он стоял долгие мгновения, ощущая окончательное, полное единение с ними, чувствуя трудность задач, которые за долгие годы ему предстоит решить, зная, что с этого момента по-настоящему началась его служба.

Он взял сильную загорелую руку Мэри и повернулся так, что они с ней оказались стоящими рядом, лицом к Мартину Мерману. Мэри сжала его руку. Дейк Лорин расправил плечи и спокой-

но стоял ожидая, что скажет Мартин Мерман.